

с. 692

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СОЦИАЛЬНАЯ МОРАЛЬ.

Статьи профессоров
Свободной Школы социальных наук
въ Парижѣ.

203558

Издание Б. Н. Звонарева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Бусселя, Невскій проспектъ, домъ № 126.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 11 Апрелья 1901 г.

І.

Д-ръ Э. Дельбэ,

Директоръ Свободной Школы социальныхъ наукъ.

Позитивная нравственность.

1

В. П. С. Иванов

И. П. С. Иванов

И. П. С. Иванов

И. П. С. Иванов

Позитивизмъ заключаетъ въ себѣ все человѣческое знаніе. Огюсть Контъ сопоставилъ его различныя части въ своей знаменитой классификаціи наукъ, основанной на двойномъ принципѣ: уменьшающейся общности и увеличивающейся сложности явленій. Она исходитъ изъ области матеріальнаго порядка и доходитъ до порядка жизни и до порядка человѣческаго—общественнаго и личнаго—существованія. На вершинѣ этой грандіозной лѣстницы является седьмая и послѣдняя наука, наука о нравственности. Менѣе общая, но болѣе сложная, чѣмъ всѣ остальные, она ихъ всѣ воплощаетъ въ себѣ; она—цѣль и конецъ всѣхъ другихъ знаній, которыя, такъ сказать, являются лишь предварительными и подготовительными. Дѣйствительно, не она-ли—наука о самомъ человѣкѣ, составляющемъ въ своемъ нераздѣльномъ существованіи единственную конечную цѣль всякой человѣческой теоріи?

Огюсть Контъ, указавъ нравственности такое выдающееся мѣсто, не успѣлъ написать сочиненія, которое хотѣлъ ей посвятить; но онъ оставилъ планъ, который и былъ разработанъ его послѣдо-

вателемъ Пьеромъ Лафитомъ въ цѣлой серіи достопамятныхъ лекцій, читанныхъ въ качествѣ самостоятельнаго курса въ Сорбоннѣ. Пользуясь этимъ матеріаломъ и своими собственными научными изслѣдованіями, я постараюсь выяснитъ общій взглядъ на нравственность и ея эволюцію съ точки зрѣнія позитивизма. Матеріаль очень обширенъ, поэтому я смогу касаться предметовъ лишь поверхностно и буду счастливъ, если мнѣ удастся выяснитъ всю важность рѣшеній великихъ проблемъ судебъ чело-вѣчества, рѣшеній, которыми мы обязаны позитивизму.

I.

Наша исходная точка — человеческая природа. Мы принимаемъ ее, какъ она есть, со всеми ея достоинствами, и недостатками, ограничиваясь лишь тѣмъ, что констатируемъ въ ней много добрыхъ инстинктовъ, врожденныхъ хорошихъ наклонностей, способныхъ устоять противъ эгоистическихъ побужденій и обезпечить побѣду обществу надъ личностью, что и является великой нравственной задачей.

Этимологически слово *нравственность* (*morale*) во французскомъ языкѣ заключаетъ въ себѣ понятія привычки и мѣры. Терминъ этотъ прекрасно составленъ, такъ какъ онъ объясняетъ происхожденіе нравственности изъ обычаевъ, свободно развившихся въ силу необходимости въ человеческихъ группахъ, въ особенности въ семьѣ, самой естественной изъ этихъ группъ, благодаря воздѣйствію ихъ на отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ онѣ состоятъ. Это простое явленіе, столь же произвольное, какъ и необходимое, наблюдается также у животныхъ съ момента, когда у нихъ проявляется различіе пола. Развѣ не избито утвержденіе, что и у

животныхъ есть обычаи? Ни одно общество животныхъ, временное или постоянное, не можетъ существовать безъ порядка. Тѣмъ болѣе это относится къ человѣческимъ обществамъ въ какой угодно формѣ. Достаточно наличности двухъ первобытныхъ существъ, чтобы между ними возникло нѣкотораго рода соглашеніе и регулирующія его правила. Эти правила и проистекающая изъ нихъ привычка и составляютъ зародышъ нравственности.

Вызванная необходимостью, разросшаяся при помощи безпрестанныхъ наблюденій, нравственность образуется мало по малу, особенно благодаря воздѣйствию совокупности человѣческихъ группъ на ихъ составныя части. Эти группы суть *коллективныя существа*, каковы семьи, трибы, кланы, города, націи, отечества, государства, безъ участія которыхъ человѣческая эволюція была бы непонятна.

Нельзя себѣ представить человѣка вполне изолированнымъ; его можно понимать лишь въ обществѣ, т. е. составляющимъ часть болѣе или менѣе многочисленной ассоціаціи; онъ состоитъ членомъ этой ассоціаціи, находится подъ ея господствомъ, и всѣ его способности подвергаются ея воздѣйствию. По мѣрѣ того, какъ растетъ значеніе этой ассоціаціи, увеличивается и вліяніе ея на каждого изъ членовъ. Дѣйствія и воздѣйствія слѣдуютъ другъ за другомъ, отношенія усложняются; обязанности, долгъ дѣлаются болѣе и болѣе многочислен-

ными и опредѣленными; устанавливается порядокъ. Нравственность, которая и есть проявленіе его, создается эмпирически; постепенныя приобрѣтенія передаются уже по традиціи, благодаря старикамъ, пользующимся глубокимъ уваженіемъ, которое само есть источникъ нравственности.

Такимъ образомъ постепенно въ различныхъ частяхъ нашей планеты образуется небольшой, сперва непрочный нравственный запасъ, который, пройдя цѣлый рядъ, вѣковъ дѣлается *нравственнымъ капиталомъ человечества*. Мы имъ живемъ, и благодаря ему наши предки, созидавшіе его, имѣютъ надъ нами власть, которая увеличивается по мѣрѣ того, какъ увеличивается самъ капиталъ. Нравственность представляется намъ однимъ изъ великихъ непосредственныхъ произведеній человечества, такъ же какъ и религія, собственность, языкъ. Уже Паскаль сравнивалъ нравственность съ языкомъ, говоря, что то и другое *науки частныя, но универсальныя*.

Благородное зрѣлище, на которое нельзя смотрѣть безъ чувства глубокаго уваженія и восхищенія, представляетъ собой человечество, себя создающее, безпрестанно совершенствующееся путемъ столь трудолюбивыхъ усилій. Будемъ же привѣтствовать это славное прошлое, которому мы всѣмъ обязаны, тѣмъ же возгласомъ, которымъ поэтъ привѣтствовалъ завершеніе римскаго величія:

Tantae molis erat humanos condere mores!

Какъ ни громадно было величіе Рима, почитаемаго своими гражданами, какъ величайшее изъ произведеній человѣчества, *maxima rerum*,—нравственность еще болѣе великое твореніе, болѣе достойное вызывать въ душѣ человѣка чувство законной гордости.

II.

Религія создавалась и развивалась въ то же время, какъ и нравственность, и въ силу той же необходимости, именно въ силу крайней, настоятельной потребности основать теорію, разъясняющую окружающее, и установить отношенія человѣка къ міру. Эта же теорія служитъ основой отношеніямъ людей между собою, въ которыхъ собственно и заключается область нравственности.

Религія и нравственность, будучи одновременными и естественно связанными другъ съ другомъ, опираются другъ на друга и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соединяются между собой. Теоріи фетишизма, политеизма и монотеизма имъ общи, какъ и вытекающія изъ нихъ правила поведенія; между ними господствуетъ солидарность, даже, такъ сказать, связь, съ которыми метафизика вступаетъ лишь иногда въ борьбу, но безуспѣшно: древній предразсудокъ, ставящій нравственность въ зависимость отъ религіи, выдерживаетъ всѣ нападки стои-

ковъ и даже эпикурейцевъ; христіанство его освящаетъ, и онъ живетъ еще понынѣ, какъ догматъ вѣры для многихъ.

Дѣйствительно, эти открытія сами по себѣ могутъ служить основой истинно независимой нравственности, возведенной въ самостоятельную науку. Эта нравственность съ давнихъ поръ предчувствовалась, предсказывалась и подготовлялась философами къ великому неудовольствію Паскаля, который указываетъ общественному мнѣнію на это посягательство: «Какова бы ни была душа, говоритъ онъ, смертна, или бессмертна, несомнѣнно, что нравственность должна быть въ обоихъ случаяхъ исполнѣ различна: философы однако ставили нравственность внѣ зависимости отъ этого». Это — понятная забота въ такомъ христіанинѣ, какъ Паскаль; но онъ не видитъ, что зло, которое его беспокоитъ, имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ мысли философовъ. Начало его относится къ далекому прошлому, когда появилось великое понятіе о *неизбѣжной судьбѣ (Fatum)*, источникъ всѣхъ наукъ, противъ котораго бессильна даже воля самого Юпитера. Только «великій рокъ» представляетъ собой принципъ порядка среди прихотливыхъ желаній боговъ политеизма; онъ истинный отецъ законовъ, которые, прогрессивно освобождаясь отъ наблюденій надъ фактами, мало по малу перешли отъ самыхъ простыхъ явленій матеріальнаго порядка къ явленіямъ біологій и нравственности.

III.

Позитивизмъ отвергаетъ всякое внѣшнее вліяніе, всякое участіе сверхъестественнаго въ человѣчскомъ. Его вѣра состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ все относительнымъ и всѣ явленія связанными между собой естественными законами, и выходитъ изъ мысли, что человѣкъ черпаетъ все изъ себя и изъ своихъ отношеній къ міру; что общества, создавъ въ своемъ лонѣ порядокъ, тѣмъ обезпечили его развитіе путемъ прогресса. Но эти убѣжденія не мѣшаютъ позитивизму понять и оцѣнить во всемъ ихъ значеніи услуги, оказанныя человѣчеству мнимыми опекунами, которымъ оно должно было вѣрить во время своего продолжительнаго дѣтства.

Въ нашихъ глазахъ созданіе нравственности было дѣломъ произвольнымъ и въ общемъ безыменнымъ. Однако, можно-ли сказать, что въ этомъ великомъ твореніи все дѣлалось эмпирически, и что теорія не принимала въ немъ никакого участія? Отбросимъ эту мысль, противную самимъ законамъ, управляющимъ ходомъ человѣческой мысли; во всякомъ случаѣ практика и теорія содѣйствуютъ успѣху, внося каждая свою долю подъ высшимъ руководствомъ человѣчества. Каждой функціи соотвѣтствуетъ органъ, нашелся органъ и для тѣхъ функцій, которыя не могли остаться незанятыми, для функцій теоретика, хранителя, распространителя нравственности.

Въ гротахъ, гдѣ укрывались фетиши и ихъ представители, въ пещерахъ ворожей, въ святилищахъ древней теократіи и оракуловъ, на площадяхъ Греціи и Рима, такъ же какъ и въ христіанскихъ церквахъ, въ мечетяхъ и школахъ, вездѣ, всегда и повсюду нравственность имѣеть свои свободные или официальные органы: священниковъ, философовъ; но каковы бы ни были ихъ авторитетъ и довѣріе къ нимъ, какова бы ни была сила откровенія, которую имъ приписывали, никогда они не были создателями, изобрѣтателями нравственности въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее вообще понимаютъ.

Ихъ роль состояла въ томъ, чтобы болѣе или менѣе систематично сопоставить и яснѣе выразить добытыя рѣшенія, часто даже подсказанныя общимъ здравымъ смысломъ. Имъ надлежало также разъяснять, распространять ихъ и часто даже навязывать насильно рѣшенія, признанныя лучшими: это были неизбѣжныя злоупотребленія въ тѣ времена, когда нравственность, связанная съ вѣрой, такой же абсолютной, какъ и она, не могла допускать разсужденій.

Участіе теоретиковъ въ нравственности можно сравнить съ участіемъ законовѣдцовъ въ правѣ; типомъ такого участія можно считать дѣйствія римскаго претора: его эдиктъ является закономъ, такъ какъ онъ основанъ на обычаяхъ и выводитъ заключеніе, соотвѣтствующее усвоеннымъ средою понятіямъ. Въ нравственности, а также и въ ана-

логичныхъ случаяхъ, теоретики формулируютъ положенія и, чтобы выставить ихъ безспорными, они ихъ освящаютъ именемъ неоспоримаго и страшнаго божественнаго авторитета. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, появляясь черезъ большіе промежутки времени, провозглашаютъ уже не нѣсколько отдѣльныхъ истинъ, а методы и цѣлыя нравственные кодексы: таковы ученые Индіи, Китая, Греціи— Конфуцій, Сократъ, Магометъ; таковы также великіе мыслители всѣхъ временъ, говорившіе во имя разума и науки.

Исходя изъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ рѣшеній, освятить окончательно установленныя правила поведенія въ главныхъ случаяхъ, теорія по своимъ свойствамъ допустила возможность образованія смѣняющихся другъ друга состояній *нравственнаго равновѣсія*, изъ которыхъ каждое соотвѣтствуетъ какой-нибудь великой фазѣ человѣческаго развитія: то, что называютъ правами народа или націи въ данный моментъ исторіи, и есть это равновѣсіе; эта совокупность правилъ и предразсудковъ, владѣющихъ обществомъ, и является на время болѣе или менѣе разумнымъ и правильнымъ мѣриломъ людскаго поведенія, такъ какъ оно всегда соотвѣтствуетъ мѣсту и времени.

Идея, такъ прекрасно выраженная у Буало: «У каждаго вѣка свои удовольствія, свой духъ и свои нравы», справедлива также и для коллективныхъ существъ. Каждому періоду ихъ развитія, каждой

фазѣ ихъ умственнаго состоянія соотвѣтствуетъ нравственный идеаль, принятый, опредѣленный и освященный теоретической властью; публика направлена къ этому идеалу и часто ей навязываютъ его *per fas et nefas*, такъ какъ все считается дозволеннымъ для достиженія прекрасной въ сущности цѣли—*нравственнаго единства*. Слишкомъ часто однако нравственный успѣхъ осуществляется лишь при помощи силы и страха, которыя, по пословицѣ, составляютъ начало мудрости.

IV.

Теперь можно попробовать опредѣлить нравственность. Но остается выяснитъ предварительно еще одинъ вопросъ, а именно: искусство ли она или наука? Вопросъ не простой, и требующій разрѣшенія иного, чѣмъ тѣ, какія предлагались до сихъ поръ при помощи бездоказательныхъ утверждений или просто недостаточныхъ ясныхъ толкованій.

Величайшіе умы, проникнутые важностью и высшимъ значеніемъ нравственности, между прочимъ Паскаль, даютъ ей названіе науки; это съ ихъ стороны выраженіе извѣстнаго желанія, состоянія духа, актъ снисхожденія: если они ей даютъ это названіе, то это, такъ сказать *«honoris causa»*. Въ сущности, во все прошлое время, въ то время

когда писалъ Паскаль и до нашихъ дней, нравственность была только искусствомъ. Какъ же иначе назвать собраніе болѣе или менѣе хорошо составленныхъ, но еще теоретически не обоснованныхъ практическихъ правилъ? Впрочемъ иначе и быть не могло; низшія науки, отъ которыхъ зависитъ нравственность,—біологія; особенно соціологія—еще почти не существовали. Считалось невозможнымъ ввести въ соціологію, въ новую науку, не имѣвшую еще ни имени, ни опредѣленія, понятіе закона, только что допущенное въ біологіи. Кто могъ мечтать, что понятію закона, внѣ котораго нѣтъ науки, удастся проникнуть въ болѣе сложную и болѣе трудную область нравственности, тѣсно связанную съ религіей?

Самъ Огюсть Контъ, основавшій соціологію, сперва не отдѣлялъ отъ нея нравственности; она заключалась въ соціологіи, какъ одно изъ искусствъ, зависящихъ отъ этой науки. Но болѣе глубокое изслѣдованіе доказало ему, что слѣдовало ее отдѣлить и сдѣлать изъ нея седьмую науку, граничащую со всѣми остальными и резюмирующую ихъ. Разсматриваемая сама по себѣ, нравственность есть спеціальнѣйшая изъ наукъ, такъ какъ единственный предметъ ея—человѣкъ, но въ то же время она и самая сложная, такъ какъ ея предметъ — самое сложное изъ всѣхъ существъ. Это легко можно доказать, сравнивъ нравственность съ

объими науками, которыя непосредственно предшествуютъ ей въ серіи наукъ.

Біологія изучаетъ всѣ живыя существа, слѣдовательно и общія условія человѣческаго существованія. Соціологія, непосредственно предшествуя нравственности, занимается изученіемъ людскихъ ассоціацій и отношеній личности къ общественнымъ группамъ, къ которымъ она принадлежитъ. Соціологія освѣщаетъ, способствуетъ выясненію индивидуальной жизни, которую нельзя вполнѣ понять, безъ связи съ социальными задачами и не считаясь съ ними.

703558 Нравственность идетъ еще далѣе: она разсматриваетъ вопросы личной жизни, очевидно болѣе сложной, чѣмъ общественная, и на этомъ основаніи она должна считаться съ очень важными явлениями, которыми можно пренебречь въ соціологіи: таково воздѣйствіе внутренностей на мозгъ или, болѣе общее, тѣла на разумъ, что составляетъ источникъ столькихъ осложненій.

Здравый смыслъ всегда видѣлъ возможность отношеній физическаго къ нравственному; онъ даже слишкомъ преувеличивалъ ее, такъ какъ, при незнаніи мозговыхъ отправленій, сами внутренности считались вмѣстилищемъ нашихъ способностей. Метафизика также признала эту локализацию и часто пыталась указать, гдѣ помѣщается душа, объединяющая умственные и нравственные способности, но она приходила только къ смѣшнымъ за-

ключеніямъ, каковы архей Ванъ-Гельмонта и роль, приписываемая шишковидной железѣ (*glandula pinealis*).

Но есть еще одинъ доводъ, и самый существенный, который оправдываетъ возведеніе нравственности въ специальную науку. Этотъ доводъ заключается въ томъ, что человѣческая природа въ дѣйствительности недѣлима и, какъ таковая, должна служить предметомъ изученія.

Тѣло, духъ, сердце или, другими словами, дѣятельность, разумъ, чувство—эти три силы, три элемента человѣческой природы, въ человѣкѣ нераздѣльны и зависятъ другъ отъ друга: они слились въ одно гармоническое цѣлое, всѣ части котораго вполне солидарны; нельзя изслѣдовать и понять одну часть, не изучивъ въ то же время обѣ другія; такимъ образомъ, человѣку слѣдуетъ посвятить специальную науку. Это великая истина, которую абсолютно не признавали до сихъ поръ, и эта ошибка была вѣрно одной изъ важнѣйшихъ причинъ умственной анархій, въ которой мы живемъ. Въ дѣйствительности же врачъ заботится о тѣлѣ, философъ о разумѣ, священникъ о чувствахъ, и каждое изъ этихъ трехъ направленій претендуетъ на то, что нравственность принадлежитъ всецѣло ему. Всякій понимаетъ, какой безпорядокъ, какое безсиліе должны внести эти неурядицы, эти колебанія, эта борьба въ столь серьезномъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ необходимо создать науку о чело-

вѣческомъ единствѣ, появленіе которой подготовили изслѣдованія Ж. Леруа, Кабаниса, Галля, рѣшительно сопоставлявшихъ положительное изученіе души (совокупности всѣхъ нашихъ способностей) съ изученіемъ тѣла.

Существуетъ названіе, которое, кажется, спеціально принаровлено къ этой новой наукѣ: антропология. Почему бы не замѣнить имъ названія «нравственность»? Контъ хотѣлъ было это сдѣлать, но онъ замѣтилъ, что это названіе сдѣлалось уже спеціальнымъ и потеряло свое общее значеніе. Употребленіе его поддержало бы въ ученіи о человѣкѣ разладъ и проистекающую отсюда неясность: онъ рѣшилъ сохранить лучше названіе «нравственность», освященное традиціей и прекрасно выражающее благородное назначеніе этой науки, призванной упрочить руководство человѣческимъ поведеніемъ.

Но возникаетъ еще одно возраженіе противъ употребленія термина «наука», который примѣняется обыкновенно къ отвлеченнымъ понятіямъ общаго порядка. Быть можетъ нравственность скорѣе искусство, чѣмъ наука, такъ какъ она призвана руководить и направлять? Да, несомнѣнно существуетъ нравственное искусство, въ которомъ, какъ мы уже сказали, и заключалась вся нравственность въ продолженіе долгихъ вѣковъ. Это искусство состоитъ въ томъ смягчающемъ дѣйствіи, которое человѣкъ, непосредственно или посредствомъ воздѣй-

ствій существующихъ или исчезнувшихъ общественныхъ союзовъ, оказываетъ на свою собственную природу. Но это самое благородное изъ искусствъ покоится на совокупности отвлеченныхъ понятій о вещественномъ и жизненномъ; болѣе непосредственно оно основывается на біосоціальныхъ теоріяхъ, изъ составленія которыхъ оно дѣлаетъ необходимые выводы; наконецъ, оно прямо происходитъ изъ теоріи, субъективно построенной Кантомъ, и изъ совокупности законовъ, свойственныхъ человѣческой природѣ; эта беспредѣльная отвлеченная область и есть нравственная наука.

Такова сложность разсмотрѣнныхъ явленій; таково также синтетическое свойство этой науки, резюмирующей въ себѣ всё остальныя, такъ какъ въ ней законъ и слѣдствіе его—дѣйствіе, находятся въ прямомъ, такъ сказать, непосредственномъ отношеніи. Бываетъ также, что искусство и наука непрерывно сплетаются другъ съ другомъ, въ виду преобладанія практической точки зрѣнія; но область отвлеченная и область конкретная остаются въ дѣйствительности различными и могутъ быть всегда раздѣлены точнымъ анализомъ.

V.

Дойдя до этого пункта нашего изложенія, и опредѣливъ существенныя условія нравственности, можно теперь точно опредѣлить ее самое. Отстраняя всякія разсужденія по этому поводу, я предлагаю просто слѣдующее опредѣленіе, которое, кажется, ясно выражаетъ позитивное понятіе.

Нравственность—наука о человѣческомъ единствѣ; ея цѣль—совершенствованіе человѣка.

Сопоставляя для достиженія этой цѣли свои собственные законы съ законами низшихъ наукъ, она старается, при помощи соотвѣтствующаго искусства, создать, сохранить или возстановить для отдѣльнаго человѣка или общества наилучшія условія, позволяющія обезпечить побѣду общественности надъ индивидуальностью, альтруизма надъ эгоизмомъ.

VI.

Теперь скажу еще нѣсколько словъ, чтобы дополнить эти общіе взгляды на нравственность съ позитивной точки зрѣнія.

Какъ достичь этой великой цѣли совершенствованія человѣка? Кто будетъ разрабатывать нравственность и обучать ей? Какова будетъ ея санкція, если только необходима какая-нибудь санкція?

Итакъ, какъ она будетъ разработана? Мы указали, что свободно создавшаяся въ продолженіе вѣковъ долгими и упорными общественными усиліями, она существуетъ въ силу обстоятельствъ, но еще находится въ состояніи неопредѣленной, болѣе или менѣе несвязной массы. Крайне необходимо привести все въ общую систему и отдѣлить конкретную часть отъ отвлеченныхъ данныхъ. Уже позитивизмъ началъ это великое дѣло, необходимость котораго всеми признана, и мыслители всѣхъ странъ болѣе или менѣе добросовѣстно стремятся его осуществить. Понемногу разсѣивается тьма, которою метафизика, философская или религіозная, окутала этотъ предметъ. Относительныя понятія проникаютъ въ нравственную область. Совѣсть, такъ долго считавшаяся неограниченнымъ и непогрѣшимымъ судьей добра и зла, появляется передъ нами въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, какъ сложный результатъ умственной дѣятельности, измѣненной цивилизаціей. Измѣняющаяся согласно законамъ, управляющимъ человѣческой эволюціей, она является вдохновительницей нашего поведенія въ данный моментъ, но при одномъ условіи, чтобы она раньше получила твердое основаніе. Она—не великая воспитательница, какъ ее назвали, но напротивъ, сложный результатъ многократныхъ вліяній, и главная задача воспитанія заключается въ томъ, чтобы, образуя и развивая совѣсть, создать состояніе нравственнаго равновѣсія для лич-

ностей и ассоціацій. Нельзя увѣрять наперекоръ очевидности, что это равновѣсіе, выраженіемъ котораго служить совѣсть, есть нѣчто опредѣленное, свободное отъ вліяній среды въ пространствѣ и времени.

Воспитаніе есть цѣлая система идей и привычекъ, необходимыхъ для подготовки личности къ жизни въ той средѣ, къ которой она принадлежитъ. Начатое въ семьѣ, которая передаетъ ребенку всѣ принятыя ею предубѣжденія, воспитаніе заканчивается теоретическимъ преподаваніемъ, органомъ котораго можетъ быть только интеллектуальная или духовная сила, являющаяся хранительницей науки; подъ руководствомъ этого органа дѣлается различіе между хорошими и дурными предубѣжденіями, хорошія предубѣжденія освящаются серьезными доказательствами, возможными въ нравственности, какъ и во всякой другой наукѣ. Полный результатъ воспитанія — созданіе въ насъ *второй природы*, происхожденіе которой народный здравый смыслъ приписываетъ исключительному вліянію привычки; наша идея та же, такъ какъ мы, позитивисты, должны понимать предубѣжденіе въ смыслѣ привычки, могущей быть поддержанной доказательствами.

Но есть предубѣжденія, которыя не могутъ быть поддержаны доказательствами, и которыя поэтому должны исчезнуть; нѣтъ болѣе упорной идеи, чѣмъ, на примѣръ, идея санкціи, понимаемая нераздѣльно отъ идеи нравственности. Нравственность, какъ

всякая другая наука, не требует иной санкции, кромѣ выводовъ изъ добровольныхъ или недобровольныхъ заблужденій, изъ поступковъ, противныхъ закону, который управляетъ порядкомъ явленій. Это вопросъ объ отвѣтственности чловѣка за свои поступки, поскольку это касается его судьбы. Все остальное всегда было только утешеніемъ, полезной, быть можетъ, пока не были возможны доказательства, но потерявшей цѣну съ тѣхъ поръ, какъ преобладаютъ положительныя понятія. Впрочемъ, на практикѣ, санкція загробной жизни (*dans l'au delà*) всегда представляла собой лишь показателя измѣнчивой, условной цѣнности, увеличающаго постоянную величину, представляемую положительною отвѣтственностью чловѣка. Съ уничтоженіемъ этого показателя нравственность сохраняетъ цѣлостность и значеніе.

Если наша дѣятельность ограничена землей, то кто же больше насъ можетъ быть заинтересованъ въ томъ, чтобы на ней господствовалъ порядокъ, необходимой основой котораго является нравственность?

Стюартъ Милль упрекаетъ какъ-то Огюста Конта, что онъ одержимъ идеей долга и какъ бы опьяненъ нравственностью. Пусть такъ: мы гордимся этимъ упрекомъ нашему учителю; это опьяненіе намъ пріятно; мы будемъ продолжать пить изъ этого источника, питающаго чловѣчество. Убѣжденные въ томъ, что счастье совпадаетъ съ дол-

гомъ, мы постараемся быть все болѣе и болѣе альтруистами, жить столько же для другихъ, какъ и для себя, не теряя изъ виду великой общественной цѣли, которая должна привлекать къ себѣ все усилія человѣка, цѣли, такъ ясно выраженной нашимъ учителемъ въ извѣстномъ афоризмѣ:

Дѣйствовать по склонности и мыслить, чтобы дѣйствовать.

СПбГУ

1. *История города*
 2. *Политическое устройство*
 3. *Экономика и торговля*
 4. *Образование и культура*
 5. *Социальные условия*
 6. *Административное устройство*
 7. *Суд и законодательство*
 8. *Армия и флот*
 9. *Исторические памятники*
 10. *Литература и искусство*
 11. *Современные события*
 12. *Перспективы развития*
 13. *Заключение*
 14. *Список литературы*
 15. *Приложения*

СПБГУ

II.

А. Дарлю.

Общественные и нравственные идеи.

11
А Д Д И О
Общественный институт
Слугу

Умственное недомоганіе нашей эпохи, кажется, происходит не отъ недостатка, а отъ обилія понятій, осаждающихъ наши умы со всѣхъ сторонъ—такъ что мы не знаемъ, какъ ихъ примирить между собою. Г. Вогюэ гдѣ-то говоритъ о крикѣ духовнаго голода, который слышенъ въ этотъ моментъ. Возможно, что нѣкоторые умы терпятъ голодь, но они находятся рядомъ съ огромными богатствами, которыми они не умѣютъ пользоваться. Современная сложная цивилизація приводитъ въ движеніе большее число болѣе противоположныхъ стремленій, чѣмъ это было въ прошломъ. Демократическая, промышленная, національная по своему характеру, она возбуждаетъ, то вознося, то унижая, чувство свободы, потребность въ равенствѣ, антагонизмъ классовъ и расъ, духъ наживы и денежную лихорадку, мечту о возвращеніи къ естественному состоянію и болѣе простой жизни, индивидуалистическій духъ и духъ отреченія; она одухотворяетъ болѣе или менѣе опредѣленные ученія, гдѣ эти порывы ищутъ своего выраженія; она выдвигаетъ различныя формы нравственности: нравственность соперничества, нрав-

ственность войны, социалистическую нравственность, нравственность анархій, эгоистическую и пессимистическую нравственность и т. п. Въ то же время исторія оживляетъ вновь забытыя идеи прошедшихъ вѣковъ, которыя, будучи вновь поставлены передъ нами, получаютъ опять новую прелесть, несомнѣнно немного искусственную, но болѣе замѣтную чѣмъ прежде жизнь. Буддизмъ достигаетъ запоздалаго расцвѣта на нашемъ Западѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ или на берегахъ Сены. Не рассказывалъ-ли намъ недавно Анатоль Франсъ, что онъ встрѣтилъ въ омнибусѣ кондуктора, исповѣдовавшаго буддистскую религію? Мы имѣемъ также своихъ Эпикурейцевъ и Стоиковъ. Первые, чтобы слегка замаскировать себя, приняли имя позитивистовъ. Но они, какъ древній Аѳинскій мудрецъ, исповѣдуютъ культъ физики, въ которой они ищутъ успокоенія, умиротворяющаго сердца и освобожденія отъ тяжелаго теологическаго суевѣрія, которое грозитъ намъ постоянно съ небесныхъ высотъ.

Наши стоики или нео-кантисты не довѣряютъ счастью: они ищутъ убожища въ чемъ-то вродѣ гордаго аскетизма; они повторяютъ древнее изреченіе: *et coelum et virtus* (и небо, и добродѣтель); они говорятъ, какъ Ренанъ: «Нѣтъ ничего достойнаго, кромѣ долга». Но даже и такой человекъ держится буквы стараго ученія. Тэнъ пишетъ въ концѣ одного очерка о Маркѣ Авреліи и его философіи слѣдующее: «Въ теченіи шестнадцати вѣковъ

мы научились многому, но мы не открыли въ нравственности ничего, что бы достигало высоты и истины этого ученія. Наша положительная наука лучше проникла въ частности законовъ, управляющихъ міромъ; но, независимо отъ различій въ языкѣ, она ведетъ именно къ этому общему взгляду». Наконецъ, что бы мы ни думали, мы все живемъ въ христіанской атмосферѣ. Христіанство остается основнымъ фундаментомъ современной совѣсти, на который опираются наши индивидуальныя совѣсти. Между тѣмъ нашими умами завладѣли воззрѣнія, которыя естественныя науки вырабатываютъ въ теченіе трехъ вѣковъ и которыя, нужно сознаться, не мирятся легко ни съ традиціонными вѣрованіями, ни даже съ потребностями нашего сердца.

Подверженные столькимъ противоположнымъ вліяніямъ, юные умы могутъ быть спутаны съ перваго момента, какъ они начинаютъ размышлять. Чѣмъ мы можемъ помочь имъ? Отъ насъ требуютъ, чтобы мы изложили все эти принципы, изъ которыхъ каждый долженъ былъ бы служить для руководства всей жизни, и дали возможность посѣтить этотъ родъ художественной галлерей формъ человѣческаго существованія. Желая помочь недугу молодого поколѣнія, не рискуемъ-ли мы усилить его? Есть-ли одинъ принципъ согласія, одна точка совпаденія, гдѣ-бы наши мысли могли встрѣтиться? Я попытаюсь отмѣтить ее тамъ, гдѣ я ее вижу. Но пока я изложу свое мнѣніе. Дѣло всѣхъ, а не

только одного признавать какую-либо идею истинной. Безспорно, что продолжительное размышление, приводя идеи къ ихъ принципамъ, постоянно упрощаетъ ихъ въ извѣстной мѣрѣ и уменьшаетъ ихъ различіе. И далѣе, располагая ихъ по классамъ и разрядамъ, оно заставляеть лучше выступать ихъ значеніе, ихъ относительную истинность.

Я говорилъ о собственно научныхъ понятіяхъ. Наиболѣе значительное изъ нихъ образовалось въ теченіе этого вѣка, благодаря взаимной работѣ исторіи человѣчества и естественной исторіи: это понятіе эволюціи. Трудно объять весь кругъ его дѣйствій. Можно сказать, что оно измѣнило нашъ взглядъ на міръ и на человѣка. Оно сдѣлало подвижными и мѣняющимися принципы, на которыхъ мы устроили нашу жизнь. Идеаль искусства, правила поведенія, религиозные догматы—всѣхъ ихъ оно представило намъ, какъ историческія дѣйствія, какъ мнѣнія, идущія по пути превращеній. Приложенное къ самой душѣ, къ совѣсти, оно пригласило насъ подняться къ происхожденію обществъ, чтобы присутствовать при возникновеніи совѣсти и чтобы слѣдовать за образованіемъ нравственныхъ идей. Эти идеи являются слѣдствіемъ опыта, накопленнаго родомъ человѣческимъ, и онѣ питають бессознательную жизнь каждаго индивида. Идея долга есть самое драгоцѣнное наслѣдіе, переданное прошлыми поколениями человѣчества нынѣшнему. Она предшествуетъ разсужденію, недоступна доказательству,

какъ это говорилъ Кантъ. Но она уже не голосъ Бога: она только голосъ мертвыхъ, выраженіе власти мертвыхъ надъ живыми, о которой говоритъ Огюстъ Контъ. Въ краснорѣчивой статьѣ о кризисѣ нравственности, Шереръ, изслѣдуя это новое пониманіе совѣсти, спрашивалъ съ грустью, что бы сказала Кантъ, если бы въ идеѣ, которую онъ считалъ совершенней съ неба совершенно чистой, ему открыли это долгое прошлое, созданное изъ слезъ, изъ крови и изъ людскихъ заблужденій? И Шереръ самъ былъ испуганъ этимъ.

И это воззрѣніе постоянно выводитъ слѣдствія съ неумолимой логичностью. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: нравственность имѣетъ общественное происхожденіе. Добро и зло состоятъ въ соотношеніи нашихъ дѣйствій съ социальнымъ интересомъ, съ условіями социальной жизни. То, что является условіемъ жизни сообща, какъ-то: уваженіе къ жизни согражданъ, вѣрность обязательствамъ, повиновеніе начальнику, — потребовано общественной властью, присоветовано мнѣніемъ, представлено какъ достойное, *honensium*, воспринято какъ обязательное. Напротивъ, все наносящее ущербъ обществу — дурно, наказуемо, постыдно. Итакъ, нравственность разсматривается, какъ вѣтвь социальныхъ наукъ, потерявъ, слѣдовательно, свое религіозное происхожденіе и свой божественный ореоль — вотъ первое слѣдствіе, изъ принципа эволюціи. Съ этимъ воззрѣніемъ можно связать имена Огюста Конта и

Спенсера, которые являются его представителями по разнымъ, но почти одинаково важнымъ основа- ниямъ, одинъ—въ мѣрѣ латинскомъ, другой—въ мѣрѣ англо-саксонскомъ.

Затѣмъ также безпрекословно принципъ эволюціи обязываетъ насъ, какъ кажется, разсматривать че- ловѣка въ природѣ, поставить его на соответствующее мѣсто въ іерархіи животныхъ, изслѣдовать законы человѣческаго общества въ элементарныхъ формахъ животныхъ обществъ, словомъ, обосновать нравственность на біологіи. Это и случилось. Такъ образовались нравственныя идеи, если не абсолютно новыя, то хоть отмѣченныя характеромъ новизны, и представившіяся съ импонирующей авторитетностью: это научныя истины; онѣ имѣютъ характеръ матеріальной очевидности: природа сама научаетъ насъ имъ. Я отмѣчу изъ нихъ преимущественно двѣ. Первая— идея о борьбѣ за существованіе или идея подбора, являющаяся результатомъ этой борьбы. Она не на- шла еще догматическаго мыслителя, который бы систематизировалъ ее, такъ какъ, взятая сама по себѣ, обособленно отъ остальныхъ, она дѣйстви- тельно очень жестока, но она проникла въ наши разсужденія, она одухотворяетъ многія изъ нашихъ нравственныхъ сужденій, она въ частности господ- ствуетъ въ мѣрѣ экономическомъ (нравственность конкуренціи) и въ мѣрѣ международныхъ отношеній, гдѣ она такъ легко поддается историческому объ- ясенію. Я только что встрѣтилъ ее въ одной книгѣ,

полной кровавыхъ предсказаній ¹⁾, подсказывающей автору слѣдующаго рода оцѣнки: «милосердіе есть антисоціальное и вредное чувство. Милосердіе, состраданіе, альтруизмъ,—пережитки прошлаго, которое мы видимъ умирающимъ. Будущность не будетъ уже знать ихъ».

Вторая идея, происходящая изъ того-же источника, какъ и первая, но противопологающая себя ей или же, по меньшей мѣрѣ, дополняющая ее, это идея солидарности. Солидарность одновременно фактъ біологическій и соціальный. Члены организма солидарны, какъ члены трибы или города. Слѣдовательно, наука о природѣ научаетъ насъ нашимъ крупнѣйшимъ обязанностямъ и заставляетъ вывести изъ древней басни Мененія Агришны трактатъ о нравственности. Въ продолжительной и солидарной соціальной средѣ каждое изъ нашихъ дѣйствій и даже воздержаніе, каждое изъ нашихъ словъ и наше молчаніе, отпечатлѣваются на жизни ближняго неизгладимое измѣненіе. Каждый живетъ всѣми и живетъ для всѣхъ. И эта солидарность имѣетъ различныя ступени: она болѣе или менѣе узка и сложна. Она объединяетъ дѣтей и родителей въ семьѣ, компаньоновъ въ коммерческомъ предпріятіи, членовъ синдиката въ корпораціи, рабочихъ и хозяевъ въ промышленности, гражданъ въ отечествѣ,—какъ солидарность семейная, экономическая, рабочая, національная. Это понятіе обладаетъ растяжимостью,

---

¹⁾ *Психологія социализма*. соч. Г. Лебона.

которая позволяет его прилагать къ сложной общественной жизни и къ многоразличію обязанностей. Приспособляя идею братства къ новому міропониманію, оно преобразовываетъ и организуетъ ее. Оно можетъ мириться съ идеей борьбы за существованіе. Рабочая солидарность борется съ классомъ капиталистовъ, національная солидарность возстаеъ противъ иностранныхъ предпріятій.

Какую цѣнность или, вѣрнѣе, какое нравственное значеніе имѣютъ эти двѣ крупныя идеи? Дѣло не въ томъ, чтобы подвергнуть ихъ обсужденію, а лишь въ томъ, чтобы охарактеризовать ихъ, чтобы ихъ классифицировать. Обѣ онѣ выражаютъ факты, законы природы, самыя общіе характеры соціальной среды, въ которой должна происходить наша нравственная дѣятельность. Слѣдовательно, онѣ ограничиваютъ ее, но не управляютъ ею. Борьба и кооперація это факты, съ которыми наша воля должна считаться, какую бы цѣль она ни преслѣдовала, и что бы ее ни воодушевляло. Примѣрно, хозяинъ, который ищетъ въ своемъ предпріятіи лишь наживы, долженъ внести въ свои расчеты результаты солидарности капитала и труда, такъ же, какъ и тотъ, кто ставитъ себѣ задачей улучшить бытъ своихъ рабочихъ. И также просвѣщенный филантропъ долженъ въ своихъ дѣлахъ благотворительности обращать вниманіе на условія борьбы за существованіе и на слѣдствія подбора почти столь же усиленно, какъ и самый опредѣленный *struggle*

forlifer (сторонникъ борьбы за существованіе). Только благодаря причинамъ, имѣющимъ свою основу въ современнаго соціального устройства, нашей совѣсти кажется, что мы должны измѣнить это соціальное устройство, что съ одной стороны мы должны смягчить результаты борьбы, сгладить ея формы, съ другой—укрѣпить въ нашемъ сердцѣ связи природной солидарности. Словомъ, идеи борьбы и солидарности—идеи *натуралистическія*, то-есть идеи, создавшіяся при той точкѣ зрѣнія, когда человѣка разсматриваютъ съ внѣшней стороны, какъ объектъ природы, подчиненный законамъ физической и соціальной среды, въ которой онъ встрѣчается. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь *истинную* точку зрѣнія, принципъ знанія и объясненія вещей. Но когда рѣчь идетъ о знаніи того, что мы *должны* дѣлать той стороной нашей дѣятельности, которую законы окружающей среды оставляютъ безъ опредѣленія, то для нашей мысли существуетъ и другая точка зрѣнія.

Такъ же дѣло обстоитъ и съ принципомъ эволюціи, къ которому примыкаютъ эти идеи. Онъ самъ лишь относительный принципъ; и когда пройдетъ огромное потрясеніе, которое онъ причинилъ человѣческому уму, явившись ему внезапно во всей своей общности, то размышленіе, думается мнѣ, сознаетъ, что онъ, по существу своему, примиримъ съ принципами, которые, какъ казалось первоначально, онъ разрушалъ. Принципъ эволюціи становятся на историческую

точку зрѣнія и переходятъ къ разсмотрѣнію происхожденія и развитія каждой формы существованія: онъ знакомитъ насъ только съ ихъ главными чертами, поэтому онъ не исключаетъ и спекулятивной точки зрѣнія. Мнѣ думается, что Кантъ былъ бы не слишкомъ взволнованъ вопросомъ Шерера. Онъ можетъ быть, отвѣтилъ бы ему нѣчто вродѣ этого: «Я знаю хорошо, что человѣческая совѣсть есть явленіе природы, имѣющее естественныя условія существованія. Она не вѣчно существовала на землѣ; она на ней возникла. Но это не мѣшаетъ тому, чтобы въ ней находилась идея, которая уходитъ за предѣлы фактовъ и законовъ, среди которыхъ она появилась, которая обгоняетъ всю исторію и служитъ предопредѣленной формой того, что должно случиться въ будущемъ». Ученье, что у людей были предки ходившіе, какъ говорилъ Вальтеръ на четверинкахъ, не мѣшаетъ имъ созерцать небо и изслѣдовать его тайны.

Вотъ другія идеи, въ равной мѣрѣ натуралистическаго характера. Я напоминалъ, что нравственная проблема есть проблема будущаго дѣйствія; она ставится въ тотъ моментъ, когда поступки личности перестаютъ опредѣляться внѣшними вліяніями, роковыми условіями борьбы и солидарности. Можно замѣтить, что въ этотъ моментъ она опредѣлена своимъ внутреннимъ инстинктомъ, что она уносится силой, которая въ ней переливается черезъ край и ищетъ выхода. Это несомнѣнно ста-

рое, вѣчное пониманіе, которое, однако, недавно было освѣжено по причинамъ, стоящимъ еще въ связи съ распространеніемъ эволюціонистскихъ идей, доказательствомъ чего мнѣ, однако, придется пренебречь. Въ блестящей книгѣ, имѣвшей очень реальное и очень большое, даже большее вліяніе чѣмъ думаютъ, Гюйо развилъ его съ большой увлекательностью. Долгъ согласно его мнѣнію, есть только сознаніе нашей внутренней способности; это избытокъ жизненности, который требуетъ себѣ выхода. И онъ предлагаетъ намъ, какъ идеальный принципъ, самую жизнь, жизнь, возможно болѣе интенсивную и экстенсивную въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ. Идея, несомнѣнно, расплывчатая; но я думаю, что она можетъ быть внесена въ классификацію, какъ опредѣляющая принципъ анархической нравственности. Гюйо самъ себя не обманывалъ въ этомъ отношеніи. Нравственность въ цѣломъ рядѣ пунктовъ, пишетъ онъ, не только автономна, она аномна, т. е. беззаконна. «Всякаго направленія мысли и совѣсти, говоритъ онъ еще, слѣдуетъ избѣгать какъ кары Божьей. Нужно питать отвращеніе къ миссіонерамъ и всякаго рода проповѣдникамъ.» Онъ желаетъ, чтобы «вѣрованіе было чисто личнымъ,» чтобы «расколъ сталъ единственной и общей религіей». И представители анархической теоріи справедливо признали Гюйо своимъ учителемъ.

Какъ онъ, они возводятъ въ принципъ полную

неисковерканную жизнь.» Какъ онъ, они отбрасываютъ всякій долгъ и всякую санкцію. Они повторяютъ: нравственность будущаго не будетъ ничего приказывать. Она будетъ говорить каждому: ты свободенъ. Если твои силы посредственны, то удовлетворяйся равенствомъ. Если ты чувствуешь въ себѣ силу, то сѣй вокругъ себя жизнь, распространи свои идеи на всѣ четыре стороны, помогай другимъ взбираться и т. п. Но въ законахъ нѣтъ больше нужды. Ни въ законахъ, ни въ авторитетѣ, ни въ религiи.»

Между тѣмъ инстинктъ жизни можетъ дѣйствовать въ противоположныхъ другъ другу направленiяхъ. Гюйо воодушевился своимъ великодушiемъ, чтобы возвысить инстинктъ до состоянiя любви, рассчитывая на то, что онъ называетъ «возрастающимъ влiянiемъ способностей чувствовать». Другiе будутъ развивать этотъ инстинктъ до чувства ненависти къ обществу, которое они называютъ тиранническимъ, потому что оно стѣсняетъ ихъ экспансивность, и лицемернымъ, потому что оно заявляетъ о своемъ правѣ управлять ихъ чувствами. Гдѣ же наиболѣе интенсивная и экстенсивная жизнь найдетъ себѣ мѣрку? Будетъ-ли таковой жизнь честнаго филантропа или Шиллеровскаго разбойника, или, лучше, жизнь Винцента Павла или жизнь Наполеона?

Какъ разъ въ это самое время одинъ нѣмецкiй мыслитель, одаренный большимъ мужествомъ, чѣмъ

Гюйо, исходилъ изъ того же самаго принципа: «Усиліе, которое мы дѣлаемъ для того, чтобы жить, чтобы расширить нашу жизнь, говорилъ онъ, вотъ основной законъ нашего существованія. Нужно привѣтствовать жизнь и все то, что дѣлаетъ ее роскошной, тропической.» Это интенсивная и экстенсивная жизнь Гюйо. Но онъ прибавлялъ: «Нужно согласиться на ошибку, если она намъ полезна, на войну, на зло, если мы въ немъ нуждаемся». И онъ отбрасывалъ всю христіанскую нравственность, которую удерживало доброе сердце Гюйо. Онъ называлъ ее рабской нравственностью, нравственностью, созданной исподтишка слабыми, бѣдными, больными, несчастными, которые убѣдили себя, что они любимы Богомъ въ силу одной своей отверженности. И онъ провозглашалъ нравственность господъ, сильныхъ. Сверхчеловѣкъ придетъ скоро; онъ будетъ любить рискъ тамъ, гдѣ, согласно принципу Гюйо, онъ найдетъ «эквивалентъ долга». Но онъ не дастъ «возрастающему вліянію способностей чувствовать» проникнуть въ себя. Побѣдивъ огромнаго дракона законности, носящаго на своихъ чешуяхъ девизъ «ты долженъ», онъ подавитъ въ себѣ всякую жалость и будетъ упражняться, чтобы стать жестокимъ: «Вотъ новый законъ, который я обнародываю для васъ, мои братья: становитесь жестокими!» Конечно, сверхчеловѣкъ будетъ веселаго характера. «Высшіе люди, учитесь смѣяться». Особенно онъ будетъ смѣяться въ сраженіяхъ, ибо мы вступаемъ

въ классическую эпоху войны и т. п. Перспектива достаточно широка. Замѣтимъ, что принципъ, приводящій къ этому, одинъ и тотъ-же для Ницше и для Гюйо. Только Ницше, по моему мнѣнію, замѣтилъ болѣе глубоко чѣмъ Гюйо, существенное, можно сказать, метафизическое условіе анархическаго принципа: «Нѣтъ ни истины, ни добра въ себѣ». Онъ возвелъ свое пламенное ученіе на основѣ уметвеннаго и нравственнаго нигилизма. Онъ резюмируетъ исторію человѣческаго заблужденія въ одномъ отрывкѣ, озаглавленномъ: «Какъ истинный міръ сталъ наконецъ выдумкой», который я приведу почти-что цѣликомъ, чтобы дать намъ отдохнуть отъ нашихъ отвлеченій.

1) Дѣйствительный міръ, доступный Мудрому, Набожному, Добродѣтельному; онъ живетъ въ немъ, онъ *есть* этотъ міръ.

(Самая древняя форма этой идеи—сравнительно остроумная, простая, убѣдительная. Парафразъ этой аксіомы: Я, Платонъ, емь истина).

2) Дѣйствительный міръ, недоступный въ настоящемъ, но обѣщанный Мудрому, Набожному, Добродѣтельному, кающемуся грѣшнику».

(Прогрессъ идеи: она становится болѣе тонкой, замысловатой и непонятной,—она становится женщиной, она становится христіанской).

3. Дѣйствительный міръ, недоступный, недоказуемый, проблематичный, но который, воспринятый

только мыслью, является утѣшеніемъ, долгомъ, императивомъ.

(Древнее солнце свѣтитъ постоянно въ глубинѣ картины, но видимое сквозь туманы критицизма: идея стала воздушной, блѣдной, сѣверной, «Кенигсбергской».)

4. «Дѣйствительный міръ» — идея, которая не служить ни къ чему, не создаетъ даже долга, — идея бесполезная и ставшая лишней: *смыслователно*, отвергнутая идея; опустимъ ее.

(Яркій день, возвращеніе здраваго смысла и веселости; краска смущенія у Платона; шабашъ всѣхъ свободныхъ умовъ).

5. Мы устранили «дѣйствительный міръ», какой міръ остается намъ? развѣ міръ видѣній?

Но нѣтъ, одновременно съ дѣйствительнымъ міромъ, мы устранили и міръ видѣній?

(Полдень, моментъ наименьшей тѣни; конецъ самаго продолжительнаго заблужденія; апогей чело-вѣколюбія; *Incipit Zarathustra.*)

Ницше ошибается въ одномъ пунктѣ, когда онъ говоритъ о краскѣ смущенія у Платона. Платонъ имѣлъ большую опытность въ вопросахъ о душѣ. Я имѣлъ случай показать въ другомъ мѣстѣ, что онъ зналъ довольно хорошо сердце нашихъ современныхъ цезаріанцевъ. Онъ зналъ также сердце и мысли Ницше. Онъ заставилъ его говорить въ одномъ изъ своихъ діалоговъ; и языкъ, который онъ ему придаетъ, ни въ чемъ не уступаетъ языку

самого Ницше ни въ силѣ, ни въ ироніи, ни въ глубинѣ: перечтите рѣчи Калликла въ *Gorgia*.

Что касается всѣхъ этихъ идей, то, чтобы оцѣнить ихъ, нужно было бы разобрать натуралистическую идею, являющуюся ихъ принципомъ. Съ точки зрѣнія природы, человѣкъ представляетъ собой только кусокъ живого мяса, который ничѣмъ существенно не отличается отъ тысячи насѣкомыхъ, распространенныхъ вмѣстѣ съ нимъ на этой движущейся землѣ, гдѣ жизнь въ полномъ расцвѣтѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ за ея предѣлами въ пространствѣ, вѣроятно, царствуютъ только смерть и тьма; нѣсколько шаговъ еще во времени, и жизнь на брэнной землѣ замретъ. Вы, можетъ быть, вспомните эти исполненные скорби мечты Гюйо, которыя не лишены нѣкоторой красоты, и въ которыхъ онъ, казалось, чувствовалъ, какъ Океанъ встаетъ вокругъ него, проникаетъ повсюду и все уноситъ съ собой:

«Мнѣ кажется, что я самъ уже только одна изъ его волнъ, одна изъ водяныхъ капель его волнъ; что земля исчезла, что человѣкъ исчезъ, и что остается только природа съ своими безконечными волненіями, своими приливами и отливами, постоянными измѣненіями поверхности, которыя скрываютъ ея глубокое и монотонное однообразіе».

Въ натуралистической идеѣ заключенъ принципъ скептицизма, съ которымъ мыслитель долженъ рано или поздно столкнуться, то съ горделивымъ хва-

ствомъ, то со вздохомъ отчаянія, въ зависимости, отъ своего нравственнаго склада. Но мы можемъ стать на другую точку зрѣнія, чтобы попробовать понять міръ и понять себя самихъ. Человѣкъ не только тѣло, одаренное чувствами. Онъ также умъ, который воспринимаетъ истину, и который вводитъ эту идею въ свое чувственное воспріятіе явленій. Эта точка зрѣнія есть именно точка зрѣнія совѣсти. Вотъ въ чемъ существенное основаніе того, что нравственность не инстинктъ, а разумъ—не проявленіе чувствъ, а дисциплина. Въ этомъ словѣ свободы, которымъ увлекается анархизмъ, заключено довольно грубое противорѣчіе. Быть свободнымъ въ одномъ смыслѣ — это значить имѣть возможность дѣлать все, что ни пожелаешь: это свобода инстинкта. Быть свободнымъ въ другомъ смыслѣ—это значить имѣть достаточно внутренней силы, чтобы желать сдѣлать все то, что должно желать: это свобода духа, о которой можно вполне сказать, что она есть послушаніе, послушаніе совѣсти: *Summa Deo servitus, summa libertas*. (Высшее подчиненіе Богу, высшая свобода). Такимъ образомъ вновь появляется идея долга, которой Гюйо далъ ускользнуть, такъ какъ онъ сталъ на точку зрѣнія природы.

Остановимся теперь на этой новой точкѣ зрѣнія, которую можно назвать идеалистической или спиритуалистической, чтобы рассмотреть нѣсколько различныхъ нравственныхъ идей. Въ каждомъ прин-

ципъ заключена нѣкотораго рода живая сила, благодаря которой онъ стремится отрицать противоположный принципъ. Спиритуалистическій принципъ стремится къ отрицанію природы: вотъ знакъ, по которому можно распознать связь между спиритуалистическими идеями. Одной изъ первыхъ представляется нравственность Шопенгауера, построенная на состраданіи. Представляетъ-ли собой Шопенгауеръ одинъ изъ тѣхъ творческихъ умовъ, возрѣнія котораго дадутъ будущимъ поколѣніямъ предметъ для размышлений? Я не берусь этого рѣшить. Но необходимо вполнѣ признать могучее дѣйствіе, которое онъ оказалъ на европейскую мысль въ послѣднемъ полустолѣтіи. Онъ придалъ немного горечи тому сладкому напитку, который мы всѣ пьемъ. Его юморъ и его идеи мы находимъ вновь въ разсказахъ писателя Захеръ-Мазоха, у котораго наши литераторы такъ много заимствовали. Я не знаю, не обязанъ-ли ему также чѣмъ-нибудь Лоти, лучшія книги котораго отзываются горечью. Во всякомъ случаѣ крупный русскій романистъ, гениальный Толстой, имѣетъ ту же тенденцію. Шопенгауеръ заявляетъ особенно, что нравственность есть отрицаніе реальности физическаго міра. Ибо природа дурна и спрятала корень зла въ «индивидуаціи», въ любви къ себѣ. Чтобы разрушить зло, надо отказаться отъ индивидуальной жизни, надо слить свое сердце съ сердцемъ другихъ людей. Состраданье предчувствуетъ единство существъ. Оно раз-

рываетъ покрывало Майи. Оно великая тайна нравственной жизни. «Тотъ, кто идетъ на смерть ради другихъ людей, освобожденъ отъ иллюзій; онъ неограничиваетъ уже своего существа предѣлами своей личности. И смерть является для него лишь миганіемъ глазъ, которое не прерываетъ видѣнія».

Эта красивая мысль могла бы принадлежать Толстому. И для Толстого естественная жизнь, жизнь инстинкта, дурна. Человѣкъ не знаетъ, почему онъ живетъ именно такъ, почему онъ выбираетъ профессію и т. д. Онъ хочетъ наслаждаться; но по мѣрѣ того, какъ онъ подвигается впередъ, онъ замѣчаетъ, что его наслажденіе горько; и когда онъ доходитъ до предѣла, онъ чувствуетъ съ отчаяніемъ, что онъ обманулся, что онъ даромъ потерялъ свою жизнь. Чтобы рѣшить загадку жизни, было бы достаточно взглянуть на нее глазами человѣка, собирающагося умереть. Тогда разсѣялась бы иллюзія эгоизма, тогда все освѣтилось бы, все стало бы легкимъ. Если бы мы могли чувствовать, что насъ подымаетъ волна всеобщей жизни, что насъ одухотворяетъ одно мгновеніе, дуновеніе вѣчной жизни, что сама сущность наша—любовь, любовь, дающая жизнь! Тогда наше сердце измѣнилось-бы мы-бы прозрѣли, мы-бы видѣли въ проходящемъ мимо человѣкѣ половину насъ самихъ, мы-бы-подѣлили съ нимъ все, что у насъ есть, не мучась мыслью о будущемъ: освобожденные отъ неизмѣнно жалкихъ надеждъ и опасеній, мы бы испытали въ

тишинѣ настоящаго момента то счастье, къ которому мы стремимся все́мъ нашимъ существомъ, не зная, гдѣ оно. Поэтъ говоритъ намъ это: «Безумецъ, когда я думаю, что я—не ты». Даже злой человекъ, когда онъ грозитъ намъ, еще часть насъ; это большая часть нашего тѣла. Озлобляясь противъ него, мы раздражаемъ его зло и наше. Насиліе не устраняетъ насилія. Не будемъ сопротивляться злему. Мягкость ослабитъ, обезоружитъ его руку.

Это возвышенное милосердіе пронизываетъ, не останавливаясь, круги отдѣльныхъ обществъ, или скорѣе оно размыкаетъ ихъ слишкомъ тѣсныя связи. Оно страшится въ бракѣ чувственнаго эгоизма, который ожесточаетъ сердце любящихъ другъ друга; оно изгоняетъ изъ семейнаго союза расчетливую предусмотрительность, которая придаетъ деньгамъ обманчивую цѣну. Оно открываетъ въ обществѣ рядъ соглашеній, которыя больше разъединяютъ, чѣмъ объединяютъ насъ. Оно ничему не можетъ научиться ни у науки, которая матеріалистична, можетъ хорошо управлять поступками, но ничего не имѣетъ сказать душѣ, ни у религіи. Въ дѣйствительности, вся цивилизація есть сплошная ложь.

Мечта о тысячелѣтнемъ царствѣ не переставала тревожить человѣческой умъ. Евангеліе Толстого ничѣмъ не отличается отъ Евангелія «спутниковъ въ новой жизни», собранныхъ въ Бостонѣ четверть

столѣтія тому назадъ Томасомъ Лэкъ Гаррисомъ. Между тѣмъ кажется, что великія идеи состраданія, милосердія и прощенія никогда такъ глубоко не проникали въ сердца современъ Христа. Онѣ придали нашей чувствительности чуть-ли не болѣзненное колебаніе. Мы слышимъ ихъ въ словахъ законодателя; онѣ появляются даже на сценѣ. Ясный, латинскій умъ Жюля Леметра призналъ по крайней мѣрѣ въ театрѣ идею прощенія. Я цитирую имя этого драматурга, чтобы имѣть случай напомнить, что учителями нравственности не являются на первомъ мѣстѣ философы, но такъ же часто или еще чаще поэты, мыслители. Философъ охотно соглашается на ту работу, которую я произвожу здѣсь, именно на классификацію идей, онъ занимается номенклатурой. Идея, дающая толчокъ, являющаяся двигательной силой, не происходитъ непосредственно отъ него. Въ настоящій моментъ я охотно представляю себѣ въ двухъ противоположныхъ концахъ Европы двухъ великихъ учителей нравственной жизни, двухъ глубокихъ старцевъ, съ длинной бѣлой бородой, съ убѣдительною рѣчью, какихъ любилъ Гомеръ, какихъ представляетъ себѣ Огюсть Контъ: это Толстой и Рескинъ ¹⁾).

Рескинъ приходитъ, какъ Толстой, въ ужасъ отъ современной цивилизаціи, основанной на промышленности и на деньгахъ. Какъ Толстой, онъ

---

¹⁾ Во время чтенія этой лекціи (30 янв. 1899 г.) Рескинъ былъ еще живъ.

кричить намъ, что истинная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы наслаждаться небомъ, вдыхать чистый воздухъ, пить прозрачную воду изъ ручья и работать своими собственными руками. И онъ хочетъ низвергнуть заводскую дымну, дымъ которой затлѣваетъ небо, и фабрику, которая загрязняетъ нашу воду. Однако, его тенденція не та же. Англійское сознаніе, даже когда оно пропитано мистицизмомъ, остается очень отдаленнымъ отъ славянскаго сознанія. Тенденція Рескина лежитъ въ чувствѣ восхищенія природой. Мы рождены не для того, чтобы мыслить, а для того, чтобы любить, любить все прекрасное. Любовь къ природѣ, есть великая способность души. Она доставляетъ намъ удовольствіе величіемъ другихъ, красотой вещей. Она украшаетъ жизнь простого человѣка, который радостно служитъ своему господину; она озаряетъ хижину отблескомъ солнечныхъ лучей, которые сверкаютъ въ окнахъ сосѣдней церкви; она обогащаетъ наше зрѣніе всѣми прелестями природы.

Мы думаемъ, что идеи состраданія, милосердія и любви къ природѣ почерпнуты изъ того же источника нравственной жизни, и что онѣ не могли бы потерять свою силу безъ того, чтобы ослабѣла эта жизнь. Между тѣмъ онѣ соотвѣтствуютъ лишь одному изъ движеній души, которыя создаютъ ея гармонию. Душа должна искать въ себѣ силу, необходимую для любви въ себя самой. Истинная доброта состоитъ изъ силы, а не изъ слабости.

Хорошо опираться на другихъ; но особенно важно, чтобы другіе могли опереться на насъ, а опереться можно лишь на то, что способно противустоять. Согласно мысли Эпиктета, мы бы оказали самую крупную поддержку отечеству, если бы обеспечили ему гражданъ, полныхъ скромности и мужества. Поэтому нужно было-бы дополнить принципъ милосердія другимъ принципомъ, которому, краткости ради, мы дадимъ названіе автономіи совѣсти.

Затѣмъ, познавъ законы души, необходимо вернуться къ природѣ, среди которой намъ приходится жить. Мы не можемъ оставаться на почти недостигаемой высотѣ, куда насъ переноситъ Толстой, мы должны спуститься съ нея, чтобы вернуться на свою родину и снова отыскать свой домашній очагъ. И въ этотъ моментъ, думается мнѣ, мы поймемъ причину различія нравственныхъ идей. Законъ прилагается къ безконечному разнообразію человѣческихъ поступковъ, въ безконечно разнообразящейся и измѣняющейся средѣ: онъ въ ней нѣкоторымъ образомъ преломляется и принимаетъ различные виды, то добродушный, то воинственный, то заключенный въ тишинѣ кельи, то брошенный въ возбужденную толпу въ общественномъ мѣстѣ. Сентъ-Бевъ написалъ прекрасныя и глубокомысленныя страницы о различныхъ родахъ святости, когда онъ радостной смерти Эпминонда, озаренной свѣтомъ и славой, противопоставлялъ смерть сестры Паскаля, униженная жизнь которой была разбита

стыдомъ и ужасомъ. Мы можемъ найти руководящую нить у мудраго Канта, имя котораго не слѣдовало-бы забывать въ лекціи современной нравственности. Его ученіе о нравственномъ формализмѣ часто бывало плохо понято. Остроумный переводчикъ «критики практическаго разума» предполагаетъ, что она объясняется формалистическими и мелочными привычками Кенигсбергскаго профессора, ежедневная прогулка котораго, говорятъ, служила жителямъ города для регулированія часовъ. Но можно думать, что кантовскій формализмъ имѣетъ другой смыслъ: Кантъ, думается мнѣ, подмѣтилъ и углубилъ слѣдующіе два пункта: съ одной стороны, міръ природы, въ которомъ коренится наша жизнь, незаконченъ, несовершенно познаваемъ и безгранично сложенъ. Онъ налагаетъ на насъ иго необходимостей, которыя не имѣютъ познаваемаго соотношенія съ нашимъ духовнымъ назначеніемъ. Такимъ образомъ, природа захотѣла, чтобы человѣкъ родился отъ женщины, чтобы онъ питался пищевыми продуктами, заимствованными у живыхъ существъ, чтобы затѣмъ число людей стояло въ извѣстномъ отношеніи къ количеству средствъ для существованія и т. д. Посредствомъ законовъ почвы и климата, законовъ тѣла и мозга, природа въ извѣстномъ смыслѣ направляетъ социальную эволюцію, она создаетъ призванія, различія сословій, націй и т. п. Слѣдовательно, всѣ наши обязанности имѣютъ нѣчто

незаконченное, случайное и измѣнчивое. Но, съ другой стороны, въ душѣ есть постоянная точка: она духовной природы, аналогична божественнымъ вещамъ, какъ говорилъ обыкновенно Платонъ; она должна примѣшивать ко всемъ временнымъ дѣйствіямъ человѣка, мысль о вѣчности! Вотъ нравственный принципъ, который *формаленъ*. И такъ самая возвышенная теорія оказывается въ концѣ концовъ согласной со словомъ Евангелія! «Миръ на землѣ принадлежитъ людямъ доброй воли.»

СПббгу

СПБГУ

III.

Пасторъ Вагнеръ.

Въ чемъ искать разрѣшенія нравственнаго
кризиса?

СП6ГУ

Во всякомъ обществѣ есть массы людей, которые остановились, не ждутъ больше ничего, не надѣются уже ни на что и, увлеченные своими наслажденіями или обремененные своими заботами, живутъ, какъ придется, изо дня въ день.

Изъ этихъ людей, которые не глядятъ уже въ будущее, одни говорятъ: «Послѣ насъ хоть потопъ!» Для другихъ, потопъ уже наступилъ и поглотилъ ихъ. Ихъ число legionъ.

Но существуетъ и другой элементъ, численно болѣе слабый, но болѣе интересный своими стремленіями и горячо увлеченный вопросами будущаго. Онъ думаетъ, что міръ созданъ для продолжительнаго существованія. Онъ ни удовлетворенъ, ни приведенъ въ отчаяніе. Онъ считаетъ своимъ долгомъ не только мечтать о завтрашнемъ днѣ, но и готовить его. Къ этому-то элементу мы и желаемъ обратиться съ призывомъ.

Тотъ, кто заглядываетъ въ будущее, сильно озабоченъ нашимъ нравственнымъ положеніемъ. Онъ открываетъ въ насъ шаткость руководящихъ принциповъ поведения; колебанія и беспорядочность

въ сужденіи и дѣйствіи; словомъ, отсутствіе направленія, многочисленныя симптомы котораго обнаруживаетъ частная и общественная жизнь.

Эта расшатанность, это отсутствіе направленія являются не только среди толпы, но, что служить еще болѣе тревожнымъ признакомъ, также среди тѣхъ, которыхъ ихъ положеніе предназначаетъ для указанія пути.

Наше нравственное состояніе вполнѣ сравнимо съ положеніемъ отряда, попавшаго въ сомнительную мѣстность. Въ воздухѣ носится нерѣшительность; отрядъ глядитъ на своихъ вождей, а вожди переглядываются другъ съ другомъ. Куда мы попали? Не заблудились-ли мы? Не лучше-ли вернуться вспять?

Какова въ настоящее время неподвижная точка, указывающая людямъ направленіе пути, которую можно сравнить съ Сѣверомъ, указываемымъ полярной звѣздой и компасомъ?

Вотъ о чемъ мы спрашиваемъ, и не безъ боязни. Какъ все, кто ищетъ пути или сомнѣвается, мы должны согласиться выслушать людей, дающихъ совѣты. Многіе изъ нихъ согласно повторяютъ намъ одно и тоже. Ихъ мнѣніе и ихъ единодушіе производятъ впечатлѣніе на тѣхъ изъ насъ, которые немного склонны къ боязливости. Вотъ, что они заявляютъ:

«Недомоганіе, отъ котораго вы страдаете, истекаетъ изъ современнаго строя, существеннымъ

образомъ разрушающаго всякую устойчивость. Этотъ строй, при свободномъ изученіи и свободномъ размышленіи, далъ, какъ результатъ, гибель всякой увѣренности и разрушеніе всякой точки опоры. Въ философіи, онъ низвергъ даже тѣ рамки, въ которыхъ двигалась мысль нашихъ предковъ. Въ религіи, онъ разобщи́лъ вѣрованія, достойныя самаго глубокаго уваженія. Въ социальномъ мірѣ, онъ сокрушаетъ всѣ пріобрѣтенныя положенія и ставитъ подъ сомнѣніе самыя старыя соглашенія. Въ нравственности, онъ сбросилъ удила, стеръ мудрыя границы, которыми авторитетное прошлое сдерживало страсти; онъ разомкнулъ принципы, управляющіе человѣческимъ поведеніемъ».

Наконецъ, я вспоминаю цѣлый рядъ такого рода заявленій: «Въ настоящее время господствуетъ потребность въ сильномъ и постоянномъ авторитетѣ. Наше время стремится установить или возстановить его; оно стремится къ этому, какъ потерпѣвшій крушеніе стремится попасть на твердую почву. Необходимъ стойкій и способный заставить себя уважать авторитетъ. Современный умъ лишень подобнаго авторитета. Задачи, поднятыя событіями и возбужденныя въ сознаніи людей, неразрѣшимы посредствомъ принципа свободомыслія. Онъ синонимъ беспорядка и путаницы. Преклоненіе передъ авторитетами обезпечило-бы не только легкое, но изящное рѣшеніе».

Вотъ совѣтъ. Онъ, нужно признаться, говорить

за себя своей простотой. Но чего онъ стоитъ? Людямъ, утомленнымъ извѣстнымъ порядкомъ вещей, свойственно охотно соглашаться на переѣмну. Измѣнить положеніе имъ кажется равносильнымъ тому, чтобы сдѣлать шагъ къ лучшему.

Не станемъ поддаваться столь ребяческимъ побужденіямъ. Станемъ лицомъ къ лицу съ задачей. Подвергнемъ ее той независимой критикѣ, которую обвиняютъ во всемъ нашемъ несчастіи, но которая кажется мнѣ весьма полезной для приложенія въ этомъ вопросѣ.

Намъ совѣтуютъ, слѣдовательно, отдаться подъ опеку, порвать связь съ современнымъ духомъ и съ тѣмъ, что принято называть его губительными заблужденіями. Въ этомъ заключается спасеніе. Убѣждены-ли мы въ этомъ? Если-бы это было такъ, то нашлось-бы очень легко средство прежде всего убѣдиться въ этомъ. Было-бы достаточно справиться, какъ тотъ строй, который намъ рекомендуютъ, удался другимъ.

Если устранить нравственную распущенность, симптомы которой какъ будто даютъ себя знать среди насъ, можетъ преклоненіе передъ авторитетами, тогда тѣ круги, гдѣ оно процвѣтаетъ, должны быть оазисами нравственнаго поведенія. Со старинными вѣрованіями со старыми обычаями, съ политическимъ и духовнымъ абсолютизмомъ въ нихъ должны были сохраниться всѣ, такъ называемыя, древнія добродѣтели. И, наоборотъ, страны, гдѣ

болѣе всего носился современный демократическій и либеральный духъ, будутъ представлять явленія соціальнаго и нравственнаго распаденія, признаки подвинушагося впередъ разложенія. Строгимъ слѣдствіемъ подобнаго положенія вещей было-бы, если-бы намъ показали мѣстности, идущія за авторитетами, закрытыя для того разстраивающаго прогресса, который мы пытаемся ввести у насъ, полными жизни, идущими бодрой походкой по путямъ будущаго; и напротивъ, страны, гдѣ господствуетъ современный духъ, парализованными ихъ пороками, лишенными энергіи и инициативы и приведенными къ состоянію застоя и очевиднаго безсилія въ великой борьбѣ за существованіе. Чтобы сказать все: Турція, Испанія и нѣсколько республикъ Южной Америки стояли бы на первомъ мѣстѣ среди всѣхъ народовъ; Англія, Сѣверная Америка, Швейцарія и нѣкоторыя другія страны оказались-бы въ послѣднемъ ряду, какъ роковыя предзнаменованія той судьбы, которая ожидаетъ Францію въ близкомъ будущемъ, если она будетъ упорствовать на пути вольнодумной демократіи.

Это разсужденіе кажется мнѣ правильнымъ; но оно вовсе не оказываетъ поддержки тому совѣту, который намъ даютъ.

Справимся теперь въ нашихъ историческихъ воспоминаніяхъ. Совпадаютъ-ли необходимо эпохи прекраснаго, нравственнаго поведенія съ эпохами поклоненія авторитетамъ?

Кто бы могъ это утверждать? Наша старая Европа знала, и даже не такъ ужъ давно, въ началѣ XVIII вѣка, времена глубокой нравственной разнузданности. Но тогда не было никакой Республики. Не было рѣчи ни о демократіи, ни о свободѣ, ни о свѣтскихъ школахъ. Эта нравственная безпорядочность, отъ которой въ роли свидѣтеля осталась разнузданная литература, носящая на себѣ ея слѣды, избрала себѣ мѣстопробываніемъ самыя консервативныя слои общества.

Въ еще болѣе отдаленные годы, къ концу XVII столѣтія, въ Европѣ царствовали такіе обычаи, что даже потомство было заражено ими. Особенно правящіе классы оказались до мозга костей захваченными процессомъ разложенія, отъ котораго, казалось, они должны были погибнуть. Между тѣмъ этотъ міръ, позволявшій себѣ такія странныя ошибки въ поведеніи, былъ воодушевленъ ревнивымъ пыломъ сохранить старинныя рамки своей жизни и своихъ вѣрованій. Всякое побужденіе мыслить свободно, отбросить древній обычай, отдѣлаться отъ дѣдовскаго рабства вызывало въ немъ отвращеніе. Все это факты, вовсе не говорящіе въ пользу руководителей, которые предлагаютъ намъ свои услуги. Но не будемъ пользоваться этимъ. Предположимъ даже, что эти примѣры вовсе не существуютъ. Наше положеніе оказывается критическимъ, — покажемъ подобающее намъ смиреніе. Намъ пред-

лагають средство: авторитетъ. Въ чемъ состоитъ этотъ авторитетъ?

Если я понялъ вѣрно, подь этимъ словомъ разумѣють безспорную власть верховнаго и безапелляціоннаго рѣшенія вопросовъ. Великолѣпно. Но гдѣ же намъ искать этотъ авторитетъ? Какъ мы создадимъ его, если онъ случайно пропалъ?

Авторитетъ, дѣйствительно, пріобрѣтается и утрачивается. Какъ все, онъ подчиненъ законамъ эволюціи. Каково-бы ни было вліяніе, оно не существовало вѣчно, и никто не можетъ вообразать себѣ, что разъ пріобрѣтя его, онъ сохранитъ его до безконечности. Идеи, люди, учрежденія пріобрѣтають авторитетъ, какъ мы пріобрѣтаемъ состояніе, и такъ же теряють его. То, что въ извѣстную эпоху пользуется всемірнымъ и всеміи признаннымъ авторитетомъ, до того было неизвѣстно и подчасъ презираемо. Послѣ жизни пролетарія и простолюдина пришла обезпеченность, извѣстность, широкая буржуазная жизнь собственнымъ домомъ, затѣмъ дворянство, высшія почести, а по достиженіи вершины, по закону всего существующаго, пришлось опять спуститься подь гору.

Авторитетъ въ родѣ того, о которомъ намъ говорятъ, въ свое время существовалъ вездѣ. Но гдѣ же онъ теперь? Развѣ достаточно стремиться къ нему, чтобы добиться его? Достаточно-ли облачить имъ человѣка или общество, чтобы онъ сталъ живымъ и реальнымъ фактомъ? Изучая его внима-

тельно, мы находимъ у него двойную основу. Онъ покоится на вѣрѣ того, кто имъ обладаетъ, и того, кто его принимаетъ. Чтобы идти не спотыкаясь, вызывать уваженіе, побѣждать препятствія, низвергать сопротивляющихся, владѣть двойнымъ ключемъ матеріальнаго господства и власти надъ умами, авторитетъ долженъ быть увѣреннымъ въ самомъ себѣ, въ своей верховной сущности, и въ то-же время онъ долженъ глубоко корениться въ сердцахъ подчиненныхъ и составлять альфу и омегу ихъ символа вѣры, самую сущность ихъ мысли.

Мы можемъ попытаться посредствомъ воспоминанія возстановить обликъ этого авторитета. Онъ существовалъ, но его уже нѣтъ.

Его двойная основа разрушена. Никто больше не вѣритъ въ него: Ни тѣ, кто подчиняется ему, ни тѣ, кто пытается дать ему преобладаніе. Вотъ доказательство этому:

Истинный авторитетъ, отъ котораго мы встрѣчаемъ остатки, похожіе на гигантскихъ допотопныхъ млекопитающихся, походилъ по своей внѣшности на природныя силы. Онъ проходилъ, какъ волна или ураганъ, не спрашивая ни у кого совѣта, никому не кланяясь, въ спокойной увѣренности своего превосходства. Ему достаточно было показаться для того, чтобы властвовать: «*Quia nominor leo*» (ибо я зовусь львомъ), такова была вся его мудрость.

Теперь дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Онъ

уже не вѣрить самъ въ себя. Чувство собственного ничтожества гложетъ его. Въ его заявленіяхъ чувствуется непоправимое отсутствіе увѣренности.

Если бы его власть равнялась его притязаніямъ, увидѣли-ли бы мы, какъ онъ послѣдовательно искалъ столько вспомогательныхъ средствъ, заключалъ столько удачныхъ и неудачныхъ союзовъ, прибѣгалъ къ хитрости, къ подкупу, къ самымъ низменнымъ страстямъ, интересамъ, какъ онъ, наконецъ, спускался до какихъ угодно уступокъ, лишь бы ему позволили существовать? Для этого гордаго авторитета, который, бывало, входилъ только черезъ настежь открытыя двери, шелъ по широкимъ дорогамъ, не существуетъ на одной подворотни, ни одной отдаленной тропинки, по которой бы онъ не влачилъ въ наши дни остатки былого величія.

Когда онъ можетъ обезпечить себѣ помощь со стороны грубой силы, онъ въ восторгѣ и воображаетъ, что ему удастся добиться принужденіемъ того, на что не соглашаются ни по доброй волѣ, ни по убѣжденію, и онъ насъ обманываетъ. Многіе изъ нашихъ современниковъ попались на эту грубую удочку. Они смѣшиваютъ авторитетъ съ силой, и страхъ для нихъ замѣняетъ вѣру. Но это лишь указываетъ на низменную душу и на жалкое ослѣпленіе.

Для проникательныхъ людей авторитетъ, нуждающійся въ силѣ для того, чтобы производить впечатлѣніе, какъ-бы выдаетъ себѣ самому самое

ясное удостовѣреніе въ его ничтожествѣ. Онъ превращается тогда уже въ тираннію, самую отвратительную форму властвованія. Древніе называли его словомъ, полнымъ значенія: безсиліе.

Существуетъ положеніе, имѣющее въ наше время первенствующее значеніе. Оно какъ бы стало девизомъ духа, преклоняющагося передъ авторитетомъ: «Сила устраняетъ право». Нѣкоторые видѣли въ этомъ положеніи, поставленномъ какъ памятникъ реакціи въ разгарѣ XIX вѣка, грустный знакъ безсилія духа. Увы! они правы въ томъ смыслѣ, что милліоны и милліоны существъ преклонились предъ такимъ положеніемъ, и изъ людей, рожденных для свободы, стали поклонниками силы.

И между тѣмъ это положеніе—*признаніе*. Чтобы авторитетъ остался за грубой силой, необходимо, чтобы она была слѣпа и глуха, безъ ума и безъ чувствъ. Когда ея глаза раскрываются, когда она замѣчаетъ передъ собой новое для нея и изумительное явленіе,—право, безоружное право,—и идетъ на своего противника, крича ему: «*Я сильнѣ тебя*», въ тотъ моментъ сила находитъ своего господина.

И сила чувствуетъ это хорошо. Только чтобы обмануть себя самое, она повторяетъ своимъ рабамъ и укрѣпляетъ въ ихъ памяти свой лживый девизъ. Но она не вѣритъ въ него. И въ этомъ одно изъ доказательствъ того, сколькихъ странностей и противорѣчій полно наше время.

Никогда, ни въ какую эпоху, сила не была

окружена столь ужасной роскошью. Наука вложила въ ея руки оружіе, въ сравненіи съ которымъ прежнее—дѣтскія игрушки. Но она уже только тѣнь самой себя, подобная старымъ воинамъ, которые, уже не въ состояніи поднять своего оружія. Сила стыдится себя. Кто не замѣчаетъ этого? Она не можетъ обойтись безъ права, которому, передъ лицомъ всего свѣта, она кидаетъ вызовъ. Она ищетъ извиненій, допустимыхъ мотивовъ, поддержки въ общественномъ мнѣніи. Когда она одна, она боится. Чего? Этого «нѣчто», которое невидимо и неосознано, которое нельзя ни разстрѣлять, ни разрубить, ни уничтожить, ни взять въ плѣнъ, этого могущества, противъ котораго сила безсильна: она боится духа. Могущество тѣла въ наши дни чувствуетъ себя дискредитированнымъ. Въ желаніи творить насилія у него нѣтъ недостатка. Оно хотѣло-бы охотно раздавить противорѣчащихъ, разрубить Гордіевъ узелъ, бросить мечъ на чашку вѣсовъ, но предварительно оно пытается убѣдить, что оно въ правѣ поступать такъ; ибо оно знаетъ, и каждый день доказываетъ это, что удары авторитета, находящіе поддержку только въ силѣ, постоянно превращаются въ поражение.

Вотъ, положеніе авторитета въ его грубой формѣ. Нельзя не сказать, что намъ предлагаютъ очень обезцѣннаго защитника. Къ нему можно было бы приложить слова: Врачъ, исцѣли себя самого. Если бы мы имѣли только его, для того чтобы излѣ-

читься отъ боли, отъ которой мы страдаемъ, то мы погибли бы. Грубый авторитетъ по существу своему безнравственъ и не съумѣлъ бы создать нравственнаго поведенія. Онъ годенъ для созиданія рабскихъ нравовъ. Но, хотя бы онъ и воспитывалъ слѣпую покорность, онъ подготавливаетъ себѣ постоянно въ скоромъ времени возмущенія рабовъ, еще болѣе слѣпыхъ, чѣмъ ихъ покорность.

Но перейдемъ къ авторитету въ его благородной формѣ, къ духовному авторитету, который называютъ царствомъ надъ умами.

Чтобы навязать неизмѣнное міропониманіе, древній авторитетъ окружалъ себя утвержденіями. Онъ заключался въ книгѣ, въ традиціи или въ нѣкоторой совокупности людей. Имъ вѣрили на слово, иногда они подкрѣпляли свои изреченія, призывая на помощь чудеса.

Не говоря о злоупотребленіяхъ этого авторитета (такъ какъ злоупотребленіе не говоритъ противъ употребленія), я только напому тѣ пути, которыми онъ пользуется въ настоящее время, если желаетъ имѣть реальное вліяніе на умы. Прежде всего я пораженъ однимъ обстоятельствомъ. Самые почитаемые носители этого рода авторитета, освященнаго возрастомъ и уваженіемъ, стараются оправдаться въ мнѣніи тѣхъ, къ кому они обращаются. Они не довольствуются утвержденіями, они спорятъ, они приводятъ аргументы. Они не отказываются ни отъ своихъ притязаній, ни отъ своихъ чудесъ. Но

вмѣсто того, чтобы, какъ раньше, основывать свои разсужденія на этихъ притязаніяхъ и чудесахъ, они дѣлають усилія обосновать послѣднія посредствомъ разсужденій. Они хорошо чувствуютъ, что то, что раньше служило доказательствомъ, теперь прежде всего нуждается въ обоснованіи. Размышляя относительно этого многозначущаго явленія, мы должны вывести изъ него слѣдующее заключеніе: мы находимся здѣсь лицомъ къ лицу съ авторитетомъ разума, передъ которымъ въ свою очередь старается оправдать себя все, что пользовалось авторитетомъ въ мірѣ духа. Но не единственный-ли этотъ авторитетъ, признаваемый современнымъ умомъ въ томъ, что у него есть наиболѣе возвышеннаго? Благодаря силѣ вещей оказывается, слѣдовательно, что этотъ авторитетъ медленно низвергъ всѣ остальные. По доброй волѣ или нѣтъ, они приходятъ теперь просить у него утвержденія. У нихъ не остается ничего устойчиваго, кромѣ того, что они въ состояніи поддержать при помощи этого авторитета. Мы такимъ образомъ, присутствуемъ при странной и грандіозной борьбѣ: съ одной стороны давленіе авторитета, которое отражается во всѣхъ областяхъ идеи и факта, съ другой стороны, медленное и глубокое разрушеніе самаго принципа внѣшняго авторитета путемъ прогресса принципа внутренняго авторитета.

Я спрашиваю теперь названныхъ выше совѣтниковъ: Какъ можете вы рекомендовать намъ от-

жившій родъ авторитета? предлагать намъ то, что не существуетъ болѣе и совѣтовать намъ отбросить, какъ дурное и опасное средство, единственную вещь, остающуюся въ мірѣ, безъ которой никто, даже вы не можете обойтись?

О, безъ сомнѣнія, намъ нужна твердая точка, чтобы ориентироваться и выйти изъ анархіи; но эта твердая точка лежитъ въ разумѣ и совѣсти, вѣчныхъ источникахъ и нормахъ всякаго длительного авторитета, основахъ человѣческаго духа, краеугольныхъ камняхъ современнаго идеала.

Когда намъ говорятъ, что этотъ идеаль привелъ насъ, какъ блуждающій огонекъ, въ трясины, намъ оказываютъ слишкомъ много чести: съ нами обращаются какъ съ людьми, которые слѣдуютъ ему и располагаютъ по немъ свои дѣйствія.

Развѣ это дѣйствительно такъ? Я думаю скорѣе — нѣтъ. Существовало-ли когда-нибудь время, стоявшее въ болѣе рѣзкомъ противорѣчьи съ своими принципами нежели наше?

Развѣ демократія, свобода, элементарные законы разума и справедливости составляютъ наше обычное правило? Кто бы посмѣлъ настаивать на этомъ? Не достаточно-ли набросать въ крупныхъ чертахъ современный идеаль, чтобы знать, въ чемъ онъ въ разладѣ съ нашими привычками? этотъ идеаль, который, какъ въ мірѣ мыслей, такъ и въ мірѣ поступковъ, можетъ быть опредѣленъ однимъ единственнымъ словомъ: *Справедливость*.

Нѣтъ, не въ томъ наше несчастье, что мы отбросили одну форму авторитета, и я не довѣряю тѣмъ, кто ссылается на него и предлагаетъ намъ желать его, скорѣе чтобы смирить своихъ противниковъ, чѣмъ чтобы найти въ немъ сдерживающее начало для самихъ себя.

Наше горе въ томъ, что мы измѣнили своимъ собственнымъ принципамъ. Во всѣхъ вопросахъ, гдѣ современная жизнь страдаетъ, несчастье происходитъ отъ нарушенія какого-нибудь простого и глубокаго закона. Насъ губятъ наша ложь, наше лицемеріе, наши преувеличенія, наши скороспѣлыя заключенія, наше злоупотребленіе свободой, забывчивость по отношенію къ законамъ солидарности, неуваженіе къ праву личности или незнаніе общаго интереса, и сверхъ всего этого — недостатокъ въ твердости, который является благодаря тому, что мы покинули вѣрный путь разума и совѣсти, чтобы слѣдовать по извилистымъ и неопредѣленнымъ путямъ временныхъ страстей, низшихъ инстинктовъ. Съ нами происходитъ тоже, что съ кораблями безъ груза: они плохо держатся на водѣ и теряютъ равновѣсіе при первомъ ударѣ волны. Безъ сомнѣнія, мы шли по дурнымъ путямъ, намъ нужно поставить себѣ цѣль и стремиться къ ней съ настойчивостью, но обращеніе, котораго требуетъ положеніе вещей, не то, котораго ждутъ отъ насъ чѣмпіоны авторитета стараго стиля: это другое обращеніе, обращеніе, въ которомъ они нуждаются не менѣе чѣмъ мы сами,

именно—обращеніе къ разуму и совѣсти, обращеніе къ законамъ истинной жизни.

Когда говорятъ о *разумѣ* и о *совѣсти*, какъ о твердыхъ исходныхъ точкахъ для указанія поведенія и руководства имъ, нужно быть готовымъ услышать вѣскія возраженія, вполне заслуживающія нашего вниманія.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ возраженій: «Чтобы ориентироваться, нужно имѣть исходный пунктъ. Его можно найти во вѣшнемъ авторитетѣ, но не въ себѣ. Личность слишкомъ подвержена измѣненіямъ и не способна служить путеводителемъ себѣ самой. Ея неувѣренный шагъ нуждается во вѣшной поддержкѣ. Подобно качающемуся или теряющему равновѣсіе человѣку, она инстинктивно протягиваетъ руку къ вѣшной точкѣ опоры. Она чувствуетъ, что спасеніе не въ ней, и тысячу разъ права. Ориентироваться по индивидуальному разуму—это ориентироваться по флюгеру».

Это ходячее мнѣніе. Къ этому любятъ прибавлять что «Разумъ,—это узкая и предубѣжденная способность сужденія каждаго, случайная, капризная и хрупкая, какъ онъ».

Признаться, это очень сильное возраженіе. Но оно не вѣрно только въ томъ, что неосновательно переноситъ общее сужденіе на разумъ и его цѣнность. Ничто не отличается такъ сильно отъ разума, какъ то, что у насъ критикуютъ подъ этимъ названіемъ. Между этими вещами столько же соот-

вѣтствія, какъ между созвѣздіемъ Большой Медвѣдицы и самкой четвероногаго, носящаго это имя. Поэтому намъ необходимо объяснить, чтобы понимать другъ друга.

Разумъ не то, что человѣкъ думаетъ, потому что онъ желаетъ думать это, предварительно удачно поразмысливъ и сочетавъ свои мысли. Это скорѣе родъ жонглерства своей способностью сужденія, принужденіе ея къ акробатическимъ фокусамъ.

Разумъ это то, что необходимо мыслится независимо отъ насъ передъ лицомъ факта, будетъ-ли фактъ за или противъ насъ.

Разумъ, далѣе, не единственно логическая способность, интеллектъ: это совокупность тѣхъ источниковъ свѣта, которыми человѣкъ располагаетъ, совокупность его средствъ познанія. Видѣтъ разумъ только въ томъ, что доказуемо опредѣленнымъ, математическимъ или механическимъ способомъ, это то же, что добровольно ограничивать свою власть надъ какой-нибудь изъ своихъ провинцій. Есть превосходныя основанія для допущенія, что міръ обширнѣе чѣмъ то, что мы въ немъ видимъ и осязаемъ. Наклонность къ таинственному, слѣдовательно, — одно изъ обнаруженій разума, который предвидитъ и предчувствуетъ то, что превосходитъ его силы. Разуму дѣлаютъ также упрекъ, что онъ въ высшей степени индивидуалистиченъ, ведетъ къ разобщенію, и въ примѣръ намъ приводятъ спорщиковъ, которые диспутируютъ и вдаются въ діалектическія

тонкости каждый разъ, какъ имъ предлагаютъ признать общій законъ.

На это слѣдуетъ возразить, что если нѣкоторые люди дѣлаютъ изъ своего разума употребленіе, которое уединяетъ, отдѣляетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ неспособными къ дисциплинѣ, то въ этомъ ошибка ихъ самихъ, а не разума. Ибо разумъ не индивидуальная сила.

Человѣкъ не господинъ его, хотя и носитъ его въ себѣ. Разумъ не его личная, а общая собственность.

Онъ не устанавливаетъ узкой и ненавистой плоскости низкопробнаго индивидуализма, по существу своему сектантскаго, доведеннаго до исключительности и эгоизма. Онъ, напротивъ, самая широкая основа для соглашеній, которую только можно установить. Слѣдуя ей, люди приходятъ къ тому, что становятся выше почти всего, что ихъ разъединяетъ.

Бѣдный разумъ! Въ какихъ только проступкахъ не обвиняли его! Какъ на него нападаютъ, какъ его высмѣиваютъ въ настоящій моментъ! Всякій кидаетъ въ него камень. Тоже самое происходитъ и съ совѣстью, которая есть нравственная форма разума. Для нѣкоторыхъ имѣть совѣсть равнозначуще съ тѣмъ, что быть бунтовщикомъ, стать постороннимъ тѣломъ въ обществѣ. Насъ предупреждаютъ, чтобы мы не довѣряли совѣсти, какъ капризному и пристрастному совѣтнику. Совѣсть,

кричатъ, но вѣдь это вещь, наименѣе во всемъ мѣрѣ пригодная для того, чтобы направлять насъ. Это почти всегда сомнительный и партійный судъ чело-вѣка надъ своими собственными поступками. Это соучастникъ, жалкій порабощенный фетишъ, дающій рабскія предсказанія и постоянно оправдывающій своего господина. Какъ эти рѣшенія далеки отъ своего предмета! Совѣсть—это не то безпринципное сужденіе, которое мы иногда формулируемъ и часто приспособляемъ ко вкусу другихъ, не то гибкое правило, которое мы прилагаемъ по нашему желанію. Это, напротивъ, выше насъ стоящее сужденіе, кото-рому мы подчиняемся, независимо отъ насъ самихъ. Такъ, чело-вѣкъ, знающій превосходно, что онъ лжетъ, можетъ очистить себя отъ обвиненія и убѣдить по-добныхъ себѣ въ своей честности и невинности, но, оставшись наединѣ съ самимъ собой, онъ слышитъ, что его кто-то называетъ лжецомъ.

Такъ, другой оскорбляетъ и обвиняетъ публично чело-вѣка, загрязнить котораго въ его интересъ, и тѣ, кто слышитъ это, вѣрятъ ему на слово. Онъ одинъ не вѣритъ съ перваго слова ничему изъ того, что онъ самъ говоритъ, такъ какъ онъ не можетъ вѣрить. Его совѣсть свидѣтельствуетъ въ пользу того, котораго онъ пытается обезчестить. Нѣтъ, совѣсть не въ нашей власти, она господствуетъ надъ нами.

Если разумъ есть фактъ, противъ котораго я не могу защищаться, то совѣсть есть приговоръ, кото-

рому я подчиняюсь, скорѣе чѣмъ создаю его. Оба въ тоже самое время находятся въ самой глубинѣ нашего существа и независимы отъ насъ.

Разумъ и совѣсть—составляютъ самое безличное, самое универсальное и, въ точномъ смыслѣ слова, самое дѣйствительно объективное, что только есть въ личности человѣка.

Къ тому же, если мы не желаемъ слѣдовать имъ, кому-же мы послѣдуемъ? Даже, чтобы убѣдить насъ слѣдовать по другому пути, пришлось-бы прибѣгнуть къ ихъ посредничеству. Ихъ нельзя свергнуть, невозможно смѣстить. Такъ же легко было бы сдвинуть горы или снять съ неба звѣзды.

Стараться слѣдовать разуму, это то же, что находиться на пути къ истинѣ.

Стараться слѣдовать совѣсти (которая есть ничто иное, какъ разумъ, приложенный къ качеству нашихъ дѣйствій), это то же, что находиться на пути къ справедливости.

Первый служитъ правиломъ для мышленія, вторая—правиломъ для дѣйствій.

Разсмотримъ ихъ послѣдовательно. Правило для мышленія состоитъ въ томъ, чтобы употребить все познавательныя средства для того, чтобы идти отъ вещей, кажущихся болѣе достовѣрными, къ вещамъ менѣе достовѣрнымъ, не упуская изъ виду ни одного факта и ни одной формы опыта; никогда не дѣлать заключеній о подробностяхъ безъ достаточныхъ основаній, и въ цѣломъ—остерегаться замыканія

въ опредѣленную систему, исключаящую всякое новое изслѣдованіе. Не останавливать своихъ изысканій на природѣ, на человѣкѣ или на какомъ-нибудь изъ крупныхъ вопросовъ, господствующихъ въ жизни. Оставлять открытой бездну безконечности и не забывать никогда, что вселенная больше, чѣмъ идея, которую мы можемъ себѣ составить о ней. Оставлять открытымъ сообщенія съ мыслью другихъ людей въ прошломъ и въ настоящемъ, въ особенности съ мыслью противниковъ. Реальность имѣетъ больше видовъ, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ замѣтить. Мы созданы для того, чтобы дополнять одинъ другого.

— Изъ этого свободного безпристрастнаго изслѣдованія вытекаютъ искреннія убѣжденія. Эти убѣжденія никогда не исключительны. Самъ методъ, который даетъ намъ ихъ, заставляетъ насъ допустить, что другіе могутъ воспользоваться своей независимостью безъ ущерба для искренности. Пройдя по пути исканій, чрезъ различныя, подчасъ противоположныя другъ другу, состоянія духа, мы допускаемъ ихъ у подобныхъ намъ. Мы находимъ ихъ неизбежными и хорошими. Путь свободныхъ убѣжденій есть путь терпимости, одна изъ незамѣнимыхъ гарантій истины, которая можетъ быть реализована лишь посредствомъ усилія коллективнаго разума и посредствомъ игры самыхъ различныхъ стремленій.

А вотъ и законъ дѣйствія: законъ существа вытекаетъ изъ его цѣльной природы. Вся практи-

ческая нравственность заключается въ положеніи, что человѣкъ всегда долженъ оставаться человѣкомъ и никогда не становиться ни мокрой курицей, ни лисой, ни змѣей, ни поросенкомъ. Слѣдую этому принципу, мы не искалчимъ и не уязвимъ ни одной части нашего существа; мы не будемъ жить исключительно ни аппетитомъ, ни страстью, ни чувствомъ, ни умомъ, ни ограниченнымъ интересомъ, но гармоническимъ интересомъ ко всему тому, что есть въ насъ, для того, чтобы каждая частичка нашего существа нашла себѣ въ нашей жизни отраженіе и была поставлена на свое опредѣленное мѣсто.

Всякое поведеніе, нарушающее равновѣсіе человѣка, безнравственно. Нормальная, цѣльная эволюція—вотъ истинная жизнь, хорошая жизнь.

Она не могла бы заключаться въ торжество личности надъ социальнымъ тѣломъ. Ни личность, ни социальное тѣло не существуютъ сами по себѣ: разъединенныя—они представляютъ собой абстракціи. Жизнь не знаетъ ихъ. Дѣйствительность показываетъ ихъ намъ переплетенными другъ съ другомъ. Поэтому они связаны между собою. Истина—это социальная, братская личность, разсматриваемая и воспитываемая въ своемъ неразрывномъ единствѣ съ обществомъ, которое, въ свою очередь, защищаетъ и уважаетъ себя, уважая личность. Таковы два основныхъ правила поведенія человѣка;—они составляютъ всего одинъ и тотъ же законъ, высшее управляющее начало, послѣдній авторитетъ. Попро-

буемъ теперь показать, въ чемъ заключается преимущество ориентированія по подобному методу.

Вотъ первое преимущество, присущее именно нравственной жизни:

Однимъ изъ неосновательныхъ пунктовъ современнаго мнѣнія и мнѣнія всѣхъ другихъ временъ является признаніе нравственныхъ законовъ за человѣческое изобрѣтеніе, за постановленіе, въ которомъ главное мѣсто отведено договору и произволу. У него тогда уже не оказывается достаточнаго объема. Кто поэтому достоинъ предписывать другимъ направленіе ихъ поведенія?

Аналогичное заблужденіе состоитъ въ томъ, чтобы видѣть въ нравственномъ законѣ самодержавное приказаніе божественнаго монарха, благосклонное желаніе котораго замѣняетъ собой высшій законъ.

Въ обоихъ случаяхъ нравственности, по нашему мнѣнію, недостаетъ прочнаго основанія. Ея связь съ жизнью не замѣтна. Она пробуждаетъ нашъ критическій духъ. Мы не понимаемъ въ достаточной мѣрѣ, почему такая вещь требуется скорѣе, чѣмъ другая. Если мы должны допустить, что вещь хороша, такъ какъ она была приказана, то всякое приказаніе свыше хорошо, даже еслибъ оно приказывало на другой день противоположное тому, что оно приказывало наканунѣ. Нѣчто въ насъ возмущается противъ такой мысли.

Положеніе становится совершенно инымъ, если нравственность кажется намъ тѣмъ, что она есть

въ дѣйствительности,—толкованіемъ самихъ законовъ жизни въ томъ видѣ, какъ ее создаетъ Богъ, толкованіемъ постоянно улучшаемымъ и приводимымъ все въ большее соотвѣтствіе со своимъ объектомъ. Приказаніе, которое руководитъ нами и обязываетъ насъ, не проистекаетъ изъ доброй воли человѣка или нѣкотораго общества, ни даже изъ благой воли какой-нибудь божественной сущности, немного чуждой нашимъ дѣламъ, оно вытекаетъ изъ природы вещей, изъ нѣдръ бытія. По полученіи приказанія формулированному закону отвѣчаетъ въ насъ самихъ родной отзвукъ.

Понятый такъ, нравственный законъ не находится ни въ области смутнаго, ни въ господствѣ произвола. Онъ относится къ реальному и необходимому. И въ этой формѣ онъ безконечно ближе къ намъ и безконечно сильнѣе. Не думайте, что это можетъ отнять у него его престижъ у людей или; тѣмъ болѣе, его религіозный характеръ. Для набожной души онъ становится тѣмъ неписаннымъ закономъ, о которомъ говорятъ Софокль, пророки, Св. Павелъ, и который предшествуетъ и превосходитъ всякій другой законъ. Онъ, несмотря на самыя различныя внѣшнія формы,—постоянно новое и устойчивое выраженіе вѣчнаго духа; онъ есть постоянно возобновляющееся внутреннее побужденіе жить, достойнымъ насъ и его способомъ.

Въ этой формѣ, не теряя нисколько въ своей силѣ, онъ теряетъ въ суровости. Онъ представляется

не препятствіемъ для нашего развитія, особенно воздѣйствующимъ путемъ отрицаній, запрещеній, строгостей, вродѣ тѣхъ садовниковъ-палачей, которые насилуютъ природу и заставляютъ деревья принимать геометрическія фигуры или формы животныхъ. Онъ есть внутренній толчокъ, воодушевляющій насъ къ гармоническому развитію, къ расцвѣту. Человѣкъ, подчиняющійся авторитетамъ, дѣйствуетъ какъ бы изъ подъ палки. Человѣкъ, подчиняющійся внутреннему закону, дѣйствуетъ самостоятельно. Его дѣйствія исходятъ изъ средоточія его намѣреній. Того, надъ которымъ господствуетъ только внѣшній авторитетъ, можно сравнить съ судномъ, взятымъ на буксиръ, съ вагономъ, который движется лишь прикрѣпленный къ локомотиву. Его сила не въ немъ. Можно было бы почти сказать, что его совѣсть живетъ по другому адресу, нежели онъ. Очевидно, что подобное положеніе затруднительно. Есть моменты, когда передъ срѣшными рѣшеніями, которыхъ требуютъ обстоятельства, нѣтъ досуга, чтобы поставить свой образъ дѣйствій по чьему либо совѣту, какъ ставятъ часы по башеннымъ часамъ. Болѣе вѣрнымъ представляется имѣть авторитетъ при себѣ.

Оріентированіе при помощи разума и совѣсти имѣетъ другое преимущество, именно социальное. Оно объединяетъ людскія намѣренія. Людскія объясненія смысла существованія весьма различны. Системы нравственности создаютъ безконечно разнообразную

флору. Если взглянуть на всё эти цвѣты только снаружи, то, кажется, будто между ними нѣтъ никакой связи. Но такъ же, какъ самыя разобщенныя растенія переплетаются корнями, объединены почвой и климатомъ, такъ и общія черты отмѣчаютъ самыя разнородныя системы. Теорія приводитъ къ разнообразію, практическая необходимость—къ нѣсколькимъ существеннымъ и общимъ положеніямъ. Можно составить себѣ всякаго рода идеи, подчасъ различныя и противорѣчивыя: когда же принимаешься за практическое ихъ осуществленіе, придается скоро замѣтить, что на практикѣ вовсе нѣтъ столькихъ способовъ организовать и создать продолжительное и стойкое дѣло. Условія, среди которыхъ прилагаются наши силы, средства, которыми мы пользуемся для своего труда, аналогія среды и существъ возстановляютъ извѣстное единство. Слѣдуя различными путями, мы безпрестанно возвращаемся къ тѣмъ же задачамъ, которыя нужно разрѣшить тѣми же средствами, въ виду тѣхъ же трудностей.

Различныя системы нравственности можно было бы сравнить съ дробями, чрезвычайно другъ отъ друга отличающимися. Практика беретъ на себя трудъ привести ихъ къ одному знаменателю.

Ориентируясь согласно разуму и совѣсти, мы обезпечены отъ пренебреженія уроками единенія, которые даетъ намъ жизнь, мы съ удовольствіемъ собираемъ ихъ въ качествѣ залоговъ мира.

Мы не попадаемъ въ категорію тѣхъ людей, которые, считая себя непримиримыми другъ съ другомъ, обращаются одинъ къ другому только за тѣмъ, чтобы сказать: «Между нами и вами нѣтъ ничего общаго».

Наше время страдаетъ отъ нравственной непослѣдовательности и соціального раздробленія, такъ какъ оно ориентуруется по тому, что разъединяетъ людей. Мы направляемся по пути нашихъ аппетитовъ и интересовъ или по пути исключительныхъ системъ мышленія, враждебныхъ вѣрованій. Въ результатъ безконечное раздробленіе. Интересы и аппетиты порождаютъ разногласіе, а сектантскій духъ усиливаетъ его, возводя раздѣленіе до высоты принципа. Благодаря такому характеру поведенія, карикатура человѣческой личности, низшее существо, которое находится въ каждомъ изъ насъ или, что собственно одно и тоже, коллективная личность, представленная большимъ или меньшимъ числомъ единомышленниковъ, играетъ преобладающую роль. Это торжество дикаго низкаго индивидуализма: сосѣдь — это врагъ; противникъ — это мошенникъ, вредный звѣрь, котораго слѣдуетъ уничтожить.

Тутъ я бы могъ привести примѣры, взятые среди насъ. Но они обратили бы наше вниманіе на слишкомъ жгучіе вопросы и поэтому самому заставили бы насъ совершить ошибку. Почерпнемъ наши примѣры изъ немного болѣе отдаленной области, чтобы разсмотрѣть ихъ съ большимъ спокойствіемъ.

Недавно, глава могущественной державы сравнивалъ себя съ садовникомъ, который ухаживаетъ за національнымъ деревомъ и убиваетъ всѣхъ гусеницъ на немъ. Гусеницы, о которыхъ онъ думалъ, это очевидно социалисты. Но, въ свою очередь, эти послѣдніе озабочены тѣмъ, что удаляютъ гусеницъ, и я убѣжденъ, что, по ихъ скромному мнѣнію, одной изъ гусеницъ, которыя болѣе всего вредятъ дереву, и гибель которыхъ была бы полезной, является самъ садовникъ.

Вотъ къ чему приводятъ исключительныя и безусловныя воззрѣнія. Съ ними можно быть увѣреннымъ, что составляешь постоянно для кого-нибудь гусеницу.

Такіе принципы разъединяютъ социальное тѣло. Нѣтъ больше общества, а есть только какая-то социальная пыль, которая предоставлена произволу, и которую своевольные вѣтры несутъ, куда пожелаютъ. Будемъ ориентироваться по тому, что объединяетъ людей и дѣлаетъ ихъ общительными, а не по тому, что ожесточаетъ ихъ личность до того, что дѣлаетъ ихъ недоступными и, какъ ежей, неподдающимися прикосновенію. Поэтому, по преимуществу общимъ элементомъ, истинной семейной основой всѣхъ членовъ челоуѣчества, является разумъ и совѣсть.

Черезъ ихъ посредство мы становимся способными не только къ соединенію, но и къ дисциплинѣ. Челоуѣкъ, подчиняющійся внутреннему закону лучше всѣхъ, въ случаѣ необходимости умѣетъ

понять и отнестись съ уваженіемъ ко всякому чужому взгляду, потому что онъ усваиваетъ его духъ. Онъ знаетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ подчиниться безповоротному приказанію то же, что проявить высшую степень свободы. Онъ дѣйствуетъ не какъ животное, не какъ автоматъ, но какъ свободный слуга своего долга. Просвѣщенная энергія десяти человѣкъ, связанныхъ между собой этимъ разумнымъ послушаніемъ, болѣе цѣнна, способна произвести болѣе сильное дѣйствіе, нежели фактическая связь стада, объединеннаго суевѣріемъ, страхомъ или рутинной. Кто способенъ такъ покоряться, способенъ также повелѣвать. Жалуются на то, что мы не умѣемъ уже ни того, ни другого. Дайте намъ людей разума и совѣсти, и мы снова отыщемъ потерянную тайну истиннаго уваженія и справедливаго вліянія. Только тѣ способны требовать и достигнуть подчиненія подобныхъ себѣ, кто предварительно самъ преклонился передъ внутреннимъ закономъ; они первые дали образецъ послушанія, котораго они добиваются. Ихъ нельзя упрекать въ томъ, отъ чего падаетъ всякій внѣшній авторитетъ: именно, будто они налагаютъ на другихъ огромныя тяжести, до которыхъ сами не прикасаются и пальцемъ. Напротивъ, лишь отягощенные своимъ игомъ, они проповѣдуютъ другимъ, чтобы тѣ въ своей чередѣ взяли на себя эту обузу. И люди покоряются имъ не по принужденію, а съ радостью само-

пожертвованія, которая живетъ въ такихъ людяхъ, и которую они умѣютъ сообщать другимъ.

Эта способность объединяется въ стремленіи къ общей цѣли, чтобы поддерживать и развивать традиціи, отмѣчаетъ людей, обладающихъ разумомъ и совѣстью. Мы подходимъ тутъ къ одной изъ самыхъ нѣжныхъ и затруднительныхъ соціальныхъ функцій.

Кто же говоритъ намъ, что для того, чтобы продолжить традиціи, нуженъ рабскій и ограниченный умъ? Это общее мнѣніе, далекое, однако, отъ всякаго серьезнаго опыта.

Человѣкъ, который клянется формулой, недостаточно уважаетъ эту формулу. Онъ не схватываетъ ни смысла, ни размаха, которые составляютъ ея сущность и цѣну. Человѣкъ, который клянется учрежденіемъ, книгой, другимъ человѣкомъ, мало уважаетъ всѣхъ ихъ, ибо онъ самъ себя запрещаетъ оцѣнить ихъ по заслугамъ, какъ будто имъ слѣдуетъ бояться его оцѣнки. То, что заслуживаетъ почитанія, должно быть уважаемо при критическомъ отношеніи къ нему. Восхищеніе по приказанію выражаетъ не благовѣніе, а родъ дерзости; вѣрить безъ оцѣнки, безъ добрыхъ основаній—значитъ оказывать святымъ вещамъ плохую услугу и совершать почти-что кощунство. Говорить кому-нибудь: «Я вѣрю тебѣ, но я не желаю присмотрѣться къ этому поближе»—значитъ выказывать ему не вѣру, а недовѣріе. Ничто не компрометируетъ такъ традицій, какъ такое ложное уваженіе.

Традиції отъ этого погибають. Человѣкъ, придерживающійся буквы, воображаетъ себѣ, что охраняетъ тексты, и въ то же время стираетъ ихъ; онъ воображаетъ, что укрѣпляетъ учрежденія, — и ослабляетъ ихъ, мѣшая имъ поддерживать связь съ жизнью. Всѣ узкіе хранители традицій плохіе наслѣдники великаго сокровища, завѣщаннаго прошлымъ. Въ ихъ рукахъ теряется то, на сохраненіе чего они заявляютъ притязаніе. Чтобы дѣйствительно чтить традицію, нужно продолжать ее, сохранять ее живой, способной къ возрожденію. Ее нужно заставить возродиться чрезъ свое личное сознаніе. Поэтому самымъ вѣрными слугами традицій являются ихъ независимые ученики, неизвѣстные, но и незамѣнимые работники. Въ ихъ рукахъ прошлое не становится тяжелой дубиной, которою насъ огорашиваютъ, а играетъ роль бодрящей палки, которая поддерживаетъ насъ на пути прогресса и будущности.

Человѣкъ, который ориентуется по разуму и совѣсти, не только умѣетъ держаться въ рядахъ, терпѣть возраженія, выслушивать чужія мнѣнія, уважать законъ и чужую свободу, почитать и поддерживать традиции, но и черпаетъ изъ своего руководящаго принципа необычайную силу. Въ немъ есть нѣчто, что превосходитъ его, что поддерживаетъ, вдохновляетъ его, закаляетъ его характеръ и укрѣпляетъ его волю, просвѣщая ее. Онъ умѣетъ принять рѣшеніе, взять на себя отвѣтственность.

При необходимости, если этого требует моментъ, онъ рѣшится быть одинокимъ. Вы увидите, какъ онъ съ спокойной самоувѣренностью пойдетъ на встрѣчу возраженіямъ, брани, угрозамъ, исполнитъ столь трудный и въ то-же время столь необходимый долгъ, противопоставитъ деспотизму одного лица, какъ и предрасудку, смѣшивающему истину съ мнѣніемъ большинства, неодолимую преграду, которая зовется волей. Кто будетъ утверждать, что это среди насъ ничтожныя качества? Нѣкоторые обвиняютъ насъ въ индивидуализмѣ. Это то-же, что насмѣхаться надъ нашей нищетой и упрекать въ дородности человѣка, ужасающаго своей худобой. Нѣтъ ничего рѣже въ настоящее время, какъ выдающіеся характеры.

Эмиль Фаге былъ правъ, сказавъ однажды такой афоризмъ: Въ наше время, мыслящій самосто-ятельно—парія. Если бы было позволено дать состояніямъ души людей термины, заимствованныя изъ зоологической классификаціи, то я сказалъ бы, что огромное большинство нашихъ современниковъ—моллюски. Они не имѣютъ нравственнаго скелета. Внѣшній авторитетъ не дастъ имъ его. Вспомнимъ слова неаполитанскаго короля, когда ему предлагали измѣнить форму своихъ солдатъ: «Одѣвайте ихъ, какъ хотите, сказалъ онъ, это не помѣшаетъ имъ постыдно оставить поле сраженія!» Намъ нужна не напрасная передѣлка внѣшняго облика, а позво-лочный столбъ.

Но пора закончить эти разсужденія и резюмировать ихъ. Мы страдаемъ, мы нѣсколько потеряли направленіе, это вѣрно, сознаемся въ этомъ искренно. Но примемъ во вниманіе смягчающія обстоятельство. Вспомнимъ, что мы живемъ въ эпоху преобразованій, и что все, имѣющее форму безпорядка, вовсе не безпорядочно само по себѣ.

Есть кажущіеся непорядки, которые являются лишь подготовительными къ новому порядку вещей. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно взглянуть на мѣсто, гдѣ строить. Надо-ли отказаться отъ постройки вообще, только благодаря тому, что работы нарушаютъ порядокъ и создаютъ непріятное зрѣлище разбросанныхъ матеріаловъ, кричащихъ рабочихъ и изрытой колеями почвы? Только при допущеніи всего этого мы получимъ домъ. Убѣжища человѣческаго духа такъ же ломки, какъ наши матеріальныя жилища. Никто не можетъ строить на вѣчныя времена. Когда достаточно долго прожили въ жилищахъ, они въ концѣ-концовъ становятся ветхими, нездоровыми. Человѣческій ядъ набирается въ ветхихъ стѣнахъ. Тогда ихъ нужно сломать и перестроить заново. Мы находимся на пути къ полному возсозданію всего. Это переходное время безъ утѣшенія, но не безъ величія. Въ концѣ концовъ представляется въ высокой степени интереснымъ стоять подъ дождемъ и снѣгомъ, обтесывая камни и мѣшая известь, чтобы построить жилища для своихъ потомковъ. Не будемъ

падать духомъ подъ вліяніемъ словъ фанатическихъ обитателей стараго дома: пусть они себѣ грѣютъ въ немъ ноги у камина! Но, на холодномъ вѣтру, мы съумѣемъ сохранить тепло въ сердцѣ надеждой на будущій городъ, на современный городъ, широкій, залитый свѣтомъ, выстроивъ его изъ лучшихъ матеріаловъ прошлаго и настоящаго, согласно углу мѣру разума и отвѣсу справедливости. И при входѣ въ него мы напишемъ девизъ:

Будемъ любить другъ друга.

Еще одно слово.

Пусть, однако, зрѣлище противорѣчій и заблужденій настоящаго времени не приводитъ насъ къ дурной мысли о немъ. Несмотря на всѣ эти недостатки, его надо любить. Его надо любить за его благородныя муки о будущемъ, за его заботы о лучшемъ. Будемъ лучше глядѣть на его идеалъ, чѣмъ на то, что уже осуществлено. Его стремленія болѣе цѣнны, чѣмъ его дѣла и кромѣ того, если бы мы не могли любить его за его величіе, оно заслуживало бы любви за свои несчастія и еще по одному основанію. Каково-бы ни было наше время, но даль намъ его Богъ для того, чтобы мы были дѣятельны и оставили на фонѣ нашихъ призрачныхъ дней никогда не умирающій слѣдъ.

IV.

В. Мою.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВО.

СП6ГУ

I.

Теологи, философы и юристы опредѣляютъ справедливость, какъ *постоянную и опредѣленную волю уважать права всѣхъ и каждаго*. Прежде всего справедливость — *воля*, т. е., будучи нравственной добродѣтелью, она имѣетъ и должна имѣть свою основу въ источникѣ нашей нравственной жизни. Слѣдовательно, нравственная жизнь не основывается на разумѣ; очень умный и даже гениальный человѣкъ, если онъ не сумѣлъ направить и укрѣпить свою волю въ сторону честнаго и справедливаго, несмотря на весь свой умъ, останется человѣкомъ безчестнымъ и заслуживающимъ презрѣнія. Только воля принадлежитъ слава безупречной жизни или позоръ нравственнаго паденія. Справедливость, слѣдовательно, есть *воля* и опредѣленіе прибавляетъ, что она *постоянна*.

Дѣйствительно, чтобы быть справедливымъ, недостаточно иногда поступать справедливо, нужно быть справедливымъ вездѣ, всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, которыя только могутъ встрѣтиться. Справедливость постоянна.

Она также *опредѣленна*. Практика справедливости часто обрѣжена многочисленными препятствіями, такъ же дѣло обстоитъ, впрочемъ, и со всеѣми остальными нравственными добродѣтелями. Опредѣленность въ практикѣ справедливости даетъ намъ силу подчиняться всегда внушеніямъ совѣсти и долга и противиться увлеченіямъ страсти. Идея опредѣленности присоединяетъ къ идеѣ постоянства желаніе остаться вѣрнымъ справедливости, несмотря на препятствія, которыя станутъ на пути къ совершенію справедливаго поступка.

Только что изложенные признаки общи всеѣмъ нравственнымъ добродѣтелямъ, но характерная черта справедливости, составляющая ея специальное и особенное качество, это то, что ея предметъ— *уваженіе къ праву всеѣхъ и каждаго*.

Это именно и составляетъ благородство и величіе справедливости. Остальные добродѣтели совершенствуютъ личность, разсматриваемую только изолированно и отдѣльно; тогда какъ справедливость какъ бы заставляетъ человѣка выйти за предѣлы своей личности, ставить его въ извѣстное отношеніе къ подобнымъ себѣ и соединяетъ съ ними посредствомъ священнаго, связующаго звена: уваженія къ праву. Слѣдовательно, она великодушная добродѣтель, она само отрицаніе эгоизма, который можетъ подчасъ затмить блескъ личной добродѣтели; она, какъ говоритъ св. Тома Аквинскій, направлена *semper ad alterum* (всегда на другого), т. е. по-

стоянно занята другими, чтобы поддержать неприкосновенность ихъ правъ.

Несправедливо поступаетъ тотъ, кто соглашается уважать только права своихъ друзей, тѣхъ, кто раздѣляетъ его политическія и религіозныя убѣжденія, тѣхъ, кто собрался подъ однимъ знаменемъ. Чтобы заслужить прекрасное названіе справедливаго человѣка, надо уважать права противниковъ, право меньшинства, право тѣхъ, кто силится дать восторжествовать идеямъ, которыхъ мы не признаемъ за свои. Словомъ, необходимо любить право какъ таковое, и, когда мы встрѣчаемъ его, мы не должны спрашивать, защищаетъ ли оно друга или недруга, мы должны только преклониться передъ его верховнымъ и неприкосновеннымъ величіемъ.

Тутъ я касаюсь одной изъ самыхъ глубокихъ ранъ нашего времени или, вѣрнѣе, всѣхъ временъ.

Мы энергично отстаиваемъ свое право, мы не допускаемъ, чтобы его не признавали, но мы бездѣтельны, когда дѣло идетъ о правѣ другихъ, наши жалобы вялы, когда нарушено право, которое не задѣваетъ насъ лично; съ этого момента мы перестали быть справедливыми, ибо для этого надо любить и уважать право всѣхъ, надо осуществлять евангельское предписаніе: „Не дѣлайте другимъ того, чего вы не желаете, чтобы другіе дѣлали вамъ.“

Что же такое право?

Право есть законная, ненарушимая и неизмѣнная нравственная способность проявлять

свою дѣятельность. т. е. дѣйствовать, владѣть и требовать.

Оно есть *нравственная* способность въ противоположность физической способности, т. е. силѣ. Исключительная роль силы заключается въ томъ, чтобы подчиниться праву. Определеніе прибавляетъ *законная*, чтобы отличить то, что можешь сдѣлать, отъ того, что ты въ правѣ сдѣлать: мы можемъ лгать, но мы не въ правѣ этого дѣлать. Въ себѣ право *ненарушимо* т. е. мы обязаны уважать его вездѣ и всегда. Наконецъ оно *неизмѣнно*; люди не могутъ видоизмѣнять его основныя предписанія; оно рѣетъ надъ удивительнымъ разнообразіемъ человѣческихъ мнѣній; оно сегодня то, чѣмъ оно было вчера, чѣмъ оно будетъ завтра и всегда; идеи мѣняются, обычаи преобразовываются, мнѣнія смѣняются другъ друга, поколѣнія проходятъ, державы упадаютъ, троны рушатся, философскія системы пользуются одно мгновеніе благосклонностью мудрецовъ и теряются вскорѣ въ забвеніи, чтобы уступить мѣсто новымъ теоріямъ; право постоянно остается тѣмъ, что оно есть, и люди не въ силахъ ни расширить, ни сѣзуть границы его владычества. Какова же причина этого величественнаго преимущества, дѣлающаго право спокойнымъ свѣтомъ, лучи котораго никогда не мерцаютъ? Почему оно одно неизмѣнно, тогда какъ все человѣческое подвержено роковому закону измѣнчивости?

Вотъ слова человѣка, язычника, высокій разумъ

котораго сумѣлъ подняться до божественнаго происхожденія права.

Оно, говоритъ Цицеронъ, одушевленный законъ, правый разумъ, соответствующій нашей природѣ, распространенный во всѣхъ умахъ; постоянный, вѣчный законъ, который своими предписаніями диктуетъ намъ наши обязанности, своими запрещеніями отвращаетъ насъ отъ всякаго нарушенія, который, съ другой стороны, не приказываетъ и не запрещаетъ напрасно, говоритъ ли онъ съ честными людьми, или же обращается къ душѣ злыхъ людей; законъ, которому нельзя противопоставить никакого другого, отъ котораго нельзя отступить, и который нельзя отмѣнить. Ни сенатъ, ни народъ не могутъ освободить насъ отъ его путъ; онъ не нуждается ни въ приложеніи, ни въ какомъ-либо иномъ толкователѣ, нежели онъ самъ; законъ который никогда не будетъ однимъ для Рима, другимъ для Аѳинъ, однимъ для настоящаго времени, другимъ для будущаго; единый, вѣчный и безсмертный законъ, который будетъ сдерживать всѣ націи и во всѣ времена. Благодаря ему всегда будетъ только одинъ учитель или общій ученый, одинъ всемірный царь или императоръ, т. е. единый Богъ. Онъ—изобрѣтатель этого закона, судья, истинный законодатель. Кто не будетъ покоряться ему, будетъ избѣгать себя самого, презирая природу человѣка, и, вслѣдствіе одного этого, будетъ осужденъ на самую

тяжелыя муки, если ему даже удастся избѣгнуть того, что называютъ наказаніями.“

Слѣдовательно, нужно подняться до идеи Бога, чтобы встрѣтить Учителя, верховнаго законодателя, который одинъ такъ великъ, чтобы наложить на насъ естественный законъ и неизмѣнныя предписанія права.

Послѣдніе термины опредѣленія не нуждаются въ разъясненіи, и я довольствуюсь замѣчаніемъ, что способность дѣйствовать, владѣть и требовать имѣеть предѣлъ только въ общемъ интересѣ и въ правѣ другихъ людей.

Право дѣлится на *положительное и естественное*. Положительное право есть совокупность законовъ, которые властвуютъ надъ гражданами одной и той же страны. Имъ я здѣсь не буду заниматься: оно не относится къ моей компетенціи; я, какъ философъ и моралистъ, долженъ изслѣдовать только естественное право, къ которому въ частности приложимо только-что данное опредѣленіе.

II.

Естественное право есть то право, которое пріостекаетъ изъ самаго существа нашей природы; чтобы познать его, надо понимать, что такое представляемъ мы сами.

Мы—живыя существа, надѣленные умомъ и свободой; таковы блага, которыми человѣкъ обязанъ

своей собственной природѣ. Поэтому, въ силу самой природы нашей, мы имѣемъ право на жизнь, на истину (которая питаетъ умъ) и на свободу.

Мы имѣемъ право на жизнь; отнять ее могутъ у насъ только насиліемъ, ибо это право, очевидно, служить основой для всѣхъ остальныхъ. Нѣтъ необходимости настаивать на правѣ на жизнь, потому что никто не можетъ серьезно оспаривать его.

Мы имѣемъ право на истину.

Побѣда истины есть одно изъ самыхъ благородныхъ наслѣдій природы человѣка.

Истина есть равенство между умомъ и его объектомъ: *adaequatio rei et intellectus*. Если представленіе, которое я составляю себѣ относительно какого-нибудь предмета, вполне сходно и тождественно съ предметомъ, то я владѣю истиной; если нѣтъ этого равенства, я заблуждаюсь. Это строго точное опредѣленіе даетъ намъ высокое понятіе о неоцѣнимомъ величій человѣческаго ума. Онъ можетъ уравнивать всѣ вещи, ибо черезъ то одно, что вещь *существуетъ*, она вступаетъ въ область ума: *«ensens et verum convertuntur»*— бытіе смѣшивается съ истиной, говорятъ еще школьные философы. Слѣдовательно, все, что существуетъ, есть предметъ ума, равнаго всему, благодаря обладанію истиной, на которую мы имѣемъ безусловное право, такъ какъ умъ данъ намъ только для созерцанія истиннаго.

Но человѣкъ не погрѣбаетъ истины на днѣ своего ума; онъ испытываетъ властную потребность

оповѣстить о ней и дать ей широкое распространеніе, откуда слѣдуетъ существованіе естественнаго права обучать, говорить и писать. Держать истину въ плѣну, закрывать ротъ или ломать перо человѣка за то только, что заявляемая имъ истина непріятна и имѣетъ несчастіе противорѣчить нашимъ мнѣніямъ, значитъ нарушать естественное право и злоупотреблять силой ради нетерпимости, противъ которой всегда и вездѣ необходимо протестовать съ неослабной энергіей. Научимся же выслушивать истины, которыя намъ не нравятся, научимся уважать распространеніе истины въ какой угодно формѣ; опровергнемъ, если мы въ силахъ сдѣлать это, апостоловъ идеи, которой мы не раздѣляемъ, но, во имя права, позволимъ тѣмъ, кто думаетъ не такъ, какъ мы, обучать, говорить и писать.

Я говорилъ сейчасъ, что мы не только существа разсудочныя, но что мы также существа свободныя; поэтому мы имѣемъ естественное право на свободу: *Omnes nascuntur liberi* (все родятся свободными) говоритъ одинъ великій теологъ.

Я говорю прежде всего о внутренней свободѣ, которая позволяетъ человѣку направлять свою жизнь такъ, какъ онъ ее понимаетъ, и для которой только Богъ имѣетъ право начертать путь. Подъ взоромъ Бога мы наслаждаемся безграничной свободой; никто не имѣетъ права сказать намъ: «Ты сдѣлаешь это, ты будешь сторониться того-то».

Въ царствѣ идей я признаю только за Богомъ право диктовать мнѣ законы.

Самая священная форма внутренней свободы— это свобода совѣсти. На этой именно почвѣ прирожденная свобода духа не терпитъ никакихъ цѣпей, скованныхъ рукою человѣка. Если мнѣ нравится похоронить мою жизнь въ уединеніи монастыря и служить тамъ Богу и моимъ собратьямъ согласно внушеніямъ моей совѣсти, то я не признаю ни за кѣмъ права заносить святотатственную руку на мою свободу.

Но не будемъ забывать, что нужно умѣть уважать законное право другихъ; недостаточно отстоять для себя одного свободу совѣсти, ее также необходимо требовать для другихъ, требовать для всѣхъ.

Позвольте мнѣ по этому поводу привести слова человѣка, имя котораго я произношу всегда съ чувствомъ законной гордости и нѣжной, сыновней любви: «Кто только, говоритъ Лакордеръ, исключаетъ одного единственнаго человѣка изъ требованія права, кто только соглашается на рабство одного единственнаго блага или чернаго человѣка, хотя бы онъ былъ несправедливо привязанъ однимъ только волосомъ своей головы, тотъ уже не искренній человѣкъ и не заслуживаетъ того, чтобы бороться за святое дѣло человѣческаго рода».

Это благородныя и великодушныя слова, они достойны великаго сердца, которое такъ любило справедливость, право и свободу.

III.

Внутренняя свобода (свобода воли) есть естественная способность, которая сама по себѣ находится внѣ воздѣйствія силы, но внѣшнія проявленія которой сила можетъ заковатьъ въ цѣпи. Безполезно обозначать въ настоящее время различныя силы, которыя могутъ выступить навстрѣчу проявленіямъ свободы и осуществленію права; я ограничусь тѣмъ, что постараюсь отыскать положеніе, которое съ точки зрѣнія естественнаго права должно принадлежать силѣ, называющейся государствомъ.

Мы находимся тутъ лицомъ къ лицу съ двумя діаметрально противоположными системами: языческой системой и христіанской идеей.

Согласно языческой системѣ государство имѣетъ все права, личность же имѣетъ только обязанности; государство—это какое-то божество, у ногъ котораго личность должна приносить въ жертву свое имущество, свои права, свою свободу, свою жизнь; словомъ, государство—все, оно можетъ все, а личность должна только дать растереть себя въ колесахъ этой ужасающей машины, которая пожираетъ и захватываетъ все.

По Платону государство, дѣйствительно, имѣетъ надъ личностью право жизни и смерти: убьемъ больныхъ и слабыхъ дѣтей, ибо они бесполезны для государства; разрушимъ семью, ибо семья есть

независимое общество, а государство должно повсюду быть независимымъ господиномъ; уничтожимъ собственность, такъ какъ собственность есть одна изъ самыхъ крѣпкихъ опоръ для независимости личности. Государство должно сломить всѣ препятствія, все должно смолкнуть и преклониться передъ его сомнительнымъ величіемъ.

Платонъ дошелъ до того, что пожелалъ изгнать поэтовъ. Отчего этотъ остракизмъ—по отношенію къ людямъ, которые получили возвышенный и прекрасный даръ украшать истину всѣми прелестями воображенія и грезы, которые переводятъ свои эмоціи на языкъ то мягкій, какъ вѣтерокъ, который шелеститъ въ вершинахъ высокихъ деревьевъ, то шумный и сильный, какъ волны, пѣнящіяся на прибрежныхъ камняхъ? Отчего? Развѣ только благодаря хорошо извѣстной разнузданности поэтовъ его времени? Но развѣ поэтъ не есть прежде всего человекъ независимый, свободный. Онъ независимъ, какъ вдохновеніе, воодушевляющее его, онъ свободенъ, какъ птица, рѣющая въ просторѣ небесъ. Муза, бодрствующая надъ нимъ—божество ревнивое и гордое, она улетаетъ и уноситъ его съ собой въ края идеала для защиты отъ воздѣйствія грубой силы.

Поэтъ подобенъ птицамъ перелетнымъ,
Которыя не вьютъ гнѣзда на берегу
И не спускаются на вѣтви лѣсной чащи... *)

---

*) Ламартинъ.

Вотъ за что Платонъ хотѣлъ изгнать поэтовъ: онъ боялся, что слово свободы выскользнетъ изъ ихъ сладкозвучныхъ устъ, онъ сомнѣвался въ ихъ вдохновеніи, не выносящемъ контроля государства.

Теоріи Аристотеля въ этомъ отношеніи похожи на теоріи Платона.

Наконецъ, языческая идея освящала чудовищное отрицаніе всѣхъ правъ, именно рабство.

Эти человѣкоубійственныя ученія перешли порогъ школъ, не остались системой, выработанной отдѣльнымъ философомъ, а имѣли напротивъ въ законодательствѣ римской имперіи приложеніе, причинившее непоправимое зло. Цезарь былъ абсолютнымъ владыкой міра, онъ не удовлетворялся тѣмъ, чтобы держать его подъ давящимъ игомъ социальныхъ и политическихъ законовъ; онъ былъ также верховнымъ жрецомъ, и этимъ титуломъ онъ заявлялъ притязаніе на господство надъ совѣстью.

И тутъ, въ то время, когда цезарская власть находилась въ своемъ апогеѣ, когда вселенная дрожала подъ абсолютнымъ владычествомъ своего господина, по Іудеѣ странствовалъ Учитель, проповѣдывавшій новое ученіе. Онъ говорилъ: «Любите другъ друга, ибо вы братья. Не дѣлайте другимъ того, чего вы не хотѣли бы, чтобы вамъ дѣлали другіе. Счастливы тѣ, кто алчетъ и жаждетъ справедливости; отдайте кесарю кесарево и Богу Божье»... Чтобы возвысить до его законной высоты прекрасное званіе человѣка, такъ странно презираемое языче-

своей идеей, онъ называлъ себя Сыномъ Человѣческимъ, уча насъ, такимъ образомъ, что нѣтъ ничего болѣе великаго послѣ Бога, чѣмъ человѣкъ. Онъ говорилъ еще: «Цари народовъ господствуютъ надъ нами; но не такъ будетъ среди васъ, ибо тотъ, кто среди васъ захочетъ быть выше всѣхъ, будетъ слугою всѣхъ»... Вотъ христіанская идея государства. Согласно евангельскому ученію, государство не только не поглощаетъ право личности, но напротивъ, должно охранять, оберегать его, и хорошо сознавать, что оно есть сила только на службѣ у права. Такъ именно великіе католическіе теологи, и въ частности св. Тома Аквинскій, поняли и истолковали слова Христа: «Единственная роль государства, говорить св. Тома, это оберегать право всѣхъ».

Слѣдовательно, всякое утвержденіе личнаго права противъ всемогущества государства есть христіанское утвержденіе. 4 Июля 1776 года великій народъ праздновалъ въ Филадельфіи торжество своей независимости. Утромъ этого дивнаго дня войска, которыя сражались за свободу, присутствовали при религіозномъ торжествѣ, а люди, которые шли во главѣ ихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ свободныхъ гражданъ, составили декларацію, въ которой они утверждали ихъ личныя права и обязанность, падающую на государство: располагать своимъ могуществомъ только ради общаго интереса.

Декларация 1776 года служить какъ бы предпосылкой для деклараціи 1789 года.

Итакъ, можно ли тѣхъ людей, которые отстаиваютъ неотъемлемыя права гражданина и обязанности государства, назвать демагогами, революціонерами, бунтовщиками, сторонниками возмущеній и врагами общественнаго порядка? Нѣтъ, это христіане, которые сознаютъ свое человѣческое достоинство, поднятое такъ высоко Евангеліемъ, учащимъ, что Богъ сталъ человѣкомъ.

Христіанскій духъ есть духъ независимости и свободы; христіанская идея, слѣдовательно,—лучшій стражъ правъ личности и свободы народовъ.

v.

Ж. Бело.

проф. философіи.

Состраданіе и естественный подборъ.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Составление и издание в 1967 году

СПбГУ

Даже при самомъ равнодушномъ и оптимистическомъ отношеніи къ дѣлу, трудно не согласиться, что въ настоящее время мы переживаемъ особенно тяжелый нравственный кризисъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются громкіе голоса, признающіе существованіе такого кризиса, такъ что и самое выраженіе опошлилось. Но, быть можетъ, не всѣ имѣютъ точное представленіе о сущности этого кризиса. Одни видятъ въ немъ только болѣе или менѣе выдающійся фазисъ постоянной эволюціи законовъ и обычаевъ, которая предполагаетъ безпрестанное исканіе лучшаго, или вызываетъ перемѣны въ матеріальныхъ и политическихъ условіяхъ жизни. Другіе, еще менѣе дальновидные, считая нравственный кризисъ чисто внѣшнимъ признакомъ, признаютъ нѣкоторый упадокъ практической нравственности, и нѣкоторое ослабленіе воли.

Въ томъ и другомъ случаѣ выраженіе *нравственный кризисъ* слишкомъ сильно и даже неудачно. Съ одной стороны, при всей строгости моралиста, я не думаю, чтобы развращенность, или безчестность нашихъ современниковъ должны были составить

особенно замѣтное пятно въ будущей исторіи; въ другія эпохи, по поводу которыхъ и не думаютъ говорить о нравственномъ кризисѣ, эти явленія были выражены гораздо рѣзче. Съ другой стороны, это выраженіе также не подходитъ къ тому случаю, когда говорятъ о непрерывной эволюціи, отдѣльные фазисы которой могутъ имѣть болѣе или менѣе сильное вліяніе, но которая, во всякомъ случаѣ, измѣняетъ только внѣшнія формы жизни и практическія правила поведенія.

Наоборотъ, въ настоящій моментъ, повидимому поколеблены самыя основы нравственной жизни. Тамъ, гдѣ поведеніе остается корректнымъ и соотвѣтствуетъ принятымъ правиламъ честной жизни, именно тамъ эти, вполнѣ поверхностныя, корректность и честность не вяжутся болѣе, или лишь слабо вяжутся, съ добросовѣстно воспринятыми и съ убѣжденіемъ провозглашенными принципами. Повидимому, въ душу толпы проникла нѣкоторая доля свойственныхъ философамъ критическихъ сомнѣній, съ давнихъ поръ направленныхъ на поиски подобныхъ принциповъ. Толпа, вообще менѣе способная къ примѣненію взглядовъ, чѣмъ отдѣльный мыслитель, и въ своей незатѣйливой социологіи болѣе чувствующая необходимость примѣненія тѣхъ принциповъ, которыхъ, какъ она воображаетъ, она достигла, повидимому сознаетъ (временно, по моему убѣжденію) только одни отрицательные результаты этой критики, проникающей въ нее медленно, неза-

мѣтно и до извѣстной степени безсознательно, а потому и тѣмъ болѣе неизбежно. Вотъ почему намъ приходится слышать, какъ провозглашается несостоятельность то науки, которая не сумѣла устроить жизнь, то религіи, которая неспособна болѣе владѣть и руководить душами... Такимъ образомъ поставленъ вопросъ объ отысканіи самой сущности нравственной жизни.

Пожалуй, эта задача можетъ быть разрѣшена сравнительно легко, если, придерживаясь метода, который, по всей видимости, не пользуется въ настоящее время большимъ почетомъ, рѣшительно отбросить все вопросы, чуждые основному, и поставить нравственность на свойственную ей почву. Какъ мнѣ кажется, въ обоихъ случаяхъ заблужденіе заключалось въ исканіи основъ нравственности внѣ того, что составляетъ ея собственную область, характерное ея содержаніе; я хочу, сказать: внѣ условій соціальной жизни, сохраненія и прогресса челоуѣчества.

Вотъ эту именно идею я постараюсь выяснитъ, говоря о вопросѣ, по поводу котораго съ особенной остротой обнаружился только - что опредѣленный мною нравственный кризисъ; въ немъ можно различить довольно ясно столкновеніе принциповъ, терзающее современное сознаніе, и въ которомъ, какъ мнѣ кажется, находятъ особенно удовлетворительное примѣненіе указанное мною рѣшеніе задачи. Это рѣшенье, изъ за котораго боролись и еще до сихъ

поръ борются религія и наука, сводится къ вопросу объ отношеніи состраданія къ естественному подбору, къ столкновенію между чувствомъ человѣческаго брѣтства и біологическими интересами расы.

I.

Такъ какъ въ мои намѣренія входитъ воспользоваться этимъ вопросомъ, какъ случаемъ, удобнымъ для изученія въ опредѣленной формѣ современной нравственной проблемы и возможнаго ея разрѣшенія, то позвольте мнѣ предварительно выяснить мою точку зрѣнія. Я начну съ трюизма. Не будемъ бояться трюизмовъ: только наше невѣжество отличаетъ очевидность отъ истины, а безпредѣльный разумъ способенъ только или приходитъ къ абсурду, или находить очевидное.

Моя очевидность, которую, какъ мнѣ не безызвѣстно, вначалѣ отвергнуть три четверти мыслителей и девять десятыхъ общества, заключается въ томъ, что нравственность есть нѣчто чисто-человѣческое, что она постепенно создавалась человѣчествомъ для человѣчества.

Такъ и должно быть. Человѣчество вовсе не имѣло посторонняго учителя, который-бы разъяснилъ ему его обязанности и законы существованія, и только жизненный опытъ могъ научить его или рас-

раскрыть ихъ передъ его разумомъ и, еще болѣе того, связать ими его волю. *И эта истина обязательна даже и для тѣхъ, кто допускаетъ откровеніе:* во всякомъ случаѣ, подобное откровеніе не могло-бы быть понятно, если-бы идеи, которыя оно внесло, были совершенно чужды человѣческому духу, и въ особенности оно не было-бы въ состояніи заставить принять законъ жизни, не имѣющій отношенія къ житейскимъ потребностямъ, заставить полюбить идеалъ, не гармонирующій со стремленіями человѣчества. Ученіе, явившееся извнѣ, неизбежно осталось-бы мертвой буквой, и если отдѣльный человѣкъ, повидимому, имѣетъ постороннихъ учителей въ лицѣ другихъ людей, то человѣческая раса не можетъ учиться ни у кого кромѣ себя самой и собственнаго опыта, какъ въ области нравственнаго, такъ и въ области знанія.

Но нравственность, которая создалась естественно въ связи съ самими условіями существованія, и въ частности, общественнаго существованія, не есть продуктъ разума, разсужденій; она происходитъ не изъ теоріи, но изъ болѣе или менѣе поучительнаго приспособленія. Съ того момента, какъ человѣкъ начинаетъ наблюдать самого себя и размышлять о своихъ поступкахъ, онъ находитъ въ себѣ эту произвольную нравственность уже готовой и законченной въ видѣ совѣсти, болѣе или менѣе рудиментарной, но уже прочной и ясной и даже освященной извнѣ правилами и преданіями

общественнаго порядка, отъ подчиненія которымъ онъ не можетъ ускользнуть. Что же дальше? Если человѣкъ способенъ постигнуть окружающую его природу, то онъ не менѣе способенъ понять, хотя и позже, самого себя. Онъ станетъ искать оправданія и въ то же время объясненія принциповъ поведения, которые заложены, онъ чувствуетъ это, внутри его самого, и которые внушаетъ ему общество извнѣ. Пытаясь истолковать нравственность, которая такъ легко доступна его интуиции и такъ недоступна пониманію, онъ начинаетъ видоизмѣнять и искажать ее, и право странно видѣть, сколько времени нужно человѣчеству, чтобы вернуться на настоящую дорогу и возстановить нравственность въ ея положительной реальности, освободивъ ее отъ причудливыхъ и превратныхъ толкованій, окончательно ее замаскировавшихъ и видоизмѣнившихъ.

Первобытный человѣкъ, не понимая окружающей его природы, обманываетъ свою болѣе нетерпѣливую, чѣмъ добросовѣстную любознательность, обоготворяя силы и явленія физическаго міра; точно такъ же поступаетъ онъ и передъ лицомъ внутренней тайны нравственнаго самосознанія: его воображеніе обоготворяетъ совѣсть и общественный авторитетъ, который ее освящаетъ. Подвергается-ли при этомъ идеализація и самая нравственность? Этого нельзя и требовать, такъ какъ выдуманное божество естественно отражаетъ всѣ несовершенства

самого человѣчества, и приписанный ему верховный авторитетъ не можетъ уменьшить неразумность или грубость требованій, которыми его надѣлили. Нравственность обособляется отъ жизни; чисто теологическія добродѣтели, равнодушныя къ реальному поведенію человѣчества, чуждыя, или даже противоположныя по реальнымъ условіямъ его существованія, ставятся выше истинныхъ добродѣтелей. Индивидуумъ и даже общество потеряли свою нравственную автономію: они болѣе не чувствуютъ себя господами своей судьбы. Кромѣ того, матеріализованный символъ ихъ нравственной жизни представляется до извѣстной степени неподвижнымъ и застывшимъ, что препятствуетъ ея нормальному развитію; такимъ образомъ совѣсть, прикованная къ понятіямъ прошлаго, была обречена на отставаніе отъ жизни, тогда какъ истинное ея назначеніе заключается въ томъ, чтобы предшествовать ей, устремляя свой взоръ къ идеалу.

Безъ сомнѣнія, понятіе о божествѣ постепенно очищается, какъ всякое вообще нравственное понятіе. Но содержаніе нравственности, быть можетъ и очищенной въ силу обстоятельствъ, не остается безъ измѣненій ея сущности. Совѣсть продолжаетъ упускать изъ виду социальныя условія, продуктомъ которыхъ она является, и общественную жизнь, для которой она является въ тоже время и орудіемъ и основаніемъ. Она пріобрѣтаетъ привычку входить въ непосредственныя сношенія съ Богомъ;

и по мѣрѣ того, какъ Богъ все болѣе отдалялся и идеализировался, нравственное чувство становилось все болѣе *внутреннимъ, субъективнымъ, индивидуальнымъ*, пренебрегающимъ своимъ происхожденіемъ и прегрѣшающимъ противъ своего назначенія.

Такъ я представляю себѣ результатъ вмѣшательства первобытнаго воображенія и религіозныхъ размышленій въ усовершенствованіе и вообще истолкованіе нравственного сознанія.

А каковъ результатъ современныхъ научныхъ разсужденій? Ихъ пріемъ—уподобленіе, стремленіе, вдвинуть неизвѣстное въ рамки извѣстнаго. Они вновь погружаютъ человѣка въ природу и подчиняютъ его средѣ. Болѣе того, они выясняютъ законы человѣческой природы по аналогіи съ болѣе общими законами животнаго міра. Ибо человѣкъ по своей сложности составляетъ послѣдній объектъ научной мысли, который она познаетъ уже послѣ предварительнаго изученія всего, что называется *природой*, т. е. всей области того, что стоитъ ниже человѣка. Такое направленіе замѣчается уже въ древнемъ ученіи Аристиппа, доказывающаго на примѣрѣ животныхъ, что удовольствіе есть желаніе природы, а *следовательно* законъ жизни.

Это же направленіе въ нѣсколько иной формѣ заключается и въ современныхъ теоріяхъ. Это первое, спѣшу добавить, неполное и временное приложеніе науки къ нравственности приводитъ насъ къ регрессу. Еще въ настоящій моментъ оно под-

чиняетъ человѣческое поведеніе *многозаконою* (*heteronomie*), или, послѣдовательнѣе, *беззаконою* (*anomie*), потому что человѣкъ не имѣетъ иного исхода, какъ подчиненіе своего поведенія законамъ среды, законамъ своей природы и законамъ общества. Онъ не въ состояніи выставить собственный идеалъ, законъ, правила поведенія, созданныя для достиженія чисто человѣческихъ цѣлей.

Нравственная идея состраданія, любви къ ближнему, подверглась, по моему мнѣнію, колебаніямъ, аналогичнымъ съ тѣми, которыя я только-что описалъ; съ тѣхъ поръ, какъ нравственное самосознаніе человѣчества вполнѣ овладѣло этой идеей, она прошла тѣ-же самыя фазисы. Идея состраданія давно существуетъ въ человѣчествѣ, такъ какъ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ, въ эпохи наиболѣе варварскихъ цивилизацій, доброжелательность, доброта, самопожертвованіе играли выдающуюся и почетную роль въ общественной жизни: она не можетъ существовать безъ нихъ, и ихъ находятъ даже у животныхъ, живущихъ обществами. Однако думаютъ, что эта идея была открыта въ тотъ день, когда, не довольствуясь отдѣльными, почти инстинктивными добродѣтелями, которыя были внушены идеей состраданія и любви къ ближнему, и въ которыхъ она была до нѣкоторой степени разсѣяна, дошли до точнаго и сознательнаго формулированья принципа, объединяющаго въ себѣ всѣ эти добродѣтели и, пожалуй, всякую добродѣтель.

Но съ той поры, какъ любовь къ ближнему стала сознательной, она измѣнила свой характеръ. Будучи до того времени обращенной на внѣшній міръ, на свой объектъ и, такъ сказать, вполне переходя въ дѣйствіе, она приняла теперь чисто внутренній характеръ; она стала добродѣтелью и чувствомъ, элементомъ личнаго и *субъективнаго* совершенствованія. Этому состоянію души придаютъ абсолютно высокую цѣну, упуская изъ виду приложеніе принципа и практическіе результаты, которыхъ можно отъ него ожидать. Слѣдовательно, эта добродѣтель приняла вполне *отрицательную* форму: на вершинѣ нравственной жизни поставили добродѣтель самопожертвованія, не отдавая себѣ отчета въ чью пользу происходитъ отреченіе, во имя какого высшаго интереса приносится жертва. Думаютъ, что проповѣдуя жертву для жертвы, побѣдятъ эгоизмъ, и не видятъ того, что, *лишь отвѣчая на эгоизмъ эгоизмомъ*, можно отъ него избавиться, что необходимо интересоваться кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь, для того чтобы не слишкомъ интересоваться самимъ собой, что только отдаваясь другому можно позабыть о себѣ. Къ тому-же состраданіе пріобрѣло еще *созерцательную* форму, такъ какъ вѣрили, что оно ведетъ свое происхожденіе отъ самого Бога; полагали, что только безконечное способно наполнить сердце человѣка; намъ предлагали любить нашихъ ближнихъ во имя Бога и для Бога, вмѣсто того, чтобы любить ихъ во имя ихъ самихъ и

для нихъ самихъ. Если нѣсколько грубо выразить мою мысль, то можно назвать эти формулы лживыми и опасными. По моему мнѣнію, онѣ исказили и обезплодили состраданіе, отвративъ его отъ практическаго примѣненія. Безъ сомнѣнія, я не настолько забываю свое ремесло философа, чтобы не знать, что эти формулы имѣютъ метафизическій смыслъ и удовлетворительно разрѣшаютъ нравственную проблему. Но нравственность создана для всѣхъ, а толпа не состоитъ изъ метафизиковъ. Она понимаетъ только то, что выражено точно; она принимаетъ формулы дословно, и скрытыя мысли—не ея дѣло. И если, во что-бы то ни стало, хотятъ сказать ей больше, чѣмъ она способна понять, то ужъ лучше, пожалуй, прибѣгнуть къ темнымъ отвлеченіямъ, которыя, по крайней мѣрѣ, ее не обманутъ. Но я не знаю, что можно было-бы выиграть при помощи искусныхъ толкованій формулъ, которыя всегда будутъ поняты толпой превратно. Формулы, о которыхъ я говорилъ, стремились отвратить состраданіе отъ его истиннаго объекта и возложить заботу о результатахъ на Бога,—вотъ почему я имъ не довѣряю.

Тѣмъ съ большимъ основаніемъ научное разсужденіе, натолкнувшись на столь извращенное нравственное понятіе, отнесется къ нему съ подозрѣніемъ. Оно осмѣлится спросить у добродѣтели отчета; оно потребуетъ отъ нея не субъективнаго, мистическаго оправданія, а объективнаго доказательства ея пре-

восходства, или, лучше сказать, (такъ какъ дѣло касается науки) ея истины, ея соотвѣтствія съ природой. Такимъ образомъ новый оборотъ дѣла приведетъ къ осужденію, такъ какъ нѣкоторые считаютъ доказаннымъ, что природа обезпечиваетъ прогрессъ не добротой, не отреченіями, не добровольными жертвами сильныхъ въ пользу слабыхъ, но, наоборотъ, жестокими средствами, отрицаніемъ всякаго милосердія, роковыми и вынужденными жертвами слабыхъ въ пользу сильныхъ. Натуралистическая нравственность, во имя біологіи и даже соціологіи, противопоставляетъ состраданію *борьбу за существованіе*, приводящую къ *естественному подбору* т. е. уничтоженію менѣе совершенныхъ существъ, къ выживанію болѣе сильныхъ и приспособленныхъ, которыя одни призваны продолжать расу.

Эти идеи стали настолько общимъ достояніемъ, что я не буду останавливаться на нихъ. Я долженъ считать ихъ извѣстными, и ставлю себѣ только одну, и безъ того достаточно трудную, задачу изслѣдовать практическія приложенія этихъ идей и вытекающіе изъ нихъ нравственные выводы. Вкратцѣ эти выводы можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

Положительно: Нужно стараться быть сильнымъ, какъ можно болѣе сильнымъ, владѣть въ своей игрѣ возможно большимъ количествомъ козырей, или, если вы позволите мнѣ воспользоваться

наиболѣе употребительной метафорой, нужно возможно лучше вооружаться для борьбы за существованіе. Конечно, не можетъ быть и вопроса о формѣ оружія и о лояльности средствъ борьбы. Успѣхъ все оправдываетъ. Первая обязанность—трудиться для собственного счастья, такъ какъ тѣмъ самымъ достигается благо и счастье всѣхъ и прогрессъ расы.

Отрицательно: Нужно тщательно избѣгать помощи болѣе слабымъ, искусственного приспособленія къ жизни существъ менѣе совершенныхъ: въ противномъ случаѣ можно подвергнуть расу регрессу, взвалить на общество неуравновѣшенное бремя, причинить ему тяжкіе избытки и увѣковѣчить біологическіе и общественные недостатки. «Всѣ общественныя установленія, говоритъ Спенсеръ, которыя въ высокой степени препятствуютъ превосходству пользоваться его преимуществами или поддерживаютъ несовершенство въ борьбѣ со зломъ, которое оно само производитъ, всѣ установленія, стремящіяся уничтожить разницу между совершеннымъ и несовершеннымъ, діаметрально противоположны прогрессу организаціи и наступленію болѣе совершенной жизни».

Таковъ вкратцѣ конфликтъ между принципами, разрѣшеніе котораго возложено на современную нравственность; мы боремся такимъ образомъ съ вопросомъ совѣсти по преимуществу. Задача важная, потому что современная совѣсть, для которой

метафизическіе или мистическіе принципы уже утратили свое значеніе, не можетъ безусловно отказаться отъ точки зрѣнія, имѣющей въ виду интересы расы или біологическій прогрессъ. И однако мы не рѣшимся добровольно принять эти принципы, такъ какъ рискуемъ власть при этомъ въ грубый и низкій эгоизмъ, эгоизмъ *Struggle for life*; мы считаемъ невозможнымъ отказаться отъ добродѣтели, которая при всемъ несовершенствѣ, при всей неполнотѣ практической жизни, не можетъ служить въ будущемъ составной частью нашей нравственной природы. Мы обладаемъ внутреннимъ чувствомъ, и никакое усиленіе воли, никакой свѣтъ науки не въ силахъ его уничтожить; самые жестокіе смягчаты, самые убѣжденные колеблются, если имъ представить нѣкоторые выводы изъ ихъ теорій. Возможно-ли допустить, чтобы стали сбрасывать въ пропасть дѣтей слабого сложенія, или возстановили ужасную систему оставленія безъ помощи прокаженных! Или (вѣдь отъ допущенія произвола естественнаго подбора легко перейти къ тираніи подбора искусственнаго) возможно-ли, во имя современныхъ теорій, осуществить то, что даже сама древность считала несбыточной мечтой: передать власть устраивать браки, или препятствовать ихъ заключенію, сообразно съ высшими интересами расы, государства, которое распоряжалось бы животнымъ—человѣкомъ, нисколько не интересуясь свободой или чувствами личности! Вѣдь въ такомъ

случаѣ пришлось-бы уничтожить или подавить большую часть общественныхъ учреждений, такъ какъ они представляются съ этой точки зрѣнія общественнымъ зломъ, какъ это недавно доказалъ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ противниковъ разбираемой теоріи. ⁴⁾ Тогда слѣдовало бы начать съ самаго института правосудія, этого покровителя слабыхъ противъ сильныхъ, этой первой формы коопераціи слабыхъ, съ цѣлью обезпечить за собой силу, представляющую собой первое проявленіе любви и состраданія въ борьбѣ съ беспощаднымъ соперничествомъ.

Изъ предыдущаго видно, что разбираемая нами проблема не только важна, но еще и щекотлива, сложна и темна, что противорѣчія, изъ которыхъ она состоитъ, далеко не ясны. Даже социологи-натуралисты, повидимому, затрудняются принять практическіе выводы, вытекающіе изъ ихъ теоріи. Одни изъ нихъ, видя противорѣчіе между состраданіемъ и подборомъ, осуждаютъ первое въ пользу послѣдняго. Другіе-же полагаютъ, что состраданіе есть тоже продуктъ эволюціи, что челоуѣколюбіе есть неизбежное зло и нужно съ покорностью наблюдать за его развитіемъ; они просто рѣшаютъ, что благо общества и расы есть условный и произвольный нравственный критерій, выдуманный впоследствии

Ch. Gide: Si les institutions sociales sont un mal social, Rev. d' Economie politique, janvier 1899 г.

путемъ разсужденій, между тѣмъ какъ человѣкъ, такъ думаютъ они, по особаго рода фатальности обреченъ безъ устали трудиться въ ущербъ самому себѣ и желать собственной гибели!

Въ самомъ разногласіи выводовъ имѣется нѣчто для насъ утѣшительное. Дѣйствительно, если человѣколюбіе развивается такъ неизбежно, то, разумѣется, нельзя считать его глубоко или вообще противорѣчающимъ интересамъ человѣчества. Во имя той-же теоріи подбора, мы должны признать, что истинно вредная наклонность ума сама себя уничтожала-бы и должна была-бы исчезнуть, въ противномъ случаѣ, естественный подборъ не заключаетъ въ себѣ ничего непогрѣшимаго, и я не вижу, почему я долженъ ему вѣрить во всемъ остальномъ, если считаю его невѣрнымъ въ такомъ существенномъ пунктѣ. Но мы предвидимъ, что состраданіе, какъ сила направленная противъ нѣкоторыхъ формъ подбора, само должно быть формой подбора. Оно также въ нѣкоторомъ смыслѣ естественно и не могло бы ни поддерживаться, ни развиваться такъ широко и такъ неизбежно, если предположить, что оно является для человѣка особой формой медленнаго самоубійства. Натуралистъ менѣе всего имѣетъ право отвергать состраданіе.

Замѣтимъ здѣсь, что положительная точка зрѣнія въ нравственности оказывается чрезвычайно удобной для того, чтобы пробудить нравственное самосознаніе. Если совѣсть есть примитивный даръ

или сверхъестественное откровеніе, то авторитетъ въ управленіи жизнью, которымъ ее надѣляютъ, долженъ быть предметомъ абсолютной вѣры, не требующей никакихъ оправданій. Если-же, наоборотъ, совѣсть сама есть продуктъ жизни, если она свободно развивалась въ связи съ самими условіями существованія, то она неизбежно служитъ выраженіемъ наиболѣе существенныхъ потребностей. Безъ сомнѣнія, она не непреложна въ частностяхъ, но она не можетъ быть ошибочной въ общемъ и въ своихъ наиболѣе существенныхъ принципахъ. Противники эмпиризма въ нравственности обвиняютъ его въ томъ, что онъ нарушаетъ авторитетъ совѣсти, превращая ее въ безсознательно приобрѣтенную привычку, отъ которой можно освободиться. Я не могу понять этого довода: вѣдь совѣсть менѣе всего произвольна, если она естественна, и если она приобрѣтена путемъ привычки, то никакъ не можетъ быть обманчивой. Неужели необходимо, чтобы совѣсть была обособлена отъ жизни для того, чтобы я руководился ею въ жизни?

Но мы можемъ безъ опасенія ожидать исхода процесса, начатаго противъ состраданія и который я долженъ теперь обрисовать въ нѣсколькихъ словахъ.

II.

Начнемъ съ формъ состраданія въ нѣкоторомъ родѣ наиболѣе матеріальныхъ, именно съ тѣхъ, противъ которыхъ его противники—біологи считаютъ себя наиболѣе вооруженными. Наши заботы о человѣческой жизни заключаютъ въ себѣ нѣчто роковое: «Неоспоримо, говоритъ Дюркгеймъ, что мы содержимъ въ нашихъ госпиталяхъ цѣлую націю кретиновъ, идіотовъ, помѣшанныхъ и всякаго рода неизлѣчимыхъ больныхъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть полезны, и существованіе которыхъ поддерживается, такимъ образомъ, за счетъ лишеній, на которыя обрекаютъ себя здоровые и нормальные труженики; нѣтъ такой діалектической тонкости, которая могла-бы устоять противъ очевидности фактовъ. Возражаютъ, что такія неизлѣчимыя уродства составляютъ исключеніе; но сколько существъ безусловно слабыхъ имѣтъ возможность продолжать свое существованіе за счетъ этой самой филантропіи въ ущербъ общему здоровью и общественному благосостоянію». Спенсеръ допускаетъ со своей стороны, что чисто личный альтруизмъ довольно удовлетворительно компенсируетъ свои дурные результаты. «Но, прибавляетъ онъ, все поддерживающее неспособныхъ приноситъ несомнѣнный вредъ, препятствуя естественному ходу уничтоженія, при помощи котораго

общество постоянно очищается самостоятельно». Словомъ, филантропія, какъ государственное учрежденіе, безусловно вредна и не оправдывается даже стремленіемъ развить соціальныя чувства симпатіи у правящихъ.

Можно сказать, что идеи о вырожденіи расы, вызванномъ соединенными усиліями болѣе свѣдущей медицины и болѣе дѣятельной филантропіи, были предугаданы довольно распространеннымъ и своеобразнымъ народнымъ наблюденіемъ, что служить для меня основаніемъ усомниться въ совершенной научной достовѣрности этихъ идей. Развѣ намъ не приходится выслушивать, какъ съ апломбомъ утверждаютъ, что наши отцы были сильнѣе и жили дольше, чѣмъ мы, объясняя это тѣмъ, что болѣзни, на которыя обращалось меньше вниманія, уносили наиболѣе слабыхъ, что время отъ времени являлись эпидеміи, для того чтобы безжалостно срѣзать дурныя побѣги человѣчества, благодаря чему лѣсъ становился сильнѣе.

Не менѣе значительны недостатки состраданія въ области интеллекта и нравственности. Образованіе, распространенное совершенно бесплатно или по очень низкой цѣнѣ, увеличило-бы число лицъ, вышедшихъ изъ своего прежняго состоянія, чувствующихъ отвращеніе къ ручному или производительному промышленному труду, но въ сферѣ умственного труда, не поднимающихся выше уровня совершенно безплодной посредственности. Какъ разъ

въ настоящее время въ нѣкоторыхъ кругахъ возлагаютъ отвѣтственность за бюрократизмъ, паденіе промышленности, отсутствіе личной предпримчивости,—жалобы на что теперь въ модѣ,—на слишкомъ широкое распространеніе средняго образованія, сдѣлавшагося слишкомъ доступнымъ, благодаря «демократическимъ тарифамъ». Въ области нравственности помощь бѣднымъ является общей причиною, приучающей лицъ, пользующихся ею, къ отрицанію своей отвѣтственности, къ беззаботности, праздности и пороку. Въ какомъ затрудненіи находился-бы тотъ законодатель, который, желая искоренить дѣтубійство, не рѣшился-бы возстановить свободный пріемъ въ воспитательные дома и помочь несчастнымъ жертвамъ, покинутымъ ихъ соблазнителями изъ опасенія поощрить распущенность нравовъ или, что приходилось уже наблюдать, поставить падшихъ женщинъ въ привилегированное положеніе, могущее служить предметомъ зависти со стороны честныхъ матерей семействъ. Кто, прочтя какую-нибудь исторію о нищемъ, умершемъ на тюфякъ, набитомъ процентными бумагами, не собирался не помогать на улицѣ нищимъ? И обратно, какой бѣднякъ изъ числа этихъ невѣроятныхъ богачей паперти и крыльца, обладая весьма незначительными, но достаточно вѣрными средствами къ существованію, не станетъ болѣе беспокоить благотворительность своей нерасчетливостью или относительной расточительностью? Предусмотрительность

составляетъ качество среднихъ классовъ, которые нерѣдко ее преувеличиваютъ; но иногда, даже при бѣгломъ взглядѣ на жизнь мелкихъ служащихъ, прислуги, удивляешься, видя, какъ они позволяютъ себѣ такіе расходы, которые во многихъ достаточныхъ семьяхъ считаются излишними и служатъ предметомъ упрековъ. И вотъ является вопросъ, не вредна-ли при этихъ условіяхъ благотворительность, не способна-ли она даже воспрепятствовать развитію важныхъ практическихъ добродѣтелей.

Эти положенія настолько общезвѣстны въ настоящее время, настолько распространены даже среди филантроповъ, что я могу ограничиться сдѣланными указаніями, не опасаясь упрека въ желаніи смягчить разсматриваемый вопросъ. Пока состраданіе считалось чисто внутренней и индивидуальной добродѣтелью и, слѣдовательно, какъ я уже показалъ, самый актъ жертвы оцѣнивался выше дѣйствительной помощи, способъ оказанія ея и способъ пользованія полученнымъ не имѣли никакого значенія, Само нищенство, которое было больше распространено, чѣмъ теперь, являлось добродѣтелью, дополнявшей состраданіе. «Господа, сказалъ однажды епископъ Беллейскій Камю, рекомендую вашему состраданію человѣка, который не имѣетъ достаточно имущества, чтобы дать обѣтъ бѣдности». Теперь невозможно стать на такую точку зрѣнія; у состраданія спрашиваютъ отчета, и если въ его

балансъ оказывается недостаточно прибыли, то оно не может рассчитывать на кредитъ.

Однако, что доказываютъ наблюденія, которыя я привелъ, если даже они и безусловно вѣрны? Конечно, только то, въ чемъ никто не сомнѣвается, а именно, что существуютъ дурные способы проявлять состраданіе. Это ничуть не препятствуетъ существованію хорошихъ способовъ, и по своей истинной сущности состраданіе нисколько неповинно въ тѣхъ промахахъ, которые можно связать съ его именемъ. И прежде чѣмъ защищать состраданіе мы зададимъ его противникамъ встрѣчный вопросъ: дѣйствительно-ли подборъ обладаетъ всеми тѣми преимуществами, которыя ему приписываютъ. Является-ли онъ прочнымъ факторомъ прогресса?

III.

Даже очень бѣглый обзоръ исторіи животнаго и растительнаго міра обнаруживаетъ съ очевидностью, что не всегда сила обезпечиваетъ сохраненіе рода. Всѣ гигантскіе роды доисторическихъ временъ погибли и замѣщены болѣе умѣренными представителями. Въмѣсто громаднхъ древовидныхъ папоротниковъ каменноугольнаго періода, въ лѣсахъ прячутся маленькія растенія; погибли мастодонтъ, мамонтъ и еще болѣе фантастичные динозавры,

открытые въ Америкѣ; одинъ изъ нихъ, недавно найденный Ридомъ въ Колорадо, достигалъ 40 метровъ длины и 8-высоты. Множество крупныхъ и сильныхъ родовъ вымерли только недавно или находятся на пути къ вымиранію: таковы *Eryornis* на Мадагаскарѣ и *Dinornis* въ Новой Зеландіи, китъ и левъ. Эти факты показываютъ, что въ извѣстномъ отношеніи *сила есть слабость*. Потребность въ обильной пищѣ, уединеніе, на которое вслѣдствіе этого обречены эти могучія существа и которое лишаетъ ихъ преимуществъ ассоціаціи, ихъ малая плодовитость—все это неудобства, связанныя съ ихъ силой. И обратно, *слабость можетъ okazaться силой*: басня о львѣ и комарѣ можетъ служить для выясненія біологическаго положенія, которое оправдывается такъ-же часто, какъ и нравственная аллегорія. Неощутимый микробъ поражаетъ человѣка.

Де-Катрфажъ сообщаетъ, что во время нашествія большой русской крысы, сѣрая крыса погибла, между тѣмъ какъ мышь, благодаря своей малой величинѣ, ускользнула отъ этого сильнаго врага, который не могъ ее настичь въ ея маленькихъ норкахъ.

Жизнь низшихъ организмовъ, благодаря простотѣ ихъ организаціи, подвергается меньшей опасности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить значительную выносливость микробовъ по отношенію къ колебаніямъ температуры, способность вы-

сушенной колوراتки къ оживанію съ малой жизне-
способностью высшихъ животныхъ и человѣка.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего двусмысленнѣе
идей о совершенствѣ и несовершенствѣ, о силѣ или
слабости, идей, которыми безпрестанно злоупотреб-
ляютъ сторонники подбора. Не все то, что даетъ
преимущество въ борьбѣ за существованіе, соз-
даетъ одаренное существо, *истинное совершенство*.
Совершенствованіе не всегда совпадаетъ съ приспо-
собленіемъ. Напримѣръ, Дарвинъ рассказываетъ, что
на островѣ Мадерѣ большая часть видовъ жуковъ
почти совершенно лишены крыльевъ, и объясняетъ
этотъ фактъ тѣмъ, что жуки, слишкомъ высоко
поднимавшіеся на воздухъ, подхватывались сильными
вѣтрами, господствующими въ странѣ, и должны
были попадать въ море и тамъ погибать. Только
существа менѣе совершенныя въ полетѣ выживали
и продолжали родъ.¹⁾ Такимъ образомъ, даже въ
мірѣ животномъ эволюція вмѣстѣ съ закономъ
борьбы за существованіе имѣетъ, какъ часто до-
казываютъ сами эволюціонисты, своимъ слѣдствіемъ
регрессъ.

Тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ ожидать
того же въ жизни человѣчества, гдѣ подборъ встрѣ-
чаетъ постоянныя препятствія въ видѣ всякаго
рода условій, чуждыхъ или даже противоположныхъ
истинному совершенствованію человѣческаго суще-

---

¹⁾ Cf Des. Decamps in Revue Socialiste, mai 1898, стр. 572—599

ства. Самыя важныя изъ нихъ—условія экономическія. Богатыя люди вовсе не безусловно лучшіе представители человѣческой природы, ни съ физической, ни съ умственной точекъ зрѣнія. Даже съ точки зрѣнія матеріальныхъ услугъ, оказываемыхъ обществу, что-бы ни думали объ этомъ защитники борьбы, необходимо, чтобы наша общественная организація обезпечивала наибольшее богатство за наиболѣе полезными людьми. Однако-же въ настоящее время только нѣкоторый достатокъ, если не богатство, составляютъ основное условіе выживанія индивидуума, брака и продолженія семьи. Фавориты экономического подбора вовсе не безусловно лучшіе люди ни съ общественной, ни съ индивидуальной точки зрѣнія.

Равнымъ образомъ на общественный подборъ и соперничество падаетъ отвѣтственность за недостатки чрезвычайно неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, недостатки, вполне очевидные съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. Прежде всего укажу на отклоненіе производствъ въ сторону предметовъ чистой роскоши и дорогихъ бездѣлушекъ; далѣе, на вздорожаніе продуктовъ, наиболѣе необходимыхъ въ жизни среднихъ классовъ, въ частности, какъ показываетъ ежедневный опытъ, продуктовъ сельскохозяйственныхъ. Здѣсь снова обнаруживается, какое заблужденіе примѣнять къ человѣчеству біологическій законъ, недостаточно провѣренный и въ животномъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, потребности жи-

вотныхъ одного и того-же рода настолько ограничены, что допускаемая ими индивидуальная разни́ца въ удовлетвореніи весьма незначительна; у людей эта разни́ца можетъ быть неизмѣрима; животныя борются за нѣкоторый *minimum*, которымъ они ограничиваются, тогда какъ потребности человѣка переходятъ въ безграничныя желанія, изъ-за которыхъ онъ продолжаетъ бороться. Съ другой стороны, крайнее экономическое неравенство весьма мало благоприятствуетъ наилучшему использованию тѣхъ ограниченныхъ средствъ, которыми располагаетъ человѣкъ. Кто изъ насъ не поражался дурнымъ устройствомъ общественной машины, когда, проѣзжая зимой по деревнѣ или лѣтомъ по городу, онъ видѣлъ незанятые комфортабельныя или роскошныя жилища, тогда какъ такое огромное количество несчастныхъ лишены крова или заключены въ смрачныя конуры. Сколько имуществъ, хищнически изъятыхъ изъ общаго употребленія, не приносятъ пользы ровно никому, даже тѣмъ, кто ими владѣть! Сколько, въ дѣствіе недостаточной практики ассоціаціи, цѣнностей находится безъ употребленія, сколько испытывается невознагражденныхъ лишеній, дѣлается бесплодныхъ расходовъ и усилій! Я вовсе не имѣю претензіи утверждать, что указанныхъ недостатковъ можно избѣгать, что существуетъ для этого практическое средство; я только хотѣлъ дать вамъ почувствовать, что борьба за существованіе и конкуренція не заключаютъ

въ себѣ достоинствъ и вовсе не способны обезпечить побѣду лучшихъ и наибольшее благо всѣхъ.

Разсматривая отношенія интеллекта и силы или физическаго здоровья, мы придемъ къ аналогичнымъ заключеніямъ. Если случается, что въ животномъ мірѣ болѣе сильныя берутъ верхъ, то мы вынуждены считать это желательнымъ, справедливымъ и соответствующимъ интересамъ рода. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь идетъ рѣчь о чисто біологическомъ прогрессѣ. Но человѣчество поставлено въ совершенно инныя условія. Здѣсь интересъ рода связанъ съ интеллектуальнымъ совершенствомъ, а люди съ наиболѣе высокимъ интеллектомъ вовсе не пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ и наибольшимъ богатствомъ. Слѣдуетъ-ли дать имъ погибнуть? «Доказано, говоритъ одинъ антропологъ—сторонникъ теоріи подбора ¹⁾, что среди людей съ крупнымъ мозгомъ, очень велика ранняя смертность, а такъ какъ, съ другой стороны, высшіе и интеллигентные классы находятся на пути къ постоянному вымиранію, то едва-ли основательно предполагать, что естественный подборъ приведетъ къ размноженію крупныхъ мозговъ или увеличенію среднихъ размѣровъ». Онъ-же прибавляетъ къ этому: Если-бы въ родѣ человѣческомъ функція воспроизведенія стала исключительной привилегіей выдающихся индивидуумовъ высшей расы, то можно было-бы ожидать, что, по истеченіи

---

¹⁾ Vacher de Lapouge, in Revue intern. de Sociologie, mars 1895, стр. 185.

одного или двухъ вѣковъ, геніи толпились-бы на улицѣ, и люди эквивалентные нашимъ знамѣнитѣйшимъ ученымъ употреблялись-бы для земляныхъ работъ. «Но, какъ извѣстно, именно геніальные люди—дурные производители, а ихъ потомки, если таковые есть, оказываются обыкновенно, довольно посредственными.

Наконецъ, даже съ точки зрѣнія чисто физическаго интереса расы, можно-ли ожидать отъ свободнаго подбора болѣе удовлетворительныхъ результатовъ? Приведенное много выше мнѣніе о вредномъ вліяніи успѣховъ медицины кажется неоспоримымъ и однако оно представляетъ изъ себя только *априорное* положеніе, не оправдываемое фактами. Дѣйствительно, статистика показываетъ, что искусственное сохраненіе болѣе слабыхъ организмовъ, въ общемъ, не ослабило жизнеспособности, такъ какъ, согласно новымъ сравнительно даннымъ, добытымъ нашими статистиками, смертность замѣтно понизилась *во всѣхъ возрастахъ* и, повидимому, все большее число людей достигаетъ крайнихъ предѣловъ возраста, опредѣленнаго природой человѣческому роду. Не менѣе обманчиво мнѣніе объ очищеніи, обусловленномъ эпидеміями. Допустимъ въ крайнемъ случаѣ, хотя это далеко не вѣрно, что такіе бичи, какимъ была прежде чума, щадили наиболѣе сильныхъ; но и въ такомъ случаѣ выживали лишь ослабленные и искалѣченные: «Переживающіе тяжелую эпидемію холеры, оспу, дифтеритъ, какъ мы это видимъ

въ некультурныхъ странахъ, говорить одинъ авторъ, вовсе не самые сильные, не самые здоровые, не самые интеллигентные. Никакой прогрессъ не могъ бы быть основанъ на этихъ людяхъ, тѣмъ болѣе, что они, подобно забайкальскимъ лошадямъ, экипажамъ полярныхъ экспедицій или гарнизону крѣпости, который былъ вынужденъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ на половинномъ раціонѣ, выходятъ изъ испытанія съ разстроеннымъ здоровьемъ и впоследствии даютъ безусловно не нормальную смертность».

IV.

Итакъ, если неразумное состраданіе можетъ причинить вредъ человѣческому обществу, то, безспорно, гораздо болѣе вредъ приноситъ слѣпой подборъ. Не ясно-ли отсюда, что состраданіе, по крайней мѣрѣ разумно направленное, можетъ быть, по большей части, плодомъ правильного, очеловѣченнаго подбора, стремящагося защитить человѣка отъ жестокостей природы, разумъ—отъ болѣзни, полезный трудъ—отъ бѣдности; плодомъ положительнаго подбора, трудящагося надъ поднятіемъ уровня человѣческой природы и противоположнаго чисто отрицательному подбору, шествующему, и порой безъ успѣха, по пути жертвъ, требующему человѣческихъ гекатомбъ. Впрочемъ, наше глубокое не-

знание не позволяет намъ допускать такія жертвы, не попытавшисьъ предварительно ихъ избѣжать. Такъ слабое дитя крѣпнетъ и достигаетъ глубокой старости; такъ юноша, довольно долго казавшійся посредственнымъ, обнаруживаетъ въ годы зрѣлости талантъ и порой даже гений. Наполеонъ считался неспособнымъ ученикомъ; Дарвинъ приводилъ въ отчаяніе отца своей малой способностью къ усидчивому труду, и, по собственному его сообщенію, событіе, рѣшившее его научную карьеру, путешествіе на корабль «Бигль» зависѣло отъ нѣкоторыхъ совершенно незначительныхъ обстоятельствъ. Наше невѣжество предохраняетъ насъ даже отъ пессимизма, отъ отчаянія, отъ нерадѣнія къ самимъ себѣ и къ другимъ. Какое страданіе неизлѣчимо? Какая раса безусловно осуждена на вырожденіе? Какой низшій человѣческій родъ не способенъ заключать въ себѣ зародышъ невѣдомой оригинальности, какую-нибудь основу возрожденія, требующую для своего проявленія лишь благопріятныхъ обстоятельствъ? Мы слишкомъ мало способны къ творчеству, чтобы не стремиться къ сохраненію.

Я вижу два факта въ борьбѣ за существованіе: жизненную борьбу, въ собственномъ смыслѣ слова, между болѣе или менѣе подобными существами, которыя, обладая одними и тѣми-же источниками существованія, стремятся къ взаимному уничтоженію; затѣмъ, стремленіе улучшить самыя условія жизни, чтобы тѣмъ успѣшнѣе противостоятъ труд-

ностямъ, которыя заключаетъ въ себѣ среда, стремленіе, ведущее, въ противоположность предыдущему, къ ассоціаціи, къ взаимной помощи для большаго блага всѣхъ. Мы видѣли, что первый фактъ имѣлъ довольно сомнительное и непостоянное значеніе для прогресса; наоборотъ, мы ясно видимъ, что во второмъ фактѣ, служащемъ исходной точкой сострадательныхъ дѣствий и чувствъ, заключаются несомнѣнныя преимущества. Эти преимущества доступны даже животнымъ, и у многихъ изъ нихъ можно найти не только ассоціацію въ ея главныхъ чертахъ, но и почти неизбѣжныя послѣдствія ассоціаціи—доброту, помощь слабымъ и страждущимъ. Человѣческое состраданіе связано прежде всего именно съ этими идеями.

Точно также я вижу два факта въ приспособленіи: во-первыхъ, пассивное приспособленіе существъ къ средѣ, происходящее цѣной многихъ страданій и смертей, приспособленіе очень медленное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень ограниченное, доступное относительно небольшому числу индивидуумовъ; во-вторыхъ, активное приспособленіе, при помощи котораго существо стремится видоизмѣнить среду, сообразно со своей пользой, устранить грозящіе ему разрушительныя силы, приспособленіе относительно быстрое и легко способное становиться общимъ, распространяясь среди индивидуумовъ одного поколѣнія и передаваясь отъ одного поколѣнія другому.

Эта форма приспособленія, форма искусственная, изобрѣтенная, общественная и въ высокой степени коллективная или, по крайней мѣрѣ, легко передаваемая, господствуетъ надъ человѣчествомъ и составляетъ его силу. Дѣйствительно, возможны три отвѣта на вопросъ о способѣ происхожденія прогресса: либо онъ происходитъ благодаря *уничтоженію путемъ подбора* наиболѣе слабыхъ и *передачѣ внутреннихъ особенностей*; но такой подборъ чрезвычайно безпорядоченъ, а подобная передача, согласно указаніямъ новѣйшихъ біологовъ, очень неопредѣленна и, во всякомъ случаѣ, очень ограничена; либо можно приписать прогрессъ *воспитанію и наследственной передачѣ приобретенныхъ особенностей*; но могущество на воспитаніе еще довольно ограничено, и потому оно не можетъ видоизмѣнять самыя основныя природныя свойства и, тѣмъ болѣе, передавать по наследству свои очень непрочныя завоеванія; либо, наконецъ, можно объяснить прогрессъ *соціальной* и чисто внѣшней передачей и *непосредственнымъ раздѣленіемъ* между членами общества преимуществъ, добытыхъ личными или совмѣстными усиліями. Сравните, что можетъ быть передано потомству чисто біологическимъ путемъ изъ знаній Кассини или искусства Баха (я беру примѣры наиболѣе доступныя изслѣдованію) съ тѣмъ, что можетъ быть сообщено общественнымъ путемъ, благодаря изученію ихъ произведеній, благодаря распростра-

ненію блеска ихъ генія! Выгоды художественныхъ, научныхъ и промышленныхъ открытій, политическихъ или общественныхъ учреждений—все это передается и раздѣляется всѣми. Можно сказать, что прогрессъ происходитъ благодаря тому, что толпа посредственностей постоянно, почти безъ промедленія и отчасти даже безъ исключеній, пользуется усиліями и превосходствомъ болѣе совершенныхъ. Но вѣдь это ни что иное, какъ законъ состраданія, конечно, не въ нравственномъ и сентиментальномъ смыслѣ этого слова, а состраданія, какъ реального факта. А если это такъ, то какой-же вредъ можетъ принести добровольное и сознательное примѣненіе этого закона и даже проникновеніе его въ сердца людей?

Итакъ, ассоціація, имѣющая цѣлью болѣе стойкое противодѣйствіе средѣ и, наконецъ, искусное приспособленіе ея къ потребностямъ объединеннаго рода и вытекающее отсюда, предоставленное менѣе совершеннымъ, право пользоваться превосходствомъ остальныхъ—вотъ двойной законъ, такой-же естественный, по нашему мнѣнію, какъ и законъ подбора, и болѣе способный превратиться въ нравственное правило. Искусственная поддержка слабыхъ, отреченіе сильныхъ отъ ихъ привилегій—вѣдь это принципъ всякой цивилизаціи! Человѣчeskій родъ обязанъ ему самымъ своимъ существованіемъ, такъ какъ, будучи отъ природы слабѣе вооруженъ чѣмъ его соперники, онъ сохранился и достигъ своего

нынѣшняго могущества именно благодаря этому двойному искусству. Что бы мы выиграли, если-бы покоряясь индивидуальному стремленію къ совершенно пропорціональной справедливости, увеличили общее бремя? Вѣдь мы видимъ, что всякая ассоціація предполагаетъ постоянныя уступки со стороны болѣе одаренныхъ даже и тогда, когда дѣло идетъ лишь объ экономіи, а не о состраданіи. Строго воздающая справедливость не можетъ примириться съ тѣмъ, что я плачу три су за право переслать письмо въ Анверъ, тогда какъ мой сосѣдь за ту же сумму отправляетъ письмо въ Марсель. Но если я, желая примѣнить принципъ пропорціональности, постараюсь усложнить услугу или даже откажусь отъ благодѣяній ассоціаціи, то весь мой выигрышъ будетъ заключаться въ томъ, что я долженъ буду заплатить за это вдвое, утѣшаясь лишь тѣмъ, что мой сосѣдь заплатитъ въ сто разъ больше. Я хорошо знаю, что подобныя уступки дѣлаются въ надеждѣ на полученіе соответствующей услуги и, слѣдовательно, состраданіе не является ихъ непосредственной причиной. Но я спрашиваю, не проистекаетъ-ли въ большинствѣ случаевъ противо-дѣйствіе извѣстнымъ реформамъ и страхъ передъ нѣкоторыми общественными установленіями, которыя, въ концѣ концовъ, оказались-бы полезными для всѣхъ,—не проистекаютъ-ли они изъ узкой заботы о пропорціональной справедливости, изъ болѣе или менѣе сильнаго чувства зависти къ боль-

шимъ выгодамъ ближняго, т. е. изъ отсутствія благороднаго чувства состраданія; я спрашиваю, можетъ-ли чувство состраданія не быть полезнымъ для всѣхъ, если очевидно, что оно приноситъ большую выгоду даже отдѣльному индивидууму.

Я не буду, за недостаткомъ мѣста, входить въ разсмотрѣнiе наиболѣе важныхъ изъ существующихъ въ настоящее время способовъ приложенія состраданія, доказывать, что уже и теперь балансъ состраданія удовлетворителенъ, что вообще, несмотря на несовершенства практики, принципъ примѣненія состраданія по большей части неоспоримъ даже съ точки зрѣнiя подбора, если только разсматривать истинно человѣческой подборъ, соответствующій благу общества или даже расы. Выравнивать несправедливости природы (наводненія и т. п.), которая произвольно поражаетъ человѣка или благопріятствуетъ ему, или исправлять въ такой-же мѣрѣ роковыя и равномерно респредѣленные бѣдствія, которыми несовершенная общественная организація надѣляетъ однихъ, тогда какъ другіе изъ тѣхъ-же несовершенствъ извлекаютъ пользу, не допускать временно ослабѣвшія общественныя силы (болѣзни, временная неспособность къ труду) до полного разрушенія, посвящая заботы борьбѣ съ нѣкоторыми заразными болѣзнями (туберкулезъ и т. п.), изолировать ихъ, чтобы воспрепятствовать ихъ распространенію, поддерживать заслуженную, хотя и бесполезную въ будущемъ старость, чтобы

тѣмъ предотвратить возможность наводящаго уныніе и развращающаго зрѣлища обездоленной несчастьями трудолюбивой жизни и т. д.—все это задачи, выполнение которыхъ вполне гармонируетъ съ общественнымъ интересомъ и способствуетъ поднятію уровня жизни.

Но, возразятъ мнѣ, выполненіе всѣхъ этихъ задачъ не дается даромъ, а жертвы, которыхъ оно требуетъ, должны быть зачтены въ пассивъ и тогда онѣ, пожалуй, не уравниваются полученныя сомнительныя выгоды.

Замѣчу прежде всего, что часто неправильно подводятъ балансъ: забывая о психологіи, изъ однихъ только матеріальныхъ соображеній считаютъ понесенныя жертвы равными полученнымъ выгодамъ. Обыкновенно-же бываетъ какъ разъ наоборотъ: при разумно обставленной помощи, дающей терять гораздо менѣе, чѣмъ выигрываетъ получающій. При разумномъ употребленіи маленькая сумма можетъ до нѣкоторой степени послужить къ спасенію бѣдняка, борющагося съ гнетущей его нуждой, тогда какъ достаточный человѣкъ, который лишился этой суммы, не измѣнитъ замѣтнымъ образомъ своего образа жизни. Иду далѣе: отреченіе зажиточныхъ людей отъ нѣкоторой части ихъ избытка въ извѣстной степени служить на благо имъ же самимъ; я не стану говорить объ ихъ нравственномъ совершенствованіи, о томъ, что характеръ ихъ становится болѣе самостоятельнымъ, о радостяхъ, нахо-

димыхъ ими въ тѣхъ дѣлахъ, которымъ они себя посвящаютъ. Но я хочу сказать, что съ извѣстной точки зрѣнія избытокъ оказывается вреднымъ даже для того, кто рассчитываетъ имъ воспользоваться. Такъ напримѣръ, всѣ хорошо знаютъ, что изысканная и обильная пища, привычка постоянно ѣздить, посѣщеніе ночныхъ свѣтскихъ развлеченій— все это упорно разстраиваетъ здоровье богачей.

Опасаются, чтобы состраданіе не развило беззаботности, лѣни и порока. Но развѣ не видятъ того что излишекъ богатаго человѣка, не истраченный на дѣла общественной благотворительности, пойдетъ на поддержаніе порочной пышности, искусственно созданной промышленности, ничтожныхъ искусствъ и безчестныхъ паразитовъ. Самая неразумная милостыня никогда не причинитъ столько вреда, какъ неразборчивая расточительность, и я предпочелъ бы, чтобы богатый оказывалъ незаслуженную помощь, чѣмъ допускалъ наглое воровство праздної прислуги или завѣдомыя плутни безстыднаго поставщика.

Далѣе мнѣ кажется, что въ балансѣ состраданія слишкомъ низко оцѣниваютъ содержаніе чувства симпатіи, которое составляетъ фундаментъ всякой соціальной жизни и которое лучше всего объясняетъ проявленія чистой гуманности. Если, желая избѣжать непосредственнаго и частичнаго убытка, развиваютъ противоположныя чувства и поощряютъ узкій эгоизмъ *struggle for life*, то какой убытокъ

получается въ результатѣ! Повторяю еще разъ: если съ экономической точки зрѣнія обогащаться не всегда значитъ оказывать услуги, если конкуренція часто приводитъ къ обману и недобросовѣстности фабрикацій, то, съ нравственной точки зрѣнія, выдвинуться не значитъ достигнуть превосходства, побѣдить не значитъ усовершенствоваться, и я боюсь, чтобы вліяніе конкуренціи на нравственность не выразилось въ созданіи недобросовѣстныхъ характеровъ. Развитіе чувства безкорыстія, склонности къ самопожертвованію равноцѣнно (приносимымъ для этого) жертвамъ, и можно-ли себѣ представить дѣло болѣе полезное съ общественной точки зрѣнія, болѣе выгодное помѣщеніе капитала?

Попытаемся вкратцѣ формулировать наши положенія.

Разсматриваемое самостоятельно, независимо отъ законовъ и условій его проявленія, состраданіе является простымъ чувствомъ; какъ таковое, оно неизмѣнимо и очень часто бываетъ двигателемъ справедливости. Строгая справедливость была-бы неподвижна: всякій прогрессъ въ организаціи болѣе совершенной общественной справедливости, имѣющей своей цѣлью установленіе лучшаго права, требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ со стороны тѣхъ, кто пользуется правомъ существующимъ. *Общество*, помогая въ бѣдствіи, анонимнымъ авторомъ котораго оно является и исправляя послѣдствія своихъ несовершенствъ и прошлыхъ несправедливостей, вы-

полняетъ, пожалуй, не болѣе какъ долгъ справедливости; но *индивидуумъ* остается сострадательнымъ, когда онъ добровольно становится орудіемъ этой общественной справедливости и приноситъ какую-нибудь жертву съ цѣлью облегчить зло, за которое онъ лично не отвѣтственъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что состраданіе само себя не удовлетворяетъ; доведенное до состоянія чистой, вполне личной добродѣтели, оно подверглось всякаго рода уклоненіямъ. Оно нуждается въ законѣ, и такимъ закономъ является социальный законъ общей пользы и справедливости. Если состраданіе не заботится о практическихъ результатахъ и послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій, то, по моему, оно является именно «звонящей мѣдью, колоколомъ и бряцающими кимвалами», о которыхъ говоритъ апостолъ. Конечно, давать, не любя, безнравственно; но, съ общественной точки зрѣнія, еще хуже причинять вредъ тому, кого стараешься любить, или оказывать добро отдѣльнымъ лицамъ за счетъ остальныхъ, и все это изъ за слѣпой чувствительности и неясной религіозности.

Впрочемъ практическое проявленіе состраданія довольно трудно, такъ какъ всѣ мы должны любить cadaго; состраданіе трудно поддается развитію, такъ какъ любовь къ ближнему, повидимому, столько-же теряетъ въ яркости и глубинѣ, сколько выигрываетъ въ объемѣ и энергіи. Сила состраданія какъ двигателя, кажется, почти прямо пропорціо-

нальна мудрости закона. Безымянная, холодная, административная помощь X государства или обществъ мало привлекательна, но и индивидуальное проявленіе состраданія подвержено всякаго рода ошибкамъ и заблужденіямъ и мало дѣйствительно. Но эта психологическая трудность поддается разрѣшенію, именно путемъ воспитанія и привычки. Нельзя утверждать, чтобы интересъ дѣла былъ неспособенъ вызвать столь-же энергичное самопожертвованіе, какое вызывается личной выгодой! Кто осмѣлится сказать, что великое безличное начало общаго блага и общественнаго идеала не способно такъ же волновать истинно возвышенныя души, какъ чисто индивидуальныя симпатіи и состраданіе!

Я убѣжденъ, что состраданіе можетъ и должно становиться все болѣе и болѣе соціальнымъ, если-бы даже ни одинъ индивидуумъ во всемъ мірѣ не отказался отъ его практическаго приложенія, отъ личныхъ чувствъ благоволенія и братства. Состраданіе соціально прежде всего *по объектамъ* и *мотивамъ* своего проявленія, такъ какъ желая оказать добро отдѣльнымъ лицамъ мы всегда должны заботиться о благѣ всѣхъ, такъ какъ, наконецъ, сантиментальность, трогаящаяся личнымъ несчастьемъ, есть только начальный толчекъ, но никакъ не истинно совершенное состраданіе. Далѣе, оно соціально по своимъ *задачамъ*, такъ какъ при хорошей организаціи его станутъ заботиться не объ удовлетвореніи потребностей или

освобожденіи отъ труда, а о томъ, чтобы осуществить условія, при которыхъ трудъ возможенъ, не осужденъ на безплодіе,—и дать честнымъ работникамъ точку опоры, основу дѣйствій (безъ которой возможны лишь уныніе, отсутствіе вѣры въ себя), на примѣръ, трудовая помощь. Наконецъ, состраданіе соціально по *способамъ проявленія*, такъ какъ организованная помощь, въ формѣ частнаго труда или до извѣстной степени въ формѣ общественнаго учрежденія, по принципу, должна быть болѣе могущественной и менѣе тягостной, болѣе полной, а, слѣдовательно, и болѣе уравновѣшенной, болѣе пропорціональной истиннымъ нуждамъ, болѣе справедливо распределенной, чѣмъ это могутъ сдѣлать одни личныя усилія.

Вотъ какимъ образомъ состраданіе можетъ избѣжать заблужденій болѣе или менѣе мистическаго субъективизма и отразить нападеніе нечеловѣчнаго натурализма.

Теологи утверждаютъ, что Богъ любитъ самого себя безграничной любовью; должно имѣть какъ идеаль и законъ—любовь по чувству человѣчности. Жертвы, принесеніе которыхъ этотъ законъ предписываетъ, могутъ быть окончательными и, слѣдовательно, похвальными для отдѣльнаго индивидуума, но онѣ должны считаться временными для человѣческаго общества. Съ точки зрѣнія нравственности и для совѣсти отдѣльнаго индивидуума состраданіе есть не что иное, какъ преданность прогрессу справед-

ливости, какъ добровольное и желанное предвосхи-
щеніе людьми, находящимися въ лучшихъ условіяхъ,
высшаго идеала человѣческаго общенія, приближе-
ніе къ идеальному обществу, въ которомъ равно
исчезнутъ жертва и борьба, уступивъ мѣсто все-
общему братству.

СПБГУ

VI.

Шарль Жидъ.

Справедливость и милосердіе.

СПБГУ

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ своей годичной академической рѣчи о преміи Монтиона, Пьеръ Лотти привелъ слова апостола Павла: «Итакъ, теперь живы эти три добродѣтели: вѣра, надежда и милосердіе; но самая великая, это милосердіе». И онъ прибавилъ къ этому грустный комментарий, что изъ трехъ угодныхъ Богу добродѣтелей, вопреки ожиданіямъ, двѣ, вѣра и надежда, уже умерли, и что лишь относительно послѣдней, милосердія, апостолъ не ошибся: по крайней мѣрѣ она жива, и за нее мы еще можемъ ухватиться «нашими уставшими и обезсиленными руками».

Но такъ ли это? Дѣйствительно ли добродѣтель милосердія жива? Конечно, ораторъ не могъ сказать иначе, такъ какъ его задачей было произнести рѣчь относительно преміи за добродѣтель и возвеличить дѣла милосердія. Но въ глубинѣ души убѣжденъ ли онъ самъ въ справедливости своихъ словъ?

И если милосердіе—самая великая, по свидѣтельству апостола, изъ трехъ добродѣтелей, должна была пережить остальные, которымъ суждено погибнуть, (хотя бы потому, что вѣра и надежда естественно

должны исчезнуть съ того дня, когда мы возобладеемъ предметомъ нашей вѣры или нашей надежды), то не находится ли и само милосердіе на краю гибели?

Обсужденію, но, конечно, не рѣшенію этого именно вопроса, я и намѣренъ посвятить настоящую бесѣду.

И прежде всего замѣчу, что наиболѣе заинтересованныя лица—тѣ, которыя по своему положенію кажутся призванными къ тому, чтобы воспользоваться плодами разсматриваемой добродѣтели,—не желаютъ ея вовсе знать. Я не говорю, конечно, о тѣхъ нищихъ, которые на улицахъ и у дверей взываютъ о милостынѣ. Они-то цѣнятъ милосердіе, но ихъ мнѣніе насъ не интересуется, такъ какъ почти всѣ согласны теперь въ томъ, что какъ разъ эти люди менѣе всего его достойны! Я говорю не о профессиональныхъ нищихъ, а о всѣхъ тѣхъ, которые «находятся въ нуждѣ», о массѣ рабочаго населенія, которая вовсе не имѣетъ возможности существовать безъ посторонней помощи, безъ какого-нибудь, болѣе или менѣе замаскированнаго, покровительства. Эти люди не желаютъ милосердія; они его ненавидятъ, и даже одно напоминаніе о немъ раздражаетъ ихъ. Не милосердія, говорятъ они, мы желаемъ: мы хотимъ справедливости. На справедливости сходятся всѣ требованія неимущихъ классовъ; въ яркихъ краскахъ она изображается писателями, социалистами или социальными романистами, которые, правильно

или нѣтъ, считаютъ себя представителями низшихъ классовъ. Для примѣра укажемъ, какъ на одного изъ многихъ, хотя-бы на Бернара Лазара; въ своихъ «Факельщикахъ» онъ говоритъ: «Всѣ социальныя усилія направлены на то, чтобы организовать благотворительность, упорядочить милостыню, и эти усилія признаютъ необходимость нужды; они дѣлаютъ ее постоянной, воображая, что помогаютъ ей; они освобождаютъ отъ необходимости быть справедливымъ»... Также разсуждаютъ и члены рабочихъ союзовъ или кооперативныхъ обществъ: «Мы не желаемъ ни съ чьей стороны ни милосердія, ни поддержки!» И если временныя несчастья и несправедливость настоящихъ социальныхъ условій заставляютъ ихъ на время мириться съ милосердіемъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ надежды и желанія—столь отличныя отъ пророчества апостола—заключаются въ томъ, чтобы наступилъ день, когда милосердіе исчезнетъ и одна справедливость каждому отдастъ то, что ему слѣдуетъ.

Если мы теперь отъ тѣхъ, кто пользуется милосердіемъ, обратимся къ тѣмъ, кто его оказываетъ, къ филантропамъ, которые въ нѣкоторомъ родѣ дѣлаютъ изъ благотворительности профессію, то и здѣсь, увы!—мы найдемъ мало утѣшительнаго. Филантропы уже давно констатировали и не скрываютъ отъ насъ, что благотворительность, по крайней мѣрѣ, въ видѣ личной милостыни, не только не уменьшаетъ, но даже увеличиваетъ число бѣдныхъ

и, что еще хуже, превращает бѣдняковъ въ паразитовъ, эксплуататоровъ, профессиональных нищихъ, и что эти плачевные результаты прямо пропорціональны правильности, щедрости и интенсивности, съ какими оказывается милосердіе. Единственнымъ средствомъ спасенія является устраненіе личной благотворительности, слѣпой, существующей въ старой формѣ милостыни, и замѣщеніе ея благотворительными учрежденіями, «oeuvres», т.-е. организованной помощью, которой предшествуетъ разслѣдованіе, которое обусловливаетъ оказаніе пособія опредѣленными требованіями,—именно, работой и даже, если возможно, обязательной работой съ продолжительнымъ личнымъ задержаніемъ, въ достаточной степени строгимъ, чтобы къ нему нельзя было привыкнуть... Вотъ, къ чему приходятъ вездѣ, гдѣ филантропія стала наукой: странная эволюція, приводящая отъ благотворительности къ осужденію, къ принудительнымъ работамъ!

Милосердный, но просвѣщенный современный человѣкъ долженъ поступать слѣдующимъ образомъ. Ко мнѣ обращается нуждающійся. Я передаю его имя въ одно изъ справочныхъ бюро, специально для этой цѣли устроенныхъ, которое и производитъ разслѣдованіе. Для того, чтобы имѣть право на услуги бюро, я состою его абонентомъ (за 10 франковъ я имѣю право на двадцать справокъ). Если отвѣтъ благопріятенъ, я призываю несчастнаго и вытаскиваю изъ своего ящика цѣлый пакетъ марокъ раз-

личныхъ цвѣтовъ, стоящихъ отъ двухъ до десяти су каждая. Что вамъ угодно, любезный?—Бѣсъ? Вотъ марки Экономической кухни.—Спать? Вотъ марки ночлежнаго пріюта.—Работать? Вотъ марки дома трудолюбія, гдѣ въ теченіе дня вы будете колоть дрова и связывать пучки лучинокъ.—Найти «мѣсто»? Вотъ марки справочной конторы.

Замѣьте себѣ, что я отнюдь не думаю осмѣивать такой порядокъ. Всѣ подобныя благотворительныя учрежденія я нахожу превосходными, незамѣнимыми; и я самъ потрудился для созданія нѣкоторыхъ подобныхъ учрежденій. Но я просто констатирую, что этотъ совершенно новый способъ благотворенія вовсе не похожъ на старыя: теперь это благотворительность черезъ посредника. Мы занимаемся ею, какъ богатые классы второй Имперіи отбывали военную службу, т. е. посредствомъ замѣстителей. Что бы ни говорили, армія отъ этого не сдѣлалась хуже: буржуа, который замѣщалъ себя, исполнялъ всетаки свою обязанность по отношенію къ родинѣ, такъ какъ ставилъ вмѣсто себя замѣстителя, который, по общему правилу, являлся лучшимъ солдатомъ, чѣмъ онъ самъ, и во всякомъ случаѣ, очевидно, имѣлъ больше призванія къ военному дѣлу; и когда замѣстителя убивали вмѣсто него, что иногда случалось, онъ чувствовалъ себя... нравственно затронутымъ. Не то ли мы видимъ и въ современной благотворительности? Люди, которымъ я вмѣсто себя предоставляю благотвори-

тельствовать и которыхъ я снабжаю необходимыми для этого средствами, будутъ лучше благотворительствовать, чѣмъ я, именно потому, что это—ихъ ремесло. Это—мудрое приложеніе принципа раздѣленія труда; я вижу тутъ остроумный механизмъ. Но я не вижу эмоціи милосердія ни у того, кто покупаетъ книжки марокъ, какъ покупаются книжки съ чеками, ни даже въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя распредѣляютъ супъ, ночлегъ или работу черезъ посредство наемныхъ агентовъ. Во всякомъ случаѣ, современная благотворительность только очень отдаленно напоминаетъ благотворительность прежнихъ временъ, которая не жалѣла ни времени, ни труда, не боялась столкнуться лицомъ къ лицу съ нуждой, легко мирилась съ мыслью быть обманутой и даже охотно позволяла обманывать себя «ради Христа».

Наконецъ, для того, чтобы уяснить себѣ разсматриваемый вопросъ, обратимся еще къ ученымъ, т. е. экономистамъ и соціологамъ.

И у нихъ мы найдемъ мало утѣшительнаго. Безъ всякихъ цитатъ изъ Мальтуса или другихъ, для всѣхъ очевидно, что принципъ Self-help (самопомощи) существенно противоположенъ принципу общественной помощи, на которомъ покоится *благотворительность*.

Между тѣмъ, было бы несправедливо считать экономистовъ врагами благотворительности. Они допускаяютъ ее, но лишь подъ условіемъ, чтобы

она не выходила изъ своей области, т. е. изъ области чувства и свободнаго усмотрѣнія индивида. Не слѣдуетъ вводить ее ни въ область социальной и экономической науки, ни, тѣмъ болѣе, въ законодательство, ни, хотя бы даже въ скрытомъ видѣ, въ договорныя отношенія и институты. Она должна остаться безусловно свободной и индивидуальной.

Эту мысль, напримѣръ, высказываетъ очень категорически Г. Спенсеръ въ своей книгѣ о «Благотворительности».

«Благотворительность въ видѣ матеріальныхъ вспомоствованій, оказываемыхъ нуждающимся, имѣетъ наиболѣе счастливые результаты, когда она практикуется индивидуально... Какъ справедливость, она благословляетъ дающаго и получающаго лишь тогда, когда между благотворителемъ и благодѣльствуемымъ устанавливается прямое отношеніе».

Что касается меня, то я хотѣлъ бы присоединиться къ его мнѣнію. Но когда я вспоминаю, что филантропическія обзрѣнія и самъ г. Бело объявили, что благотворительность должна быть предпочтительно общественной, т.-е., безъ сомнѣнія, состоять въ разныхъ учрежденіяхъ, то я уже не знаю, на чью сторону стать. Одни заявляютъ, что благотворительность должна быть личнымъ, а не общественнымъ дѣломъ, другіе—наоборотъ... Боже! сколько предосторожностей и сколько недовѣрія!

При такихъ сомнѣніяхъ не благоразумнѣе ли не благотворить вовсе?

Изъ всего этого вытекаетъ ложное убѣжденіе, что милосердію, — по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ которой люди представляли себѣ его до настоящаго времени, именно въ формѣ милостыни, — осталось недолго жить.

Конечно, мы не присоединимся ко всѣмъ тѣмъ, кто издѣвается надъ милосердіемъ и кричитъ о его банкротствѣ. Нѣтъ, по-истинѣ, не безъ сожалѣнія я смотрю на исчезновеніе благороднаго проявленія милосердія путемъ милостыни, о которомъ, безъ сомнѣнія, можно сказать много дурного, но которое тѣмъ не менѣе представляетъ одну изъ прекраснѣйшихъ добродѣтелей, когда-либо сходявшихъ съ неба къ людямъ, о которой говорится въ «Легендѣ вѣковъ»:

Vétue de probité candide et de lin blanc ¹⁾.

и которая своими прекрасными руками, руками королевы, столько разъ подавала хлѣбъ обездоленнымъ.

Впрочемъ, съ нашей стороны было бы эгоистичнымъ желать, чтобы она существовала вѣчно, такъ какъ для этого пришлось бы также желать, чтобы всегда существовали бѣдняки; между тѣмъ, мы не можемъ желать, чтобы всегда были стра-

¹⁾ Облечена въ искреннюю правдивость и въ бѣлыя одежды.

данія, требуюція утѣшенія, только ради того, чтобы дѣлать благо нашимъ душамъ поддерживать въ насъ человѣколюбивыя чувства, при чемъ бѣдняки помогли бы намъ этимъ путемъ упражняться въ добродѣтели.

Правда, безпрестанно цитируютъ слова Христа: «Среди васъ всегда будутъ бѣдные!» Но, прежде всего, Христосъ сказалъ не совсѣмъ такъ. Онъ сказалъ: «Среди васъ всегда есть бѣдные». Кромѣ того, вполне достоверно, что среди насъ всегда будутъ бѣдные—въ томъ смыслѣ, что всегда будутъ существовать люди, не равные по силамъ и по способностямъ; и еще лучше, вѣчной истиной является то, что каждый изъ насъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ бѣденъ и не можетъ обойтись безъ посторонней помощи.

Тутъ какъ разъ мы увидимъ вновь появленіе милосердія въ новой формѣ, которой, думается мнѣ, предназначено быстро вырасти и завоевать весь экономическій міръ именно въ формѣ *взаимопомощи*, нагляднымъ, яснымъ примѣромъ которой служатъ общества взаимнаго вспоможенія, и въ которую входятъ также всѣ виды коопераціи. Здѣсь мы встрѣчаемся безспорно съ милосердіемъ и благотворительностью; такъ напримѣръ, въ обществѣ взаимопомощи здоровые, молодые, сильные члены, очевидно, меньше рискуютъ заболѣть, чѣмъ болѣзненные, слабые, пожилые люди, и соединяясь съ ними въ одно общество, гдѣ всѣ платятъ тотъ же

взносъ и соглашаясь на эту общность, очевидно, — говорю я, — сильные помогают слабымъ и платятъ за нихъ... И всякое общество, каково бы оно ни было (даже чисто промышленнаго характера), по необходимости имѣя неравныхъ членовъ и все же даруя имъ, по самому опредѣленію своему, равныя права, косвенно создаетъ взаимопомощь и, если понимать это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, видъ милосердія или, если хотите, солидарности, такъ какъ именно послѣдней, кажется, предназначено замѣнить первое.

Но, скажете вы, эта форма взаимопомощи, именно потому, что она взаимна, можетъ объединить только тѣхъ, кто въ состояніи что нибудь дать? Что касается тѣхъ, кто до такой степени бѣденъ, что не въ состояніи ничего платить, даже не въ состояніи пожертвовать неизбѣжнымъ оболкомъ, чтобы сдѣлать взносъ 1 франкъ въ мѣсяцъ для общества взаимопомощи, — на прим. больные, слѣпые, паралитики, — то гдѣ же здѣсь найти взаимность? Они не могутъ дать ничего и должны все получать: милосердіе, въ силу вещей, остается здѣсь одностороннимъ. — Можетъ быть! Самыя бесполезныя вещи въ этомъ мірѣ могутъ быть употреблены и употребляются все съ боляшей пользой, благодаря прогрессу науки. И если бы наша наука была совершенна, то во всемъ этомъ безпредѣльномъ мірѣ не существовало бы ни одной былинки, ни одной песчинки, даже самага маленькаго предмета, и даже ни одного мик-

роба, который не могъ бы имѣть какой-нибудь полезности и не могъ бы сдѣлать какого-нибудь добра. Въ томъ-то и заключается искусство милосердія, божественное искусство, чтобы найти скрытую добродѣтель во всѣхъ отбросахъ и отребьяхъ жизни, крупинку золота, изъ которой можно будетъ выбить хорошую монету, чтобы ею уплатить общественный взносъ. И, наконецъ, во всякомъ случаѣ существуетъ нѣчто, что самый несчастный могъ бы всегда дать: немного любви.

И если-бы дѣло было только въ этомъ, то это было бы уже совершенно достаточно, чтобы отнять у благотворительности унизительный характеръ милостыни и современнаго нищенства. Ибо, замѣьте, благотворительность по своей сущности и, сверхъ того, по своему этимологическому значенію, не имѣетъ никакого отношенія къ даренію суммы денегъ или даже къ помощи натурой. Въ словахъ св. Павла, цитированныхъ Лоти, греческое слово милосердіе (*χάρις*) — просто синонимъ слова любовь, что доказываетъ слова св. Павла въ этомъ же мѣстѣ: «Если я даже отдамъ все свое имущество бѣднымъ и не имѣю вовсе любви, я — ничто». А передачу всего своего имущества бѣднымъ теперь разумѣется, назвали бы милосердіемъ! Но это вовсе не христіанское милосердіе. Что же касается латинскаго слова *caritas*, то оно происходитъ отъ имени прилагательнаго *carus*, *cher* дорогой (лицо, которое намъ дорого), такъ что глаголь, который этимологически

точно соотвѣтствуетъ слову *charité*, будетъ *chérir*, любить.

Извините меня за эти филологическія скобки: онѣ болѣе поучительны, чѣмъ вы, можетъ быть, представляете себѣ. Напримѣръ, вообразите себѣ, что вы встрѣчаете нищаго, просящаго милостыню. Если-бы вмѣсто того, чтобы сказать *la charité pour l'amour de Dieu!*—(Подайте милостыню, ради Христа), онѣ сказалъ, просто замѣняя имя существительное глаголомъ: *Cherissez moi, pour l'amour de Dieu!* (Любите меня, ради Христа), вы бы, навѣрно, почувствовали легкій толчекъ, цѣлебный толчекъ, и монета, которую вы бы уже вынули изъ кармана, выпала бы изъ вашихъ рукъ. Эта простая постановка словъ показала бы вамъ еще лучше, чѣмъ Толстой въ своей удивительной книгѣ «Что дѣлать», что врученныя деньги ни въ чемъ не соотвѣтствуютъ тому представленію, которое мы должны составить себѣ о милосердіи. Оно требуетъ любви со стороны того кто его оказываетъ, и оно только тогда могущественно, когда вызываетъ любовь въ томъ, кто его принимаетъ.

Но я не хочу скрывать отъ васъ, что экономисты сильно протестуютъ противъ этого вторженія и ввѣдренія милосердія въ экономическій міръ. Они видятъ въ этомъ вредную путаницу.

Есть, говорятъ они, два различныхъ міра, которые и должны остаться различными.

Одинъ—это міръ справедливости: каждому свое,

каждый за себя; это—господство обязательства, договора, создающего обязательство, закона, который его санкционируетъ.

Это также міръ науки, именно потому, что справедливость заключаетъ въ себѣ количественныя понятія, интересы, полезности, которыя взвѣшиваются и мѣряются однѣ другими; и вотъ почему вѣсы являются отличительнымъ знакомъ справедливости.

Кругъ дѣйствія милосердія, напротивъ, находится за предѣлами всякой науки: это міръ чувства; каждый можетъ дѣлать въ этомъ отношеніи, что захочетъ: здѣсь нѣтъ ни правилъ, ни законовъ, ни формулъ, ни размышленій. Милосердіе не носитъ, въ качествѣ эмблемы, ни линейки, ни вѣсовъ, и, если у него есть отличительный знакъ, то онъ можетъ быть лишь тотъ же, что и у Любви, а именно какъ вы знаете, повязка на глазахъ.

Тутъ—не только два различныхъ міра, но еще и два противорѣчащихъ принципа. Дѣйствительно, «основной принципъ общественной коопераціи, говоритъ Гербертъ Спенсеръ¹⁾, требуетъ, чтобы каждый индивидъ получалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ истинный эквивалентъ своихъ услугъ». Вотъ—справедливость. Каждый по мѣрѣ своихъ силъ старается создать свое счастье, такъ какъ никто не обязанъ создавать чужое счастье. Значить—то, что называютъ милосердіемъ, есть, наоборотъ, утверженіе,

---

1) «О благотворительности».

что слабый, бѣдный, дряхлый, неспособный къ работѣ, тотъ, кто или мало или вовсе не оказываетъ никакихъ услугъ, долженъ получать соответственно своимъ потребностямъ, не подвергаясь упрекамъ въ бесполезности. Это, какъ говорится въ Евангельской притчѣ, рабочіе одиннадцатаго часа, получающіе то же вознагражденіе, что и рабочіе перваго часа. Даже этотъ самый примѣръ былъ взятъ въ статьѣ, появившейся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ «Journal des Economistes» (Журналъ экономистовъ) какъ разъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, которое мы выбрали: «Справедливость и милосердіе»¹⁾, въ которой авторъ противопоставляетъ эти два принципа одинъ другому. Рабочіе перваго часа вознаграждены хозяиномъ по справедливости, говоритъ онъ, такъ какъ имъ уплачено по условленной цѣнѣ; рабочіе одиннадцатаго часа вознаграждены хозяиномъ по милосердію, quia bonus (такъ какъ онъ благъ).

И бѣда обществу, если рѣшаются смѣшать оба эти міра, какъ это дѣлаютъ, когда вводятъ милосердіе въ законъ, создавая на деньги плательщиковъ податей убѣжища для престарѣлыхъ или возлагая на предпринимателя допущеніе обязательнаго участія въ прибыляхъ его рабочихъ, или заставляя его платить рабочимъ въ видѣ заработной платы нѣсколько больше, чѣмъ стоитъ ихъ работа, или страховать ихъ даромъ на случай болѣзни посредствомъ

---

¹⁾ № отъ 15 авг. 1898, соч. г. Амбона.

всевозможныхъ учреждений взаимопомощи и т. п. Связывая судьбу способныхъ съ судьбой неспособныхъ, достигаютъ только того результата, что ослабляютъ первыхъ, не подымая послѣднихъ.

Итакъ мы встрѣчаемъ здѣсь, въ ученіи экономистовъ, то же самое разграниченіе, что и въ утвержденіяхъ социалистовъ—постоянно то же самое противоположеніе справедливости и милосердія. Обществу нужно дать справедливость, а не милосердіе, говорятъ также и социалисты.

Однако, несмотря на это единодушное согласіе умовъ, обыкновенно столь плохо понимающихъ другъ друга, я думаю, что этого различія, этой границы, этой перегородки, которую стараются поставить между справедливостью и милосердіемъ, вовсе не существуетъ.

Возьмемъ какой-угодно договоръ, договоръ купли или договоръ найма. Замѣтите, что въ суммѣ всѣ отношенія между людьми, живущими въ общественномъ состояніи или, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ обществахъ, пользующихся гражданской свободой, сводятся къ договорамъ. Я говорю не о нотаріальныхъ или даже простыхъ письменныхъ договорахъ; я говорю о мѣнѣ, полюбовныхъ сдѣлкахъ, соглашенияхъ. И вотъ именно здѣсь также и экономистамъ слѣдуетъ искать истинную почву для справедливости.

Что же: въ какомъ случаѣ говорятъ они, что договоръ *правиленъ*, что *цѣна правильна*?

Всегда, когда есть *эквивалентность*, т.-е. когда каждый извлечъ изъ обмѣна цѣнность, равную цѣнности вещи или услуги, которую онъ въ него внесъ: каждому свое, *Suum cuique*. Этимъ вовсе не говорится, что каждый сохранить и получить обратно ту самую вещь, которую онъ отдалъ, потому что это безсмысленное заключеніе было бы простымъ отрицаніемъ обмѣна, всякаго раздѣленія труда и самой общественной жизни,—но каждый долженъ получить стоимость его вещи или труда. Но что опредѣляетъ эту стоимость? Совокупность довольно сложныхъ причинъ, которыя, однако, экономисты давно уже формулировали въ законѣ спроса и предложенія и которыя они теперь скорѣе выражаютъ въ формулѣ «степени конечной пользы». Удовлетворимся первой. Такимъ образомъ, говорятъ, заработная плата правильна, когда рабочій можетъ продать свой трудъ за столько, сколько онъ стоитъ т.-е. по цѣнѣ, установленной на рынкѣ закономъ предложенія и спроса,—скажемъ: за 5 франковъ. Когда человѣколюбивый хозяинъ даетъ ему больше—скажемъ: 6 франковъ,—въ такомъ случаѣ хозяинъ благотворитъ ему. Если, напротивъ, человѣколюбивый рабочій согласится получать только 4 франка, то въ такомъ случаѣ онъ окажется благотворящимъ своему хозяину. Словомъ, когда кто-нибудь получаетъ на одинъ атомъ больше, чѣмъ стоитъ вещь, которую онъ даетъ, или даетъ на одинъ атомъ больше, чѣмъ стоитъ вещь, которую онъ получаетъ,

то онъ получаетъ или оказываетъ благодѣяніе. Вотъ демаркаціонная линія, точно проведенная между тѣмъ, что относится къ кругу дѣйствія справедливости и тѣмъ, что относится къ милосердію. Если мы вовсе не хотимъ обращать на это вниманія, то это зависитъ отъ насъ; но мы по крайней мѣрѣ будемъ знать, что мы дѣлаемъ и что, переходя за мысленную линію, мы оказываемся за предѣлами политической экономіи.

Первая мысль, приходящая на умъ, та, что здѣсь область вовсе не какой бы то ни было справедливости,—по крайней мѣрѣ, не той, которую юристы римскіе и всѣхъ другихъ временъ опредѣляютъ, какъ «твердую волю воздать каждому свое». Все, что я вижу здѣсь—это механизмъ, служащій для записи дѣйствія естественнаго закона спроса и предложенія, который совсѣмъ не нравствененъ, именно потому, что естествененъ и также безразличенъ ко всякому предразсудку справедливости, какъ солнце, которое, согласно слову св. Писанія, восходитъ равно надъ добрыми и надъ злыми, или какъ сила тяжести.—Особенно—какъ сила тяжести: это сравненіе очень кстати здѣсь, такъ какъ справедливость получаетъ постоянно въ качествѣ отличительнаго признака вѣсы. Но когда о вѣсахъ говорить, что они правильны, ясно, что это выраженіе не имѣетъ того же смысла, какъ, когда говорятъ про судью, что онъ «справедливъ»: вѣсы только инструментъ, который не создаетъ тяжести, а огра-

ничивается тѣмъ, что показываетъ, что двѣ тяжести равны. Итакъ, обмѣнъ, это по истинѣ—только вѣсы, которые показываютъ, что двѣ цѣнности равны, и ничего больше. Когда говорятъ, что цѣна правильна то этимъ хотятъ выразить не больше, чѣмъ когда говорятъ, что результатъ сложения правиленъ. Истинный терминъ, который сдѣдовало бы употребить, это: не *правильная цѣна*, а *необходимая цѣна*.

Возьмемъ нѣсколько общеизвѣстныхъ примѣровъ. Вотъ—сдѣлка между Исавомъ и Иаковомъ. Исавъ продаетъ свое право старшинства за чечевичную похлебку. Справедливъ ли договоръ? Экономистъ долженъ утверждать это. Не говорите, что право старшинства стѣитъ *больше*, чѣмъ чечевичная похлебка, ибо что вы объ этомъ знаете? Не таково было, во всякомъ случаѣ, мнѣніе Исава, такъ какъ онъ согласился и былъ несомнѣнно лучшимъ судьей своихъ интересовъ и своего аппетита, чѣмъ вы. Онъ говорить это самъ: «Вотъ я умру отъ усталости и голода, для чего мнѣ можетъ послужить мое право старшинства?» И особенно не говорите: «Да, но Иаковъ, какъ хорошій братъ, долженъ былъ обратить вниманіе именно на тотъ фактъ, что его братъ голоденъ и не обѣдалъ и не злоупотреблять положеніемъ»... Не говорите потому, что вы самымъ роковымъ образомъ смѣшаете милосердіе или братство со справедливостью. Еслибы каждый разъ при заключеніи сдѣлки пришлось спрашивать, не проголодалась ли и не устала ли другая сто-

рона, не осталась ли она случайно безъ обѣда, или даже если бы пришлось спрашивать, не вашъ ли это братъ—о, тогда бы мы вышли совершенно изъ круга дѣйствія права и политической экономіи, тогда не только не осталось бы болѣе средства вести дѣла, но, что еще гораздо тяжелѣе, мы занимались бы уже не наукой, а только, какъ говорить мой выдающійся лозаннскій коллега г. Парето, «кашицей для кошекъ.» ¹⁾

Другой примѣръ: еврей Шейлокъ (я прошу васъ не принимать меня за антисемита,—мысль, на которую васъ могъ бы навести этотъ рядъ примѣровъ) вошелъ въ сдѣлку съ венеціанскимъ купцомъ, что онъ ему одолжитъ нѣкоторое количество цехиновъ и что, если купецъ не будетъ въ состояніи заплатить ихъ къ сроку, онъ отдастъ взамѣнъ денегъ фунтъ своего мяса. И, такъ какъ этотъ случай и представляется, Шейлокъ требуетъ свой долгъ: онъ требуетъ его во имя закона, во имя справедливости. Что вы можете сказать? Что сто золотыхъ цехиновъ не стоятъ фунта живого человѣческаго мяса? Что вы объ этомъ знаете? Но, вѣдь, обѣ стороны свободно оцѣнили его въ эту сумму. Что гуманность возмущается противъ подобнаго договора?.. Но, извините, мы опять начнемъ смѣшивать вещи! Здѣсь дѣло идетъ не о гуманности. Послушайте Шейлока: онъ говоритъ очень хорошо: «Фунтъ мяса, который я требую, я купилъ за дорогую цѣну; онъ мой и

1) «Солидарность». „Journal des Economistes“. 1897.

я хочу его получить *cuique suum*). Если вы мнѣ откажете въ немъ, то право Венеціи безсильно: я взываю къ закону!» Впрочемъ Шекспиръ не выдумалъ этого договора: законъ XII таблицъ санкціонировалъ это прибавочное условіе въ извѣстномъ текстѣ, который позволялъ кредиторамъ разрубить должника на части: *in partes secanto*. И вы знаете, что Порція, переодѣтая судьей, принуждена была прибѣгнуть къ тому, что Герингъ справедливо называетъ жалкой хитростью, — чтобы обманнымъ путемъ отнять у него право. Она позволяетъ Шейлоку осуществить его право подъ двойнымъ условіемъ: 1) что онъ вырѣжетъ ровно фунтъ, ни на миллиграммъ не больше и не меньше; 2) что онъ не пролетѣтъ ни капли крови, такъ какъ кровь не заключалась въ прибавочномъ условіи. Между тѣмъ, если-бы Шейлокъ зналъ лучше свои тексты или имѣлъ лучшаго адвоката, онъ бы могъ очень легко опровергнуть хитрую увертку судьи, ибо уже цитированный текстъ закона XII таблицъ предвидитъ въ точности затрудненіе: «Даже если-бы они» говорить онъ «вырѣзали изъ должника немного больше или немного меньше, они не должны были бы за это отвѣчать. *Si plus minusve secuerint, sine fraude esto!*»¹⁾

Желаете-ли вы вмѣсто примѣровъ, заимствованныхъ изъ доисторическаго времени или изъ об-

---

¹⁾ Таково мнѣніе знаменитаго юриста Геринга въ его сочиненіи «Борьба за право».

ласти фантазіи, ссылки на примѣры болѣе современные?

Въ Парижѣ существуютъ знаменитые хирурги; среди нихъ былъ одинъ, имя котораго хорошо извѣстно всѣмъ, но котораго я, конечно, не назову (онъ уже умеръ). Этотъ хирургъ, призываемый для операций къ постели больного, изслѣдовавъ его, обыкновенно говорилъ: «Операция будетъ стоить 10.000 франковъ». Иногда даже, установивъ цѣну, онъ замѣчалъ, что операция болѣе затруднительна, чѣмъ онъ думалъ въ самомъ началѣ и объявлялъ, что она обойдется вдвое дороже. Иногда даже онъ увеличивалъ свой тарифъ, уже вскрывши брюшную полость больного. И замѣтите, что онъ требовалъ уплаты впередъ. Если семья указывала ему на то, что у нея нѣтъ подъ рукой пачки банковыхъ билетовъ, онъ говорилъ: «Это не бѣда!» и, пока— что, зашивалъ пациента, объявляя, что онъ закончитъ операцию только тогда, когда будетъ произведенъ платежъ.

Я вполне согласенъ съ тѣмъ, что этотъ врачъ-рѣзникъ былъ низкой личностью, хотя и сильно прославившейся и награжденной орденами; но я хотѣлъ бы знать: въ чемъ могутъ его упрекнуть экономисты? Онъ давалъ вполне цѣнность за цѣнность; онъ былъ очень искуснымъ операторомъ, и, въ концѣ концовъ, услуга, состоящая въ спасеніи вашей жизни, можетъ вполне стоить 10 или 20 тысячъ франковъ и даже всѣхъ денегъ, которыми

вы обладаете. Къ тому же онъ не навязывалъ своихъ услугъ и въ конкуренціи не было недостатка: каждый былъ воленъ обратиться къ кому-нибудь другому... Да, но, скажете вы, искусный врачъ или хирургъ не долженъ даже изъ богатаго пациента, а тѣмъ болѣе изъ бѣдняка стараться извлечь максимальную пользу за свои услуги, за свои знанія; онъ долженъ выказывать извѣстное великодушіе... А! вотъ вы опять пришли къ тому же, какъ я предупреждалъ васъ.

Не говорите же мнѣ теперь, что выбранные мною примѣры не серьезны! Они исключительны, символичны, если хотите; но вы чувствуете хорошо, что подъ эти символы вы можете подвести всѣ факты, заимствованные изъ повседневной жизни. Въ общемъ, эти примѣры— только крайніе случаи неравенства между контрагентами,—значить, неравенство между договаривающимися не исключеніе, оно—правило. И если вы хотите ввести въ эти случаи, по исключенію, милосердіе, то остерегайтесь, ибо всѣ сдѣлки окажутся опороченными! Безчисленны сдѣлки между Іаковами, которые хорошо пообѣдали, и Исавами, которымъ вечеромъ нечего ѣсть! Безчисленны также сдѣлки, въ которыхъ то, что одинъ уступаетъ, имѣетъ для него относительно мало значенія, не большую цѣнность, чѣмъ дымъ сигары, а то, что уступаетъ другой, стоитъ ему дня жизни, куска его собственнаго мяса! Безчисленны также тѣ сдѣлки, въ которыхъ одинъ является

паціентомъ, а другой держитъ пожь надъ его горломъ!

Впрочемъ, если мы допустимъ старый принципъ справедливости: „каждому свое“ или его необходимое слѣдствіе: „каждому точную цѣнность, эквивалентъ его взноса или оказанной имъ услуги!“, если мы допустимъ принципъ: *do, ut des* („Я даю, чтобы и ты далъ“), то нѣтъ никакого средства, чтобы избѣжать его слѣдствій, кажущихся столь возмутительными.

Почему они вамъ кажутся возмутительными? Потому что это — справедливость безъ милосердія. И суровые римскіе юристы поняли это очень хорошо, когда они формулировали положеніе: *Summum jus, summa injuria* („высшее право — высшая несправедливость“).

Вотъ почему многіе теперь думаютъ, что опредѣленіе правильной цѣны у экономистовъ, это строгое опредѣленіе, не можетъ уже удовлетворить, и что правильная цѣна заключаетъ уже не только равенство цѣнностей, но еще кое-что, принятіе во вниманіе положенія сторонъ, ихъ потребностей, ихъ доброй воли, усилій, которыя ими сдѣланы.

Такимъ образомъ, современная католическая школа, воскрешая ученіе св. Тома Аквинскаго, признаетъ за правильную цѣну только ту, которая обезпечиваетъ рабочему все необходимое для его существованія и даже извѣстное общественное положеніе. Такъ, члены рабочихъ союзовъ въ Англии

требуютъ „fair wage“ (законной заработной платы) или „living wage“ (заработной платы, удовлетворяющей потребностямъ существованія), т. е. работа, который позволилъ бы человѣку вести человеческую жизнь. Значить, во всѣхъ этихъ случаяхъ, если хозяинъ долженъ, такимъ образомъ, дать больше, чѣмъ рыночную цѣнность труда рабочаго, онъ оказываетъ поддержку, онъ благотворить. И замѣтите, что члены рабочихъ союзовъ не допускаютъ просто, — и даже въ этомъ лежитъ одна изъ характерныхъ чертъ ихъ политики, — чтобы каждый рабочій старался заработать по своимъ силамъ и способностямъ: напротивъ, они запрещаютъ сильному проявлять максимумъ своей работо-способности и извлекать изъ нея максимумъ цѣнности, чтобы оставить мѣсто и для менѣе искуснаго или менѣе счастливаго товарища. Но это уже — чистое братство.

Но въ особенности, когда мы проникаемъ въ относительно новую область коопераціи, начало милосердія начинаетъ проявляться во всѣхъ сдѣлкахъ и заставляетъ трещать по всѣмъ швамъ застарѣлую желѣзную броню справедливости.

Я уже приводилъ примѣръ общества взаимопомощи и не буду возвращаться къ нему. Но вотъ еще одинъ, гораздо болѣе разительный примѣръ — въ ассоціаціяхъ сельскаго кредита, которыя называются Раффейзеновскими банками, и въ которыхъ мы видимъ, какъ бѣдные люди, сельскіе рабочіе,

мелкіе собственники—крестьяне безъ денегъ получаютъ одинаково ссуды и кредитъ, благодаря обязательству, которое они принимаютъ сообща и по которому они отвѣчаютъ одни за другихъ. Очевидно, что именно честность, довѣріе къ добрымъ, сильнымъ работникамъ служить обезпеченіемъ для другихъ и позволяетъ имъ найти кредитъ. Тутъ сильные тоже отвѣчаютъ за слабыхъ. Развѣ это справедливость?.. Во всякомъ случаѣ это—не та справедливость, которая имѣетъ девизы: «каждому свое», «каждый за себя», не та справедливость, которая стоитъ во главѣ борьбы за существованіе и оставляетъ каждому отвѣтственность за его дѣйствія и его участь; это—солидарность, это—служеніе сильныхъ слабымъ.

Вотъ кооперативное общество въ собственномъ смыслѣ, будь оно потребительное или производственное. Однимъ изъ его основныхъ правилъ, безъ котораго по правдѣ сказать, оно теряетъ свой кооперативный характеръ, является то, чтобы ряды его членовъ оставались постоянно открытыми и чтобы каждый новый участникъ могъ войти въ него на тѣхъ же условіяхъ, какъ и соединившіеся вначалѣ, учредители. Я не знаю, чувствуете ли вы, сколько тутъ изъ ряда вонъ выходящаго, скажемъ даже несправедливаго, съ точки зрѣнія справедливости въ собственномъ смыслѣ этого слова, принципа *Suum cuique*. Вотъ съ одной стороны люди, которые основали кооперативное предпріятіе, которые

втеченіе ряда лѣтъ, можетъ быть, ряды поколѣній вкладывали въ него не только свои деньги, но и свой трудъ, свое время, свое сердце, свою жизнь, которые храбро выносили всѣ плоскія шутки. И затѣмъ вотъ—другіе, быть можетъ, тѣ самые, которые не пожелали присоединиться къ первымъ, можетъ быть, тѣ самые, которые ихъ высмѣивали и бросали въ нихъ камнемъ и которые убѣдившись, что предпріятіе процвѣтаетъ, что прибыли реализованы, теперь являются и говорятъ: Вотъ и мы! мы держались въ сторонѣ во время посѣва, но пришли дѣлиться жатвой; примите насъ! И ихъ дѣйствительно принимаютъ, и они заплатятъ за входъ не болѣе и не менѣе, чѣмъ вступившіе съ самага начала. Это—притча изъ Евангелія, о которой я уже говорилъ, которую «Journal des Economistes» противопоставлялъ понятію «истиннаго экономическаго договора», которая здѣсь оказывается вполне осуществленной: работники одиннадцатаго часа получаютъ ровно столько же, какъ и работники перваго часа!

Въ этихъ же самыхъ обществахъ администраторы, буржуа или рабочіе отдають все свое время или часть его общественному дѣлу и, притомъ, бесплатно или за очень умѣренное вознагражденіе. Напр. г. М., управляющій магазиномъ такого общества въ Манчестерѣ, или N. въ Глазго, получая жалованье въ 150 фунтовъ стерлинговъ (3,750 франковъ или 1425 рублей), руководятъ предпріятіями,

имѣющими одно 300 милліоновъ, а другое 100 милліоновъ франковъ годоваго оборота. Если бы эти лица захотѣли оставить нынѣшнюю службу, то имъ послѣшили бы предложить въ десять разъ большее жалованье въ какомъ угодно крупномъ дѣлѣ. Къ нимъ принципъ справедливости не примѣнимъ: между оказанной услугой и вознагражденіемъ за нее нѣтъ соотвѣтствія; они даютъ гораздо болѣе, въ десять разъ больше, чѣмъ получаютъ. Оказываютъ ли они благодѣяніе своимъ сотоварищамъ? Вѣроятно, они первые протестовали бы противъ такого мнѣнія, и члены общества въ свою очередь заявили бы, что они смотрятъ на это иначе притомъ потому, что и тѣ, и другіе понимаютъ благотворительность въ узкомъ смыслѣ, въ формѣ милостыни. А они, дѣйствительно, не даютъ милостыни. Но если быть милосерднымъ значить какъ мы опредѣлили, *давать больше, чѣмъ получать*, давать добровольно, по влеченію сердца, если это равносильно осуществленію евангельскаго завѣта: «кто между вами хочетъ быть большимъ, да будетъ вамъ слугою», тогда нѣтъ сомнѣнія, что одни оказываютъ, а другіе получаютъ благодѣяніе! Каждый даетъ *больше*, чѣмъ онъ получаетъ и даже больше, чѣмъ онъ ожидаетъ получить отъ остальныхъ.

Подобныя общества взаимопомощи избираютъ теперь своей эмблемой не древнее изображеніе вѣсовъ, а другое, которое можно видѣть на всѣхъ ихъ бумагахъ: двѣ соединенныя руки съ слѣду-

ющимъ девизомъ. «Каждый за всѣхъ, всѣ за каждаго!» Вѣсы и «каждый за себя», вотъ справедливость! Двѣ соединенныя руки и «каждый за всѣхъ», вотъ милосердіе! Такимъ образомъ, оно уже не исключено изъ сдѣлокъ, оно кладетъ на нихъ свой отпечатокъ, оно влагаетъ въ нихъ недостававшее имъ сердце ¹⁾).

Мысль, которую я хотѣлъ доказать предыдущими нѣсколько не систематичными соображеніями, та, что справедливость не можетъ быть ограничена какой-либо формулой, что она развивается и расширяется.

Это станетъ еще яснѣе, если мы прослѣдимъ эволюцію идеи справедливости, начиная съ дикихъ племенъ. Тутъ справедливость понимается гораздо строже чѣмъ впоследствии: она состоитъ въ вещественномъ равенствѣ, т. е. равенствѣ вѣсовъ, объемовъ или размѣровъ обмѣнныхъ предметовъ. Напримѣръ, негръ дастъ и приметъ вѣсъ за вѣсъ золотого песку взамиѣнъ стеклянныхъ издѣлій и найдетъ это совершенно справедливымъ. На территорияхъ Гудзонова залива когда-то торговля состояла

---

¹⁾ И великій теоретикъ, сторонникъ строгой справедливости, Гербертъ Спенсеръ категорически признаетъ это: «Можно представить себѣ общество людей, которые щепетильно соблюдаютъ свои договоры и которые не достигаютъ той болѣе возвышенной ступени жизни, которая возможна лишь постольку, поскольку мы оказываемъ другъ другу безвозмездныя услуги... Граница эволюціи поведения не достигнута, пока,—не удовлетворившись тѣмъ, что мы несовершеннаемъ какой-нибудь, съ точки зрѣнія остальныхъ, прямой или косвенной несправедливости,—мы не будемъ способны къ добровольной работѣ для благосостоянія остальныхъ. (Благотворительность).

предпочтительно въ обмѣнѣ мѣховъ на ружья, и мѣна происходила слѣдующимъ образомъ: охотникъ ставилъ на землю ружье, которое хотѣлъ уступить, а краснокожій накладывалъ въ кучу свои мѣха, пока куча не достигла высоты дула. Въ этотъ моментъ равенство было достигнуто и обмѣнъ совершенъ. Слѣдствіемъ этого явилась привычка охотниковъ названной мѣстности принорочить все болѣе и болѣе длинныя ружья съ единственной цѣлью увеличить выгоды обмѣна,—привычка настолько сильная, что еще теперь тамъ пользуются огромными винтовками, выше человѣческаго роста. Несчастный краснокожій находилъ, что это *справедливая цѣна* и вѣроятно если бы какой-нибудь охотникъ, пожалѣвъ его, остановилъ накладываніе мѣховъ прежде, чѣмъ высота кучи дошла до требуемой высоты, сказавъ: «этого довольно»!, бѣднягъ подумалъ бы, что бѣлый добрый и *милосердный* человѣкъ, который требуетъ меньше, чѣмъ ему слѣдуетъ!

Что-же! эта грубая форма равенства въ обмѣнѣ была замѣнена другимъ равенствомъ, равенствомъ цѣнностей, равноцѣнностью; взвѣшиваніе или смѣриваніе, которое происходило при мѣнѣ, получило уже не вещественный, а отвлеченный характеръ. Это несомнѣнно прогрессъ, но все же теперь находятъ, что это равенство еще слишкомъ грубо, безнравственно; стремятся замѣнить равноцѣнность какимъ-нибудь инымъ способомъ оцѣнки, который

отвѣчалъ бы болѣе высокой идеѣ справедливости. Такъ напримѣръ, пытались установить равенство между количествомъ работы, числомъ рабочихъ часовъ, издержками производства; или дѣйствуютъ еще рѣшительнѣе, стараясь совсѣмъ уничтожить существующій способъ оцѣнки человѣческихъ услугъ, называемый обмѣномъ, продажей, заработной платой, и замѣнить его системой сотрудничества и сообщества, при которой доля каждаго будетъ устанавливаться не закономъ спроса и предложенія или торгомъ, но путемъ серьезнаго обсужденія. Справедливость обмѣнная, какъ ее называютъ, уступить мѣсто справедливости распредѣлительной, эмблема которой не слѣпые вѣсы, а пальмовая вѣтвь, присуждаемая въ награду достойнѣйшему.

Наконецъ, я приведу еще въ видѣ примѣра эволюцію справедливости въ другой области—наказуемости. Сначала грубая справедливость тутъ состоитъ также въ матеріальномъ равенствѣ; называясь *талиономъ*, «око за око, зубъ за зубъ». Затѣмъ это понятіе очищается. Больше не стремятся къ матеріальному уравненію преступленія и наказанія, стараются установить ихъ равноцѣнность на другихъ основаніяхъ: ударъ ножомъ стоитъ трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія... Почему? Затѣмъ дѣлаютъ еще шагъ далѣе: идеаль справедливости, равной для всѣхъ и не принимающей во вниманіе личности, въ свою очередь стирается и замѣняется новой теоріей. Это—теорія *индивидуализаціи на-*

казанія; тутъ вмѣсто того, чтобы облагать одно и то же преступленіе однимъ и тѣмъ же наказаніемъ, принимаютъ въ соображеніе личность преступника, стараются взвѣсить степень ответственности каждаго; примѣняютъ напримѣръ, законъ объ условномъ осужденіи, т. е. отмѣняютъ наказаніе (хотя подъ извѣстными условіями) для совершившаго проступокъ въ первый и, какъ надѣются, въ послѣдній разъ.

Итакъ, спрашиваю я васъ, не имѣеть ли эта новая справедливость, отеческая, милостивая, взвѣшивающая добрыя намѣренія, гораздо болѣе сродства съ милосердіемъ, чѣмъ со справедливостью прошлыхъ вѣковъ, съ римскою справедливостью, эмблемой которой были топоръ и связка розогъ, или со средневѣковой справедливостью, размахивавшей раскаленными клещами? Если такова эволюція уголовной справедливости, то почему дѣло должно обстоять иначе съ справедливостью экономической? И почему ей бы тоже не перейти отъ строго обменной справедливости (*Do, ut des*), которая, какъ сказалъ Прудонъ, есть тотъ же «таліонъ» — къ справедливости индивидуальной, личной?

Такимъ образомъ, во всѣхъ областяхъ эволюція показываетъ намъ, дѣйствительно, два міра: міръ справедливости и міръ милосердія; но она показываетъ намъ также, какъ кругъ дѣйствія справедливости безпрестанно расширяется и мало по малу подходитъ къ милосердію. Представьте себѣ два концен-

трическихъ круга, общимъ центромъ которыхъ будетъ эгоизмъ; внутренній кругъ можно назвать кругомъ справедливости, ви́шній—кругомъ милосердія. Первый постоянно расширяется и поглощаетъ ви́шній кругъ милосердія, которое однако ничего не теряетъ въ объемѣ, такъ какъ все утраченное возмѣщается дальнѣйшимъ распространеніемъ по направленію къ безконечнымъ, но еще не занятымъ областямъ, къ пустынямъ любви.—Какъ напримѣръ можно указать хотя-бы на модную область состраданія къ животнымъ.

Это сравненіе не совсѣмъ точно передаетъ мою мысль. Оно какъ будто отводитъ справедливости дѣятельную роль побѣдителя, тогда какъ, напротивъ, послѣдняя представляетъ собою только мертвый, кристаллизованный элементъ. Да, каждое правило справедливости—красивый кристалль съ геометрическими формами, (вотъ почему она и даетъ матеріалъ для точной и формальной науки), и лишь мало по малу кристаллы растутъ въ омывающей ихъ водѣ—матери: ихъ питаетъ милосердіе.

И Лоти, и въ особенности св. Павелъ высказали истину: въ концѣ концовъ остается милосердіе. Общественныя науки могутъ сколько угодно пренебрегать имъ; это не помѣшаетъ тому, что онѣ будутъ все болѣе и болѣе зависѣть отъ него.

Можетъ только случиться, что милосердія не будутъ ясно различать потому что, принятое всѣми, оно будетъ называться закономъ.

VII.

Л. Бруншвиγγъ.

Радости жизни, какъ основа морали.

СП6ГУ

Мы въ радости ищемъ начало моральной жизни, потому что не можемъ примириться съ мыслью, что законъ нравственности можетъ быть предметомъ страха. Страхъ связанъ съ идеей зла и все, что дѣлается изъ чувства страха, совершается помимо желанія, противъ воли. Сверхъ того, по дѣйствию, въ которое мы не вкладываемъ всей своей души, которое не захватываетъ насъ всецѣло, нельзя судить о нашемъ истинномъ достоинствѣ. Но, признавая радость началомъ моральной жизни, не отказываемся ли мы тѣмъ самымъ установить общій принципъ морали?

Радость существуетъ только для той личности, которая ее испытываетъ, только въ тотъ моментъ и въ такой мѣрѣ, когда и какъ она этимъ лицомъ испытывается. И нѣтъ такой отвлеченной науки, которая могла бы замѣнить наше сознаніе и заставить насъ быть радостными или печальными. Итакъ, нѣтъ такого авторитета, который, опираясь на основаніе радости, могъ бы предписывать людямъ одинаковый образъ дѣйствій. Въ этомъ смыслѣ въ обществѣ будетъ существовать анархія, и не только въ обществѣ, но и въ насъ самихъ, потому что (это

несомнѣнный фактъ), наши радости—не въ нашей власти, какъ осязаемые вещественные предметы, которые можно покинуть на нѣкоторое время и потомъ снова найти нетронутыми. То, что доставляло намъ удовольствіе, перестаетъ намъ его доставлять въ силу своей продолжительности или повторяемости. Въ извѣстные моменты мы сами себя не узнаемъ, до такой степени обманчивыми являются наши предположенія, выводимыя нами изъ прежняго опыта. То, отъ чего мы ожидали удовольствія, повергаетъ насъ въ состояніе равнодушія или скуки. Постепенно или внезапно мы отдаляемся отъ нашихъ собственныхъ радостей и чувствуемъ себя чуждыми самымъ пылкимъ нашимъ желаніямъ.

Такимъ образомъ въ измѣнчивости нашего внутренняго бытія, въ непрерывности нашихъ превращеній, мы ускользаемъ отъ самихъ себя; и до тѣхъ поръ, пока мы предоставляемъ себя природѣ, у насъ нѣтъ такой радости, на которую мы могли бы положиться. Мы не можемъ обезпечить ее заранѣе и съ полною увѣренностью наслаждаться ею.

Нравственность, основанная на принципѣ радости, подвергаетъ насъ двойной опасности: анархіи общественной и анархіи индивидуальной. Сознаніе этой опасности приводитъ человѣка къ моральному размышленію. Мы ставимъ себѣ нравственную задачу, когда отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что съ теченіемъ времени наша воспріимчивость мѣняется, когда мы предвидимъ то, чѣмъ сдѣлаемся впоследствии, и

когда мы стараемся устроить нашу жизнь сообразно съ этимъ будущимъ. Тогда-то мы понимаемъ, что наши дѣйствія отзываются одно на другомъ, что они солидарны и что наши радости и скорби зависятъ отъ этой солидарности. Если мы попадаемъ въ первый разъ въ симфоническій концертъ, мы можемъ не найти никакого удовольствія въ строгой и серьезной музыкѣ. И точно-также, не умѣя играть въ карты, мы не поймемъ того развлечения, которое люди находятъ въ этой игрѣ, и будемъ испытывать опять таки ощущеніе равнодушія или скуки. Какова-бы ни была природа вещей, будь это самыя возвышенныя дѣйствія или самыя грубыя развлечения, наслажденіе зависитъ отъ склонностей личности, отъ воспитанія, которое ей было дано, отъ всего ея прежняго образа жизни. Радость предполагаетъ предварительную приспособленность къ ней: человекъ чувствуетъ себя счастливымъ въ томъ состояніи, къ которому онъ себя находитъ приспособленнымъ. Изъ этого снова слѣдуетъ, что наши радости связаны съ нашими привычками. Вся наша жизнь проходитъ въ познаваніи и въ забвеніи, въ ограничиваніи однихъ нашихъ привычекъ и въ пріобрѣтеніи другихъ. Вся наша жизнь проходитъ, слѣдовательно, въ измѣненіи нашего отношенія къ явленіямъ, въ укрѣпленіи однихъ источниковъ радости и въ ослабленіи другихъ.

Въ своихъ радостяхъ мы властны въ такой же мѣрѣ, какъ и въ своихъ привычкахъ; отсюда

можно сдѣлать выводъ, что мы имѣемъ нѣкоторую власть надъ тѣмъ, что представляется на первый взглядъ вполне естественнымъ, произвольнымъ, т.-е. надъ радостью.

Привычки въ зависимости отъ радостей, которыя онѣ влекутъ за собой, бываютъ двоякаго рода: ихъ начала и слѣдствія различны и противоположны. Однѣ начинаются радостью, не стѣяютъ намъ никакого усилія, не требуютъ отъ насъ никакой инициативы; намъ достаточно отдаться пріятному впечатлѣнію, которое доходитъ до насъ извнѣ. Такова привычка лѣниваго ребенка, который не хочетъ знать ничего, кромѣ своихъ игръ. Въ пятнадцать лѣтъ онъ остается такимъ же, какимъ былъ въ восемь. Содержаніе его игръ не обновилось; удовольствіе, сдѣлавшись непрерывнымъ и однообразнымъ, становится все менѣе и менѣе интенсивнымъ или, вѣрнѣе, все менѣе и менѣе ясно ощущается имъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта привычка сдѣлала его неспособнымъ измѣнить свое поведеніе. Способность инициативы и сила сопротивленія въ немъ ослабли: онъ не въ состояніи уклониться отъ власти этого удовольствія. Крайней потребностью дѣлается для него повтореніе дѣйствій, которыя когда-то служили источникомъ радости и которыя, кромѣ нея (этой радости), ничего ему болѣе не доставляютъ; онъ избѣгаетъ всякаго усилія и живетъ повтореніемъ легкихъ и однообразныхъ дѣйствій, которыя ему ничего не даютъ, но и ничего не стоятъ.

Есть и другого рода привычки. Начинаясь уси-
лѣемъ, онѣ возлагаютъ на личность извѣстное напря-
женіе, которое, разумѣется, тяжело; но потомъ посте-
пенно, по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе повторяется,
внѣшнее сопротивленіе, встрѣчаемое волей, ослабѣ-
ваетъ и тогда результатъ достигается легче и стано-
вится болѣе плодотворнымъ. Духъ подчиняетъ себѣ
плоть и, благодаря достигнутому въ этомъ успѣху,
чувствуетъ себя во всеоружіи для новой побѣды.

Когда пальцы піаниста стали гибкими, какъ
будто въ нихъ проникъ механизмъ игры, когда
трудности мастерства побѣждены, тогда только
можетъ онъ выразить суть исполняемой музыки,
духъ и чувство, скрытые въ ней. вмѣсто того, чтобы
постепенно суживать кругъ дѣятельности, привычка
позволяетъ разуму, увѣренному въ подчиненіи орга-
низма, совершать свое собственное дѣло, разви-
ваться правильно, дѣлаетъ разумъ способнымъ понять
тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ уже понималъ. При-
вычка становится источникомъ радостей, которыя
могутъ обновляться и расширяться по мѣрѣ того,
какъ обновляется и расширяется область свободы
и дѣятельности. Въ концѣ концовъ, такъ какъ
радость связана съ привычкой, то и существуетъ
два рода привычекъ. И тѣ, и другія глубоки и сильны,
потому что и съ одной, и съ другой стороны есть
возможность надѣяться на полную приспособленность
личности къ своему состоянію и на то, что вполнѣ
приспособленная личность будетъ счастлива.

Человѣкъ, который отвыкъ отъ усилія, отъ инициативы, который ушелъ въ лѣнь и рутину, чувствуетъ себя счастливымъ до той поры, пока не возникаетъ передъ нимъ какое-нибудь препятствіе, пока его воля не возбуждается какимъ-либо препятствіемъ. «Рабство унижаетъ души до того, что заставляетъ ихъ полюбить себя». Это изрѣченіе справедливо относительно женщинъ, которыя ссылаются на свою мнимую духовную подчиненность, чтобы прикрыться авторитетомъ своего властителя и господина, подобно тѣмъ народамъ, которые отступаютъ передъ величіемъ свободы и позволяютъ себѣ вздыхать о тиранѣ, который избавилъ бы ихъ отъ обязанности самимъ устраивать свою судьбу.

Другой человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ, когда отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что его силы растутъ, по мѣрѣ того, какъ онъ ихъ изощряетъ, что онъ въ состояніи намѣтить себѣ весьма отдаленную цѣль и добиться ея; онъ испытываетъ радость, чувствуя, что дѣятельность его развертывается, и видя, что личная его отвѣтственность и самостоятельность его растутъ.

Какой же изъ этихъ двухъ видовъ счастья, представляющихся нашей волѣ, мы выберемъ?

Правду сказать, мы вольны высказаться и за тотъ, и за другой видъ. Возможно, что мы, отдавшись наслажденіямъ природою и не сопротивляясь соблазнамъ легкаго удовольствія, были бы счастливы въ нашихъ рабскихъ привычкахъ, усыпляющихъ

душу и тѣло. Но для этого мы не должны размышлять и задумываться надъ задачей нашей нравственности. Если мы станемъ размышлять, то, дѣйствительно, снова неизбежно дойдемъ до глубокаго желанія, которое лежитъ въ основѣ нашихъ привычекъ и которое, благодаря этому, есть источникъ нашихъ радостей. Самая мысль, что мы можемъ судить о нашей жизни и выбирать между двумя перспективами, предполагаетъ въ насъ свободу воли, и потому не должно быть ни колебаній, ни сомнѣній. Разъ мы свободно выбираемъ, мы выбираемъ свободу. Эта формула представляетъ не пустое сочетаніе словъ или отвлеченную мысль. Она выражаетъ то, что есть самаго глубокаго и самаго конкретнаго въ душевной жизни, потому что принципъ этой жизни—свобода; а слѣдовательно, можно сказать, что между рабствомъ и свободой нѣтъ столкновенія, какъ не можетъ его быть между заблужденіемъ и истиной, между тьмой и свѣтомъ; достаточно того, чтобы появился свѣтъ, и тьма исчезаетъ. Точно также, кто знаетъ истину, тотъ неспособенъ впасть въ ошибку; кто возвысился до идеи свободы, тотъ поставилъ себя въ невозможность желать рабства. Желаніе свободы есть не что иное, какъ желаніе бытія. Передъ нами выборъ «быть или не быть», и до тѣхъ поръ, пока мы существуемъ, мы будемъ цѣпляться за бытіе.

Вотъ къ чему приводитъ размышленіе о нашей моральной судьбѣ. Мы сами о себѣ судимъ; а для

того, чтобы судить о себѣ, мы выбираемъ себѣ точку опоры въ самой идеѣ нашей свободы, въ представленіи о томъ, чѣмъ мы можемъ стать въ слѣдствіе внутренняго признанія нашей свободы. Мы обладаемъ, такимъ образомъ, нравственной совѣстью, которая всегда ставитъ намъ высшія цѣли и требуетъ отъ насъ новой инициативы для новаго прогресса. Всякое желаніе, которое касается отдѣльнаго предмета, и исчерпывается въ индивидуальномъ обладаніи, кажется намъ недостаточнымъ и очень ограниченнымъ. Только то безусловно, что приводитъ насъ къ внутреннему источнику, въ которомъ мы находимъ причину нашей дѣятельности, начало нашего совершенствованія, и откуда бьетъ ключемъ истинная радость, полная радость духовнаго существа.

Этимъ положено основаніе, на которомъ можно воздвигнуть классификацію радостей (наслажденій). Страсти человѣка доставляютъ ему самыя сильныя и, повидимому, самыя дорогія наслажденія. Но, сосредоточивая всѣ силы бытія на одной точкѣ, подчиняя или принося въ жертву все, кромѣ себя самой, страсть нарушаетъ равновѣсіе и гармонію бытія, отнимаетъ у человѣка способность обновленія и совершенствованія. Каково бы ни было происхожденіе страсти—будь она отвратительна, какъ скупость старика Grandet, жертвующаго своей дочерью ради денегъ, будь она трогательна, какъ нѣжность старика Goriot, отдающаго своей дочери все свое

состояніе,—личность, которая живетъ только для себя, во власти своего желанія, теряетъ, наконецъ, свое нравственное достоинство и ей нечѣмъ больше наполнить жизнь. Напротивъ, если нашъ удѣлъ заключается въ томъ, чтобы жить всей нашей душой, пользоваться нашимъ умомъ, чтобы понимать, сердцемъ, чтобы любить, волей, чтобы дѣйствовать, тогда всякая радость хороша, разъ она укрѣпляетъ наше общее развитіе. Въмѣсто того, чтобы останавливаться на какой-нибудь преобладающей мысли или на особенномъ желаніи и этимъ самымъ воспретить себѣ всякій другой образъ мыслей и дѣйствій, мы остаемся свободными для новаго прогресса, увѣренные, что сумѣемъ разобраться въ истинномъ смыслѣ того, что мы дѣйствительно представляемъ въ глубинѣ души, т. е. въ разумѣ. Быть мужественнымъ, значить—понять эту классификацію радостей и примѣниться къ нимъ. Возьмемъ мужество въ матеріальной, такъ сказать, элементарной формѣ, мужество командира, который обращается самъ къ себѣ передъ началомъ битвы: «Трепещи, старина! То-ли еще увидишь». Развѣ не въ этомъ заключается признаніе разума высшимъ, что есть въ человѣкѣ, и развѣ радость не въ томъ, чтобы подчинить тѣло духу и, игнорируя его, воспроизвести то, что созрѣло въ нашей мысли, въ свободной волѣ? Точно также, въ умственномъ отношеніи мужествененъ тотъ ученый, который честно сознается въ своей ошибкѣ, (точнѣе:

если онъ доволенъ тѣмъ, что сознаеть ее), потому что страданіе тщеславія, которое существуетъ только для самой личности, забыто, такъ какъ оно исчезаетъ передъ радостью познанія истины. Точно также адвокатъ долженъ быть доволенъ, проигрывая дѣло, если судебное разбирательство открыло ему, что оно было дурно. Самое трудное мужество заключается въ томъ, чтобы выше личныхъ интересовъ, выше чести имени и профессиональнаго предубѣжденія или ложной совѣсти, поставить справедливость, какъ ее понимаетъ отвлеченный и безпристрастный умъ.

Каково бы ни было его примѣненіе, мужество, по общему правилу, подчиняетъ обычный порядокъ наслажденій нашего конкретнаго чувства идеальному порядку наслажденій, которыя показываютъ прогрессъ нашей духовной жизни; мы отклоняемся отъ того, что мы представляемъ, для того, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ мы хотимъ сдѣлаться. Нельзя сказать, чтобы мораль, основанная на принципѣ радости, исключала всякое страданіе; можетъ случиться, что она возбудитъ страданіе, но всегда для того, чтобы возвыситься до радости, разсматриваемой, какъ высшая радость, наиболѣе соотвѣтствующая истинному назначенію человѣка.

Жертва для жертвы является абсурдомъ, потому что она будетъ чистымъ отрицаніемъ, уничтоженіемъ одного существа другимъ. Жертва имѣетъ только тогда смыслъ и цѣну, если она способствуетъ

признанію болѣе благороднаго идеала, если мы ей обязаны той радостью, что чувствуемъ себя въ болѣе высокой области моральной жизни. Даже въ самомъ грустномъ, повидимому, существованіи (наприм., въ состояніи матери, носящей трауръ, отдалившейся отъ общества и отказывающей себѣ во всякаго рода удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, чтобы всецѣло предаться мысли о потерянномъ ею ребенкѣ) можно найти радость интимную и глубокую, и преобладаніе во всемъ дорогой мысли, которымъ принесены въ жертву другія радости и мысли. Нужно только вѣрно понимать это слово. Истиннымъ мученикомъ является не тотъ, кто жертвуетъ собой только съ цѣлью принести жертву въ неопредѣленномъ разсчетѣ на удовлетвореніе въ будущемъ, но тотъ, кто дѣйствительно знаетъ цѣну идеалу, которому онъ себя посвящаетъ, кто, несмотря на торжество врага или ошибку общественнаго мнѣнія, побѣжденный грубой силой созерцаетъ истину, справедливость, святость и умираетъ, до послѣдняго момента сохраняя ихъ въ душѣ.

Мораль, основанная на принципѣ радости, какъ мы только-что характеризовали ее, служить, такимъ образомъ, скорѣе оправданіемъ, чѣмъ осужденіемъ страданія или жертвы. Она не только не исключаетъ, но даже пытается установить правило и законъ; но она не хочетъ, чтобы они (правило и законъ) были виѣ насъ и чтобы мы повиновались имъ по принужденію: она старается, чтобы они проявлялись

въ насъ самихъ, какъ выраженіе нашей внутренней природы. Каждый изъ насъ, благодаря развитію того, что въ немъ есть, властенъ подняться надъ сферой матеріальныхъ интересовъ и чисто личныхъ желаній, властенъ постигнуть своимъ умомъ всеобщій и истинный порядокъ, котораго нельзя не желать, разъ уразумѣвши его. Отъ каждаго изъ насъ зависитъ постигнуть глубокій источникъ своихъ радостей, извлечь изъ самаго себя нравственный идеаль свой.

Только не отвлеченная ли и пустая мечта этотъ идеаль? Не можемъ ли мы сказать, что онъ неуловимъ, потому что нѣтъ предѣла произвольному развитію духа, нѣтъ крайней истины, которая опредѣлила бы границу нашей способности изобрѣтать или провѣрять, нѣтъ предмета или чувства, которые разъ навсегда удовлетворили бы насъ въ безконечномъ стремленіи нашего сердца, потому что внутренняя жизнь есть безпрестанное обновленіе существа и вѣчный прогрессъ духа и воли. И не можемъ ли мы сказать, что будетъ опасно, уступая очарованію недоступнаго намъ совершенства, удаляться отъ окружающихъ насъ? Идеаль, который бьетъ ключемъ изъ самой глубины нашего духа, будетъ для каждаго изъ насъ особеннымъ: по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся въ умственномъ отношеніи, мы становимся все болѣе отличными отъ другихъ людей, менѣе способными раздѣлять ихъ удовольствія и заботы. Мы рискуемъ,

по мѣрѣ того, какъ облагораживаемся, сдѣлаться менѣе хорошими слугами общества. Въ этомъ въ сущности заключается самая важная и самая тонкая задача людей, живущихъ высокой нравственной жизнью. Развѣ мы можемъ глубоко любить другого, не подвергая отрицанію нашего собственнаго идеала? Любить другого—значить пріобщиться къ его радостямъ, желать того, чего онъ желаетъ, и чувствовать такъ, какъ онъ чувствуетъ. И если радости другого не совпадаютъ съ требованіями нашей духовной жизни, которыя мы стараемся осуществить для себя, то не подвергаемся ли мы сами при такихъ обстоятельствахъ риску нѣкотораго паденія?

Мы не можемъ снизойти къ тому, кто стоитъ ниже насъ, чтобы лучше его любить. Христось гностиковъ который, чтобы укрѣпить связь милосердія, соединяющую его съ грѣшными, принимаетъ участіе въ злѣ и совершаетъ всѣ мірскіе грѣхи,—выдуманный Христось. Истинный Христось сказалъ: «Я сжалился надъ толпой». Онъ утверждаетъ, такимъ образомъ, что въ любви совершеннаго существа къ несовершенному существуетъ разница между тѣмъ, кто любить и кого любятъ. Требования общественной жизни непременно приводятъ къ антагонизму чистой личной заботы о нравственномъ идеалѣ и любви къ ближнему, которая заставляетъ насъ жертвовать нашими убѣжденіями, и подчинять ихъ волѣ другого. И не будетъ ли достаточно этого антагонизма,

чтобы разрушить мораль, основанную на принципѣ радости, потому что какъ согласиться съ тѣмъ, что радость можетъ остаться въ нашей душѣ, если въ ней не будетъ больше любви?

Можемъ ли мы побѣдить этотъ антагонизмъ? Если любовь есть ничто иное, какъ естественная и произвольная склонность, притягивающая и связывающая двѣ личности совершенно внѣшнимъ образомъ, то трудно допустить, что, устремляясь къ другому, мы не отворачиваемся въ то же время отъ самихъ себя.

Мы стараемся правиться и тѣмъ самымъ капризъ другого считаемъ мѣриломъ нашей дѣятельности; мы правимся, и нашъ капризъ опредѣляетъ дѣятельность другого. Соглашаемся ли мы вполне по своей волѣ на чужое властвованіе или налагаемъ свою власть, не желая этого, не зная, можетъ быть, объ этомъ, всетаки извѣстная личная воля замѣнитъ нашу истинную волю, всетаки мы будемъ лишены внутренней свободы и способности къ движенію, которое приводитъ насъ къ высшимъ наслажденіямъ. Для того, чтобы любовь не нарушала нашихъ радостей, чтобы она не принуждала насъ отрекаться отъ своего идеала, нужно чтобы любовь не сводилась къ поверхностной симпатіи, которая соединяетъ двѣ индивидуальности только внѣшнимъ образомъ. Чѣмъ же, если не этимъ, она можетъ быть? вмѣсто того, чтобы стремиться къ освобожденію отъ своей индивидуальности и

стать другой индивидуальностью, мы можем углубиться въ самихъ себя, попытаться вновь завладѣть, въ глубинѣ нашего существа, тѣмъ, что составляетъ смыслъ и начало нашей жизни.

Моему разуму придаетъ цѣнность истина, которой онъ обладаетъ, а цѣнность этой истины составляетъ то, что это—истина не моя, а истина сама по себѣ.

Ученый не удовлетворился бы тѣмъ, чтобы законъ, который онъ открылъ, былъ предметомъ индивидуальнаго его пользованія; онъ дорожитъ своимъ открытіемъ потому, что знаетъ, что оно во всѣ времена имѣетъ такое же значеніе для всѣхъ людей, какъ и для него. Точно также мы хотимъ, чтобы тотъ, кого мы любимъ, казался достойнымъ любви самъ по себѣ, и только неосторожность влюбленныхъ заставляетъ ихъ хвалить прелести предмета ихъ любви съ рискомъ посѣять ревность, которая ихъ обезпокоитъ въ будущемъ. Наконецъ, когда дѣло идетъ о нашей нравственной участи въ какомъ нибудь серьезномъ вопросѣ, мы сообразуемся съ приговоромъ нашей совѣсти, но въ то же время разсматриваемъ этотъ приговоръ, какъ выраженіе нравственнаго закона. Мы требуемъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, по его намѣреніямъ былъ всѣми честными людьми признанъ хорошимъ. Однимъ словомъ, всякій разъ, когда мы прогрессируемъ въ духовной жизни,

всякій разъ, когда мы поднимаемся до высшихъ радостей, мы въ усилии одного ума обнимаемъ общность всѣхъ умовъ. Мы становимся способными приобщить къ нашей личной участи—участь чело-вѣчества, т. е. мы дѣлаемся способными къ любви; не отдѣляющейся болѣе отъ духовного прогресса, потому что она не только ему не препятствуетъ, но и служить его условіемъ и вѣнцомъ. Въ этомъ легко убѣдиться. Для того, чтобы наша воля была дѣйствительна, чтобы наша мечта о совершенствѣ могла осуществиться, нужно, чтобы мы не были предоставлены только нашимъ собственнымъ силамъ, чтобы въ нашемъ желаніи духовнаго прогресса мы имѣли всѣхъ людей сотрудниками, критиками и продолжателями. Со дня своего рожденія ребенокъ является произведеніемъ чело-вѣчества: онъ резюмируетъ въ себѣ эволюцію поколѣній, благодаря которымъ организмъ его преобразовался и сталъ утонченнымъ. Позже этотъ ребенокъ, уже благодаря воспитанію, получаетъ все сокровище, накопленное мышленіемъ ряда вѣковъ, и такимъ образомъ создается въ немъ способность отличать ложное отъ истиннаго и методическій умъ, необходимый для научныхъ занятій. Такъ и на практикѣ: мы научились любить потому, что были любимы; первые часы нашей матеріальной жизни были плодомъ безпрестанныхъ попеченій и преданности; мы не сможемъ отличить въ лучшемъ, что есть въ насъ, принадлежащее нашей собственной инициативѣ

отъ полученнаго нами отъ нашихъ учителей. Не только умъ нашъ образовался подъ вліяніемъ другихъ умовъ, но и дальше для своего нормальнаго развитія онъ нуждается въ поддержкѣ другихъ умовъ, которые считаетъ равными себѣ. Истинный ученый, признающій рѣшающее значеніе разсужденія или опыта, знаетъ, что онъ не имѣетъ права довольствоваться собственными разсужденіями или опытами, что его личныя работы приобрѣтаютъ истинное значеніе лишь тогда, когда онѣ могутъ воспроизводиться и повѣряться всѣми тѣми, кто умѣетъ пользоваться научными методами.

Въ жизни однимъ изъ преимуществъ дружбы является возможность открыть другу свои мысли передъ окончательнымъ рѣшеніемъ и найти въ дружескомъ совѣтѣ средство успокоить свои опасенія и укрѣпить свою волю.

Наконецъ, по самой природѣ своей, духовный прогрессъ долженъ продолжаться и увѣковѣчиваться въ другихъ умахъ. Чѣмъ были бы творенія великихъ ученыхъ, Декарта или Ньютона, еслибы они должны были умереть вмѣстѣ съ авторами, если бы они не служили предисловіемъ къ неисчерпаемой серіи детальнаго работъ, основой новыхъ наукъ? Пастеръ, благодаря удивительной плодотворности созданныхъ имъ методовъ, и послѣ смерти продолжаетъ дѣлать открытія. И съ моралью происходитъ то же, что и съ наукой: то, что нашъ умъ подготовляетъ, имѣетъ больше значенія, чѣмъ то, что онъ совершилъ.

Справедливость свята потому, что она приближает появленіе новаго общества, въ которомъ самая идея ея будетъ преобразована. Справедливость имѣть двѣ стороны. По отношенію къ несправедливости, она репрессивна и проявляется въ матеріальномъ принужденіи, наказаніи, гдѣ любовь скрывается подъ видомъ ненависти, и не отъ насъ зависитъ теперь иной способъ проявленія справедливости. Но истинная справедливость не такова: она заключается въ соединеніи одной здоровой воли съ другой въ добровольномъ союзѣ, установившемся между членами одного общества, исповѣдующими одни и тѣ же духовныя начала: справедливость—это вѣчная работа гармоніи и любви.

Идеаль радости, какимъ мы его предполагаемъ—какъ предѣлъ нашего духовнаго совершенства—заключаетъ въ себѣ идеаль любви. Радости для отдѣльнаго лица—то же, что любовь для человечества. Слѣдовательно, любовь не могла бы, такъ же какъ и радость, служить въ моральномъ мірѣ причиной анархіи; величіе любви, только надо понимать какъ величіе радости, и возвысить ее надъ плотью до духа. Любовь тогда—то же, что и желаніе радости, безкорыстіе и мужество. Она безкорыстна потому, что направляется отъ свободы къ свободѣ. Всякій капризь или властвованіе ей омерзительны потому, что отъ любимаго человѣка она жаждетъ истинной воли, скрытой въ глубинѣ его души, иногда не согласной съ выражаемымъ

извнѣ желаніемъ, воли, образующей его нравственную личность. Любовь умѣетъ, въ случаѣ надобности, отвлечься отъ объекта такого, какимъ онъ кажется, и стремиться къ идеалу, который она создаетъ для этого объекта; въ этомъ ея мужество. Борются, чтобы преобразовать того, кого любишь, чтобы сдѣлать его похожимъ на свою мечту о совершенствѣ— вотъ испытаніе и, можетъ быть, самое тяжелое испытаніе любви, которое, зато, одно даетъ ей и неистощимое богатство. Мы хотимъ, чтобы семья не нарушала нашихъ радостей; мы не принимаемъ отъ нашей жены подчиненія въ формѣ, предписанной закономъ, равно унижительной и для того, кто его требуетъ, и для той, кто его исполняетъ; мы признаемъ въ ней духовную свободу и основываемъ на ней тѣсное единеніе двухъ мыслящихъ существъ. Мы любимъ наше отечество, но мы не требуемъ отъ него радостей, которыя подвергали бы опасности наше чувство челоуѣколюбія, мы не требуемъ отъ него, чтобы оно заставило насъ при громѣ *Te Deum*'а забыть слезы матерей или вдовъ, безразлично какой національности или расы; напротивъ, мы радуемся всякому прогрессу, происходящему въ націи, привлекающей насъ, прогрессу, который создаетъ въ ней очагъ и школу цивилизаци. Однимъ словомъ, мы создали себѣ идеалъ и разсматриваемъ, какъ параллельныя и нераздѣлимыя величины, нашъ внутренній прогрессъ, который приближаетъ насъ къ этому идеалу, и прогрессъ общественный, кото-

рымъ другіе осуществляютъ этотъ идеалъ рядомъ съ нами, иногда посредствомъ насъ и всегда для насъ.

Мораль, основанная на принципѣ радости, есть въ то же время, слѣдовательно, и мораль любви, потому что радость и любовь въ практической жизни двойное проявленіе, двойная форма жизни духа. Поэтому мораль радости, когда она правильно истолкована, не можетъ быть обвинена ни въ мистицизмѣ, ни въ анархизмѣ. Если кажется, что она заставляетъ насъ замкнуться въ самихъ себѣ надъ работою внутренняго усовершенствованія, то это дѣлается для того, чтобы въ насъ постепенно искоренялись предрасудки, привычки, скрывающія насъ отъ самихъ себя, для того, чтобы мы могли вполне владѣть нашими душевными силами и были въ состояніи разрушать преграды, лежащія между нами и другими людьми, чтобы, благодаря этому, имѣть дѣло только съ нравственными людьми, связанными чистой и глубокой любовью.

Въ этомъ—высшее оправданіе философскаго разсужденія. Философская критика, заключенія которой могутъ показаться поверхностнымъ наблюдателямъ чистыми отрицаніями, способна уничтожить въ прежнихъ вѣрованіяхъ и устарѣлыхъ установленіяхъ только то, что является отрицаніемъ, источникомъ ослѣпленія и сѣменемъ ненависти. Освобождая единственно то, что имѣетъ положительную цѣнность, т. е. духъ—начало всякаго умозрительнаго и практи-

ческаго прогресса—она работает надъ созданиємъ моральной общности, которая тѣсно и навсегда соединяетъ людей.

Знаніе—слуга любви. Такова формула, проникающая все философскія размышленія, формула, которую провозглашалъ еще Сократъ, общій наставникъ, когда передъ ложной мудростью софиста, ложнымъ патріотизмомъ правителей, ложной справедливостью судей, ложной религіей жрецовъ онъ говорилъ, улыбаясь: «я ничего не знаю», прибавляя вполголоса и снова съ улыбкой, но уже иначе, то что резюмируетъ все высшія надежды человѣчества, его мечты о радости и совершенствѣ: «я ничего не знаю, кромѣ любви».

СПбГУ

VIII.

Э. де-Роберти.

Нравственность и политика.

1117

de Pödebrn

HOBBSTBONHOPTN DOWNTHNA

СПОГУ

Для разрѣшенія намѣченной нами задачи сначала необходимо отвѣтить на два главныхъ вопроса:

Что такое нравственность? Что такое политика?

Для того, что бы лучше прозондировать почву этого краткаго изслѣдованія,—которую одни называютъ топкимъ болотомъ, другіе дѣвственнымъ лѣсомъ,—начнемъ съ установленія нѣсколькихъ руководящихъ идей. А чтобы сдѣлать ихъ болѣе ясными, чтобы онѣ привлекали и удерживали наше вниманіе, возьмемъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ съ нами соприкасаются самымъ ощутительнымъ образомъ, въ живой или, скорѣе, въ больной дѣйствительности настоящаго времени.

По поводу знаменитаго дѣла Дрейфуса, этой Эйфелевой башни общественной нравственности или безнравственности,—дѣла, на которое вся Европа, весь міръ смотритъ съ изумленіемъ, смѣшаннымъ, можетъ быть,—какъ знать?—съ нѣкоторой завистью,—по поводу этого знаменитаго дѣла не приходилось ли вамъ много разъ слышать выраженіе надежды, что переживаемый нами теперь, острый кризисъ, повлечетъ за собою поразительный

результатъ: заставить наконецъ (нѣкоторые доходятъ до признанія того, что это случится впервые ввести нравственность въ политику. Но это—заблужденіе, отъ котораго я хотѣлъ бы предостеречь васъ, предполагая, что вы ему поддались. Нравственность не будетъ введена въ политику съ дѣломъ Дрейфуса на томъ положительномъ основаніи, что никогда, ни въ одну эпоху жизни человѣчества, она не была исключена изъ нея. Нравственность всегда одушевляла политику, какъ душа одушевляетъ тѣло, и политика была и будетъ до скончанія вѣковъ смиренной слугою, послушною рабою господствующей нравственности. Да что! Нужно ли приводить примѣры и имена, заучиваемыя на школьной скамьѣ: Саламинъ и Термопилы и судьбу Кароагена, завоеванія римлянъ, агонію Римской Имперіи и вѣчное закланіе справедливости, всегда такъ удачно мстящее за себя (примѣромъ служить побѣда христіанства и нетлѣнная слава Галилея), такія событія, какъ крестовые походы и т. п.

Воспользуемся на нашемъ пути другою руководящею идеею. Укажемъ въ еще болѣе ясной формѣ, такой же софизмъ, который въ сущности есть ничто иное, какъ исполнѣ естественный обманъ зрѣнія, происходящій вслѣдствіе мгновенныхъ сомнѣній, овладѣвающихъ нами. Я прочелъ нѣсколько времени тому назадъ статью, посвященную спеціальному изслѣдованію, предпринятому Свободной школой соціальныхъ наукъ— «Курсу морали», со-

ставленному разными профессорами, обсуждавшими вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Авторъ статьи, человекъ умный и талантливый, подвергаетъ критикѣ эту попытку, на его взглядъ неудачную и во всякомъ случаѣ парадоксальную, которая можетъ только увеличить беспорядокъ идей и системъ нравственности. Для него опредѣленіе нравственности представляется чѣмъ то рѣшительно невозможнымъ, задачею, превышающею въ настоящее время силы человѣческаго ума.

Онъ заканчиваетъ указаніемъ факта, настолько же любопытнаго, сколь и важнаго: «Удивительная вещь»,—воскликаетъ онъ:—«никогда еще интересъ къ нравственнымъ наукамъ не занималъ такъ сильно умы, какъ теперь!» Стараясь отыскать далѣе причину такого явленія, онъ наивно связываетъ его съ великой политической драмой дня или, скорѣе, вѣка. «Мы сбѣгались»,—говоритъ онъ въ шутовомъ тонѣ,—«настолько строго, нравственными, съ виду, по крайней мѣрѣ, гражданами, что съ этого времени въ глазахъ всѣхъ другихъ народовъ превратились въ людей наиболѣе порочныхъ, какихъ только можно себѣ представить».

Итакъ, авторъ, котораго я цитирую, смѣшиваетъ, какъ и многіе другіе, частное слѣдствіе, служащее для проявленія совокупности общихъ причинъ, съ самой совокупностью ихъ. Дѣло Дрейфуса, отнюдь не будучи причиною значительнаго нравственнаго движенія, должно быть разсматриваемо, какъ фонта-

нель настроеній и уже давно образовавшихся тенденцій. Наши сомнѣнія и изслѣдованія въ области нравственныхъ идей имѣютъ болѣе старое происхожденіе. Еще 5 лѣтъ тому назадъ, когда никто не подозрѣвалъ, что политика готовитъ намъ скандальные процессы, я открылъ свой курсъ соціологіи въ Новомъ университетѣ въ Брюсселѣ слѣдующими словами:

«Я намѣренъ съ вами бесѣдовать о нравственности. Было время, когда одно только подобное вступленіе заставило бы опустѣть аудиторію и разогнало бы самыхъ внимательныхъ слушателей. Въ этомъ сказался бы протестъ, хотя и безсознательный еще, если хотите, но настоящій и подъ конецъ очень сильный противъ лицемѣрія ученій и противъ ложности установившихся методовъ. Въ данное время положеніе измѣнилось. Мысль двинулась впередъ, прошла нѣсколько важныхъ этаповъ; оцѣненное сознаніе почувствовало вслѣдствіе этого первый толчекъ и интересъ къ изученію нравственности снова оживился. Этика отнынѣ перестала быть мертвой наукой, которой занимались наши отцы, или скорѣе она, представляя изъ себя трупъ, возбуждала тѣмъ болѣе анатомическій интересъ. Созданіе соціологіи, которая дастъ настоящему вѣку прочную славу и двойное великое движеніе, соціалистическое и анархистское,— вотъ два фактора, два главныхъ теченія, одно—положительное, другое—отрицательное, которыя своимъ взаимодѣйствіемъ опредѣлили новое направленіе

умовъ и породили начало «возрожденія этики»; этотъ терминъ не кажется мнѣ слишкомъ высокопарнымъ». Затѣмъ я прибавилъ еще: «Теперь мы остановились на этомъ: мы хорошо различаемъ два противоположныхъ лагеря, двѣ враждебныхъ арміи, которыя, кажется, готовы уничтожить другъ друга и которыя, можетъ быть, въ то же время оказываютъ другъ другу поддержку. Непосредственное соприкосновеніе соединяетъ ихъ и на пароль, данный вѣкомъ: что такое нравственность? они отвѣчаютъ одинаково: нравственность—явленіе исключительно социальное?»

Я разбиваю мой трактатъ на 3 главныхъ пункта: во первыхъ, происхожденіе и развитіе нравственности, во вторыхъ, опредѣленіе этики, какъ науки отвлеченной, соприкасающейся своими границами съ началами социологіи, или какъ философіи социальныхъ явленій, которая возникаетъ изъ предварительнаго изученія этихъ явленій въ различныхъ и многочисленныхъ отдѣлахъ аналитической и описательной социологіи; наконецъ, въ третьихъ, опредѣленіе политики, какъ социальной технологіи, какъ гигиены и терапии общественной жизни, охватывающей область отношеній семейныхъ, половыхъ, экономическихъ юридическихъ и правительственныхъ.

I.

Въ началѣ умственнаго развитія нравственность не только заключалась, какъ и другія отрасли знанія, въ религіи и философіи, но еще была предпочтительной, излюбленной формой, въ которую облакались религія и философія. Если мысленно повторить длинный путь, пройденный какой нибудь наукой, то на немъ можно навѣрное встрѣтить то радостный, то печальный, то улыбающійся, то сумрачный силуэтъ нравственности богослововъ и философовъ.

Во всѣхъ областяхъ знанія и затѣмъ въ искусствѣ такъ же, какъ и въ жизни, начинаютъ обыкновенно съ обзора внѣшности вещей, съ ихъ приблизительной оцѣнки, съ опредѣленія ихъ отношенія къ нашему «я», которое къ нимъ относится различно, то желая, то страшая ихъ. Исторія человѣческаго знанія открываетъ другое постоянное явленіе: стремленіе отъ познанія атрибутовъ, внѣшнихъ признаковъ переходить къ познанію внутреннихъ свойствъ вещей.

Каждое соціальное явленіе въ нашемъ представленіи имѣетъ двойственное значеніе: оно и дѣйствительно и находится въ скрытомъ состояніи, такъ какъ является намъ, какъ фактъ, или какое нибудь учрежденіе, и представляется намъ въ видѣ болѣе или менѣе богатаго запаса внутреннихъ,

психическихъ элементовъ. Но въ продолженіе многихъ вѣковъ истинная причина такой дифференціаціи оставалась незамѣченной.

Только ея конечные результаты подмѣнены съ раннихъ поръ: они сводятся къ общераспространенному различію между *нравственностью и правомъ*. Общеупотребительный языкъ, опережая научное опредѣленіе, суживаетъ значеніе этихъ терминовъ и часто ихъ искажаетъ. Во всякомъ случаѣ весьма скоро была установлена послѣдовательность, связывающая оба названные класса явленій, и совершенно справедливо стали указывать на происхожденіе права изъ нравственности.

Очень даже удачно сравненіе права съ одеждою, въ которую облакается нравственность: платье, часто слишкомъ изношенное до того, что начинаетъ просвѣчивать тѣло, настоящая тряпка, такое платье, которое неотложно требуетъ наиболѣе поспѣшной починки подъ опасеніемъ кризисовъ религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и, наконецъ, социальныхъ или нравственныхъ. Вспомнимъ мимоходомъ различную судьбу, которая выпала на долю каждаго изъ двухъ большихъ отдѣловъ социологическихъ наукъ. Изученіе вѣшной стороны вещей, *внѣсоціальной*, распадается на множество описательныхъ отдѣловъ. Что же касается до внутренней стороны, до того, что лежитъ *внутри* социальнаго явленія, то изслѣдованіе, которое можно было бы предпринять относительно этого, и до нашихъ временъ осталось

въ существенныхъ чертахъ, нераздѣленнымъ. Я охотно допускаю положеніе новѣйшихъ ученій, настаивающее на первенствѣ и независимости нравственной вѣры по отношенію къ религіи. Этотъ тезисъ утверждаетъ *законъ соотношенія между науками и философійю*, который я старался доказать и которымъ пытался замѣнить совершенно неудовлетворительный въ настоящее время законъ *трехъ состояній*.

Спеціальное знаніе необходимо прокладываетъ путь къ общему, а наука представляетъ явленіе болѣе раннее, чѣмъ религія, и потому доставляетъ послѣдней все содержаніе, весь космологическій и нравственный матеріалъ. Огромная удивительная роль, которую сыграли религіи, роль, которую у нихъ оспаривали съ успѣхомъ, въ извѣстные періоды высокаго умственного развитія, метафизики, обязана происхожденіемъ тому, что религіи усердно разрабатывали социологію, извѣстную подъ именемъ нравственности. Этотъ могущественный рычагъ, который въ данное время ускользаетъ изъ ихъ ослабѣвшихъ рукъ, служилъ имъ тогда средствомъ вести впередъ человѣческія общества и руководить ими.

Вотъ почему среди социологовъ прошлаго почетное мѣсто занимаютъ Конфуцій, Будда, Магометъ, всѣ основатели религій и великіе проповѣдники нравственности. Эти первые социологи, какъ и первые астрономы, и первые физики, были от-

части ясновидцами и даже чудотворцами, но, не смотря на совершенство методовъ, ихъ обобщенія часто оказывались открытіями смѣлыми и плодотворными по результатамъ. Такъ, они всѣ съ горячностью отыскивали высшую движущую силу благого дѣла, достойнаго похвалы поведенія. И всѣ они съ первыхъ же шаговъ единодушно возводили на степень руководящаго принципа фактъ, подтверждаемый ежедневнымъ наблюденіемъ: симпатію одного человѣка къ другому.

Богословіе держалось на безусловномъ утвержденіи альтруизма, не преступая границы того, что извѣстная школа, увлеченная, какъ и ея представитель Руссо, идеалами отдаленнаго прошлаго, называетъ теперь моралью сердца; метафизика, напротивъ, рискнула въ началѣ робко, а потомъ съ возрастающею смѣлостью выступить впередъ по направленію къ неизвѣстному, не знакомому еще идеалу, который однако признавалъ уже важное значеніе человѣческаго разума. Конечно метафизика, вопреки ея рациональнымъ стремленіямъ и не взирая на нѣсколько удивительныхъ усилій, на нѣкоторыя удачныя примѣненія экспериментальнаго метода, не могла идти дальше разныхъ попытокъ. Она не могла насиловать естественный ходъ развитія нашихъ знаній; она не могла ускорить появленіе соціологіи. Метафизика оставалась въ такомъ же положеніи, какъ религія, но съ прогрессивнымъ характеромъ

и знаніемъ по существу эмпирическимъ, явившимся предверіемъ будущей истины.

Такия же критическія замѣчанія, какъ кажется, могутъ быть сдѣланы представителямъ 2-хъ главныхъ направленій—позитивистамъ и эволюціонистамъ,—которые въ срединѣ нашего столѣтія пытались, въ свою очередь, обновить основы нравственности.

Позитивизмъ строго слѣдуетъ ученію о нравственности альтруистовъ, разработанному наиболѣе отдаленной древностью (Индія, Китай, Египеть, Іудея), затѣмъ греко-латинскимъ міромъ, и впоследствии возвышенному и укрѣпленному христіанствомъ. Но, принявъ этотъ старый кодексъ нравственныхъ законовъ, позитивизмъ стремится улучшить его, видоизмѣняя любовь къ людямъ, основанную на страхѣ Божіемъ, въ любовь ко всему человѣчеству, диктуемую самою природою человѣческою. Онъ еще расширилъ основаніе этого послѣдняго понятія, признавая дѣйствительное существованіе за совокупностью всѣхъ человѣческихъ поколѣній, прошлыхъ и будущихъ по отношенію къ какой либо отдѣльной части человѣчества, живущей въ данное время и въ данномъ мѣстѣ.

Но съ другой стороны, при такой классификаціи идей, верѣдки противорѣчія и у Конта. Его крайне односторонній, практической геній препятствовалъ ему изслѣдовать задачу основательно. вмѣстѣ съ Д. Аламберомъ и Сень-Симономъ Контъ проповѣдывалъ необходимость расширить возможно

больше сферу наших привязанностей; у него это вылилось въ слѣдующую формулу: нужно предпочитать семью самому себѣ, свое отечество—семьѣ, все человѣчество—отечеству! Впрочемъ изъ этихъ столь ясныхъ посылокъ позитивная мораль не пришла къ какимъ нибудь заключеніямъ, а достигла только банальнаго апоѳеоза семьи и отечества.

Нѣкоторыя другія черты ученія Конта еще болѣе подчеркиваютъ духъ компромисса, весьма допустимаго на практикѣ, но невозможнаго въ теоріи, сопутствовавшей Конту въ его научныхъ изслѣдованіяхъ.

Вспомнимъ здѣсь его упорный анти-феминизмъ, его уваженіе къ нѣкоторымъ преданіямъ богословской нравственности, его расположеніе къ католичеству и авторитету, различныя культы, которые онъ устанавливалъ, и анаѳемы, которыя онъ щедро расточалъ.

Но это еще не всё. Контъ открыто проповѣдуетъ «первенство сердца надъ умомъ и даже надъ дѣятельностью». Его ученіе о нравственности отождествляется съ нравственностью архаической, съ тѣмъ знаменитымъ нравственнымъ правиломъ, которое, разсматриваемое само по себѣ, представляетъ наивную бессмыслицу, абсурдъ, какимъ была бы, напримѣръ, сантиментальная астрономія или химія, основанная на страстяхъ. «Можно устать мыслить и дѣйствовать, но никогда нельзя устать любить»,

восклицаетъ Контъ, соглашаясь въ этомъ пунктѣ со св. Томою, но окончательно расходясь съ новѣйшей психофизиологіей и психологіей, провозглашающими единство всякаго психическаго явленія.

Словомъ, усиленное занятіе реформой нравственнаго ученія, по многимъ причинамъ, въ рукахъ Конта находилось не въ безопасности. Великій мыслитель, сумѣвшій такъ глубоко провести въ общественное мнѣніе сознаніе необходимости общей теоріи общества, окрещенной имъ именемъ соціологіи, сдѣлавшимся нынѣ столь популярнымъ, обратилъ вниманіе только на выпуклую сторону, на внѣшнюю связь явленій, на видныя нарушенія этого сложнаго порядка, и превратилъ соціологію въ исторію и статику соціальныхъ внѣшнихъ фактовъ, посредствомъ которыхъ выводятся эмпирическіе законы явленій, совершающихся на поверхности человѣческихъ обществъ.

Соціологія дозволяетъ возстановить главнѣйшія юридическія и политическія формы прошлаго и даже поднять вопросъ объ эмбриологіи, зародышевомъ состояніи соціальныхъ группъ.

Она слегка касается дифференціаціи половыхъ и семейныхъ отношеній, она ничуть не интересуется грозными экономическими кризисами, производя впечатлѣніе систематическаго пренебреженія эволюціей личной нравственности.

Все, что—близко или отдаленно—связано съ соціальной онтологіей, презрительно величалось

Контомъ «метафизикой». Такое равенство, какъ социологія морали, не приходило ему никогда на умъ; а при такихъ условіяхъ, разсматриваемое исключительно какъ кодексъ законовъ личной и практической жизни, нравственное ученіе основателя школы позитивизма не могло сильно отличаться отъ рутинныхъ правилъ прошлаго. По поводу эволюціонизма и Спенсера я ограничусь нѣсколькими словами.

Философія эволюціонистовъ не выполнила той задачи, которую намѣтила себѣ, какъ высшую цѣль; она изъ этики не сдѣлала науки въ строгомъ смыслѣ слова. Чтобы осуществить это широкое намѣреніе, не достаточно было въ дѣйствительности, какъ полагалъ Спенсеръ, признавать слѣдованіе человѣчества по пути къ достиженію идеала мира и справедливости, къ побѣдоносному альтруизму, къ все болѣе совершенному приспособленію личности къ социальнымъ условіямъ жизни. Впрочемъ, англійскій философъ не вноситъ ничего новаго, онъ ограничивается развитіемъ этики Конта, опираясь на одну изъ главныхъ основъ позитивной философіи, на принципъ эволюціи, примѣненный къ человѣческимъ обществамъ, извѣстный подъ именемъ прогресса. Словомъ, мы можемъ сказать, что прошедшее вмѣстѣ съ нѣсколькими зародышами будущихъ истинъ завѣщало намъ массу ошибокъ въ фактахъ и особенно въ методахъ.

Разсмотримъ бѣгло нѣкоторыя изъ этихъ пере-

живаній, противъ которыхъ мы вовсе не боремся или боремся очень слабо и время отъ времени.

Такова, напримѣръ, ошибка идеализма или трансцендентнаго ученія о нравственности. Эта ошибка состоитъ въ томъ, что *вѣра въ долгъ* (какъ ее громко называютъ) ставится «выше области науки и самой природы». Это претенціозное утвержденіе держится, несмотря на то, что оно никогда не подтверждалось ни однимъ жизненнымъ явленіемъ. Намъ представляется весьма неблагоприятнымъ поддерживать такую печальную бессмыслицу и тѣмъ давать возможность укрѣпиться недостойной чело-вѣка иллюзіи, что есть, нѣчто, могущее быть поставленнымъ выше знанія и разума, это невозможно и абсурдно. То, что возносятся выше науки, вѣра въ нравственный долгъ, вѣра въ Бога или въ другой принципъ либо правило жизни, все это относится къ наукѣ, но наукѣ зарождающейся, дѣтской, несовершенной, остановившейся въ развитіи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и ставшей, благодаря этому, неудовлетворительной и неясной. Нѣтъ ничего величественнаго въ такомъ стремленіи, которое, наоборотъ, знаменуетъ собою довольно низкую степень пониманія міровой тайны. Нужно также отвергнуть тотъ пессимизмъ не моральный или социальный, а чисто интеллектуальный, весьма неловкимъ выразителемъ котораго сдѣлался въ послѣднее время Брюнетьеръ.

Подобный образъ мыслей напоминаетъ старую

боязнь, которую первобытнымъ людямъ внушала неизвѣстность, сдавливающая ихъ со всѣхъ сторонъ, ужасъ, который естественно доводилъ до усилий познанія, до дерзкаго желанія разсѣять мракъ. Тотъ же самый страхъ бессознательно возрождается и въ наши дни, въ умахъ тѣхъ, которые проклинають «современнаго идола» и бросаютъ ему въ лицо существенный признакъ зла, классическій упрекъ въ разрушеніи безъ созиданія, въ пользованіи только отрицательной и разрушающей силой.

Не менѣе многочисленными и гибельными бываютъ заблужденія въ ученіяхъ, большая часть которыхъ возвращается къ старымъ приѣмамъ познанія. Тутъ легко забываютъ о томъ, что ничтожные и отрицательные результаты, на которые столь часто жалуются наши моралисты и философы, отражаются прежде всего или, скорѣе, больше всего на самыхъ приѣмахъ изслѣдованія, примѣняемыхъ въ социологіи, психологіи и этикѣ.

Но остановимся. Я не окончилъ бы такъ скоро, если бы пожелалъ, не говорю—изслѣдовать въ корнѣ, но только перечислить всѣ ложныя предварительныя положенія, заблужденія и если можно такъ выразиться, всѣ обманы, которые кладутъ свою печать на критическое произведеніе современнаго моралиста, затрудняютъ его движеніе, парализуютъ его усилія и замедляютъ торжество соціальной науки.

II.

Я перехожу къ опредѣленію морали. Изслѣдованіе біологическихъ теорій явно останавливается передъ фактами коллективной аксіологии (axiologie), передъ альтруистической оцѣнкой явленій. Изученіе этихъ фактовъ требуетъ появленія новой науки, науки о мірѣ надорганическомъ, истинныя основанія которой слѣдуетъ искать, какъ мы думаемъ, въ той безпорядочной массѣ явленій, которыя практика истекшихъ вѣковъ и интуитивное познаніе исчезнувшихъ поколѣній пробовали группировать подъ именемъ нравственности.

Другими словами, этика необходимо должна составлять глубокую и весьма существенную часть социологии, мысль, впрочемъ, не настолько странная, какъ это можетъ показаться съ перваго раза: она имѣетъ глубокіе корни въ исторіи социальныхъ идей.

Развѣ содержаніе социологии не становилось часто предметомъ этики? Объ этомъ свидѣлствуетъ точное, уже въ силу его общности, опредѣленіе нравственности. Нравственность есть наука о частныхъ, наиболѣе сложныхъ отношеніяхъ между разными существами. Не говорили-ль и не повторяли ли весьма часто, что мораль есть физика нравовъ? Къ сожалѣнію, многіе придерживались подобныхъ чисто внѣшнихъ объясненій, даже и теперь опредѣляютъ нравственность то — какъ практическую науку, допол-

неніе или прибавленіе къ біологіи и психологіи, то— какъ важную часть метафизики.

По примѣру прочихъ наукъ, соціологія должна будетъ отвоевать и взять обратно у метафизики свою сущность — нравственность. Вѣрить въ то, что дѣло могло бы произойти иначе, все равно, что не признавать извѣстныхъ законовъ эволюціи и предполагать, что различные законы управляютъ ходомъ т. наз. естественныхъ наукъ и развитіемъ соціальной науки.

То, что мы теперь называемъ этикой, есть знаніе, чрезмѣрно насыщенное смутными, неточными понятіями и противорѣчивыми идеями. Современная соціологія, можетъ быть, не совсѣмъ заблуждается, отворачиваясь отъ своихъ собственныхъ началъ, столь исковерканныхъ и обезображенныхъ. Тѣмъ не менѣе, отдѣлившись отъ нравственности, соціологія никогда не сдѣлается великой отвлеченной наукой, способной, въ свою очередь, дать пищу научной философіи. Эту истину начинаютъ видимо предчувствовать. Мнѣніе, объединяющее слова «моральный» и «соціальный», пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все больше сторонниковъ. Оно проникаетъ мало по малу въ общественное сознаніе черезъ литературу, политику и агитацію соціалистовъ. Ближайшее сравненіе явленій т. наз. нравственныхъ съ такъ наз. соціальными открываетъ между ними постоянную связь. Наконецъ приходится убѣдиться, что все время имѣешь дѣло съ явленіями однородными,

подверженными постоянной эволюціи, но гдѣ основательно различаютъ фазу предшествующую, производящую (нравственную сторону) отъ фазы послѣдующей и производимой (стороны соціальной).

Конечно, я очень хорошо знаю, что сведенное съ вѣрнаго пути сложностью обыкновеннаго здраваго разсудка большинство моралистовъ упорно занимается только виѣшностью явленій, и отлично понимаю, что, загипнотизированныя этой блестящею декорациею, этическія школы вмѣстѣ съ нами отказываются видѣть въ соціологіи новый видъ міровой силы. Онѣ не сразу согласятся назвать добродѣтельною видоизмѣненную энергію, ставшую изъ механической или жизненной—моральной или соціальной; не назовутъ мудростью экономію этой самой силы, ея примѣненіе по правилу наименьшаго сопротивленія; не допустятъ, наконецъ, чтобы *добро* и *зло* считались за *истину* и *заблужденія*, *перенесенныя* изъ области познанія явленій органическихъ и неорганическихъ въ область познанія явленій надорганическихъ (*surorganiques*). Но что намъ до того! Мы можемъ считать себя вполне удовлетворенными тѣмъ, что весьма многіе, не слишкомъ заботясь о правильности логическихъ посылковъ, принимаютъ вмѣстѣ съ нами большую часть выводовъ, вытекающихъ изъ новаго пониманія нравственности. Видимо начинаютъ убѣждаться и въ томъ, что выводить причину соціологическаго явленія изъ

отвлеченныхъ понятій удовольствія или интереса значить допускать очевидную ошибку, потому что такія понятія для своего зарожденія и развитія въ нашемъ умѣ требуютъ предварительнаго соціального опыта; они не предшествуютъ явленію альтруизма, а слѣдуютъ за нимъ, являются результатомъ первоначальныхъ фактовъ психическаго взаимодействія, предполагаютъ извѣстную степень симпатіи, единенія, солидарности.

Съ другой стороны значительное число философовъ и соціологовъ новѣйшаго времени уже отдають себѣ отчетъ въ грубой логической ошибкѣ, состоящей въ безусловномъ противоположеніи понятія цѣлесообразности понятію причинности. По ихъ мнѣнію, цѣлесообразность, освобожденная отъ натуралистическихъ и антропоморфныхъ иллюзій, искажающихъ ее, наполняетъ собою область нравственности, постепенно измѣняя ее въ науку о *воль*. Одновременно новые взгляды проливають свѣтъ на необходимость различать конкретное и абстрактное изученіе соціальныхъ явленій и на истинный характеръ исторіи, понимаемой, какъ родъ соціальной астрономіи или геологіи, какъ дедуктивное знаніе, какъ обширная психологія расъ, народовъ, классовъ, толпы и въ особенности личностей.

Замѣтимъ, что наши понятія объ этикѣ соединяются тысячью незамѣтныхъ узъ съ глубоко измѣненнымъ понятіемъ, какъ личности въ соціологіи, такъ и нашего «я» въ психологіи и философіи.

Въ дѣйствительности, личность, изслѣдованная отвлеченно или конкретно методами, употребляемыми въ психологіи и этологіи (изученіе нравовъ и обычаевъ), остается для насъ, главнымъ образомъ, продуктомъ надорганическихъ процессовъ, развивающихся внѣ ея, въ другихъ личностяхъ. Личность нельзя оцѣнить только самое по себѣ; въ ней есть и нѣчто чужое, она представляетъ собою силу, находящуюся въ постоянномъ соотношеніи съ другими подобными силами. Поэтому мнѣ кажется нелогичнымъ предположеніе, что коллективная личность, социальная группа, можетъ стремиться поглотить отдѣльнаго человѣка, входящаго въ нее. Это былъ бы родъ саморазрушенія (autodestruction). Точно также общества, которыя хотятъ благоденствовать и не прекращать существованія, не могутъ уклоняться отъ выполненія благородной задачи усиливать свою свободу, независимость своихъ членовъ, права меньшинства, доведеннаго даже до одного индивида.

Естественно также, что такое болѣе широкое пониманіе роли или значенія «соціальной ячейки» влечетъ, въ свою очередь, за собою замѣтное измѣненіе, которое моралисты впредь будутъ приписывать старому противоположенію между эгоизмомъ и духомъ самопожертвованія, состраданія, милосердія.

Великій законъ сохраненія энергіи раскрываетъ призрачный характеръ контраста, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ намъ представляетъ альтруизмъ, какъ

явленіе естественное, основное, корни котораго могутъ быть найдены въ мірѣ дѣйствительной жизни и еще дальше, въ области свойствъ неорганической матеріи. Онъ намъ доказываетъ также, что стремленіе, извѣстное подъ именемъ эгоизма, заключаетъ и низшую начальную форму этого основнаго явленія, форму, которою мы можемъ воспользоваться, какъ условной мѣркой при сравненіи, какъ чертой, соответствующей нулю на термометрѣ. Затѣмъ указанный законъ выясняетъ, что человѣкъ, влюбленный въ самого себя, любующійся своею жалкою персоною до противопоставленія ея всему человѣчеству и природѣ, есть ни что иное, какъ лицо отсталое въ социальномъ смыслѣ, сохранившее нравственныя особенности первобытныхъ предковъ. Впрочемъ, контрастъ, о которомъ идетъ рѣчь, совершенно соответствуетъ длинному религіозному и метафизическому періоду, которому пришлось быть свидѣтелемъ развитія противоположенія между Богомъ и Вселенной, между «я» и «не я», между субъектомъ и объектомъ, нуменомъ и феноменомъ.

Съ другой стороны мысль, охватывающая въ альтруизмѣ его существенную характерную черту, истинное отличіе социальнаго бытія, исправляетъ наши понятія о сложныхъ и тѣсныхъ отношеніяхъ между духомъ и матеріей, человѣкомъ и природою. Стоя въ ряду естественныхъ явленій на самомъ верху, человѣческій умъ не долженъ задаваться конечною цѣлью исправить, улучшить или насиловать

природу. Человѣкъ долженъ развиваться. Онъ долженъ стремиться расширить, увеличить свои владѣнія, область нравственности, вводя туда необходимость, признаваемую разумомъ, т. е. самый разумъ вмѣсто необходимости, не признаваемой разумомъ, т. е. случая, и разсматривать природу, какъ безпрерывное продолженіе самого себя. Тогда человѣкъ будетъ относиться къ природѣ какъ должно и дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ по отношенію къ ней сообразно законамъ, управляющимъ существами низшими или предметами неодушевленными.

Теорія нравственности, по поводу которой я долженъ былъ ограничиться очень краткимъ разсужденіемъ, опирается на три соціологическія гипотезы, провѣрка которыхъ и въ наше время производится въ разныхъ направленіяхъ. Можно надѣяться, что по истеченіи 30—50 лѣтъ (продолжительность одного или двухъ поколѣній) установится опредѣленный взглядъ на нихъ, равно какъ и относительно вытекающихъ изъ нихъ тезисовъ.

Первая изъ этихъ гипотезъ, извѣстная въ соціологической литературѣ подъ именемъ теоріи *био-соціальной*, есть въ сущности довольно древняя гипотеза. Изложенная подробно въ моей «Соціологіи», она встрѣтила радушный приѣмъ у значительнаго числа французскихъ и иностранныхъ соціологовъ; изъ французскихъ назову извѣстныя теперь имена Фулье, Дюркгейма, Тарда, Изуле.

Вторая гипотеза—интеллектуальной или соціо-

психической послѣдовательности, т.-е. постояннаго и правильнаго порядка преемственности развитія четырехъ главныхъ группъ соціологическихъ явленій и четырехъ руководящихъ основаній общественной эволюціи: науки, философіи или религіи, искусства и труда или промышленности. Я формулировалъ и защищалъ эту гипотезу въ книгѣ, озаглавленной: «Философія нашего вѣка».

Наконецъ 3-й постулатъ — тотъ, который я старался доказать въ уже появившейся части моей «Этики».

Для успѣшной защиты своей области отъ за-полненія ея низшими отраслями знанія (введеніе которыхъ въ настоящее время увлекло бы ее въ дебри метафизики), соціологія должна идти тѣмъ же путемъ, какъ и другія отвлеченныя науки: она должна признать временную и условную неразложимость извѣстнаго рода явленій, лежащихъ въ основѣ всѣхъ соціальныхъ фактовъ. Слѣдовательно, нашъ постулатъ состоитъ въ допущеніи того, что переходъ изъ міра дѣйствительности въ міръ идей сопровождается конечнымъ измѣненіемъ міровой силы.

Отъ сближенія и столкновенія психофизиологическихъ силъ высшихъ организмовъ произошли (точно также, какъ химическія явленія — изъ соединенія матеріальныхъ частицъ) *коллективный психизмъ, альтруизмъ*, необходимый, какъ для совершенствованія сознанія совѣсти и сложной

идеации (ideation), такъ и для торжества въ человѣческомъ трудѣ цѣлесообразности, т.-е. дѣятельности, опредѣляемой идеальными цѣлями и мотивами. Сложная идеация и сознательная дѣятельность всегда представляютъ собою (отрицательно или положительно) проявленія альтруизма и общности. Когда они положительны, мы называемъ ихъ нравственными или хорошими, когда они отрицательны—безнравственными или дурными.

III.

Еще и въ наше время имѣетъ значеніе иллогизмъ (illogisme), который много содѣйствовалъ сначала появленію, а затѣмъ поддержкѣ въ исключительно счастливомъ положеніи эмпирическихъ методовъ изслѣдованія. Этотъ иллогизмъ опирается на глубокой предразсудокъ, по которому практика должна предшествовать теоріи, искусство—наукѣ и трудъ философа долженъ готовить трудъ ученаго. Это—странный генезисъ, нарушающій историческій и логическій порядокъ появленія главныхъ основъ и составныхъ элементовъ умственнаго развитія! Этика должна раздѣлить судьбу всѣхъ прочихъ наукъ. Еще долгое время теорія въ ней будетъ униженной слугой ложныхъ идей толпы,

относящейся съ почтеніемъ къ надменному невѣжеству, мнящему себя способнымъ отвѣтить на всякій вопросъ, разрѣшить самыя трудныя задачи. Чтобы довести до конца мою мысль, я долженъ сказать, что этика коснѣеть въ этой начальной стадіи. Ея самыя горячіе адепты совершенно не признають за нею характера теоретическаго и все для того, чтобы имѣть право смотрѣть на нее, какъ на науку прикладную.

Таковъ взглядъ, явно покровительствуемый большинствомъ англійскихъ школъ, называющихъ этику наукой, которая учитъ опредѣлять, почему одинъ видъ поступковъ предпочтительнѣе передъ другимъ. Очень полезно заняться оцѣнкою правилъ жизни (рѣдко и случайно прибавляютъ къ этому слово: общественной) но еще вопросъ, слѣдуетъ ли основываться при этой практической оцѣнкѣ на какой-нибудь наукѣ? На это отвѣчаютъ отрицательно, не останавливаясь даже передъ допущеніемъ чудовищнаго абсурда: передъ соціальной технологіей, передъ предшествующей теоріи общества политикой.

Но что же можно на это возразить? Должны ли мы отказаться отъ непосредственной практической дѣятельности даже принять неудачное антисоціальное ученіе извѣстнаго эмпирика Толстого?— Никогда и ни въ какомъ случаѣ!

Для того, чтобы избѣжать всякаго недоразумѣнія въ этомъ смыслѣ, я въ моемъ послѣднемъ томѣ

ясно и точно очертилъ свой взглядъ по этому поводу. Вотъ онъ:

«Я отказываю въ своемъ уваженіи тому социологу, который выше стремленія къ истинѣ поставилъ бы честолюбіе, желаніе осуществить что-либо, хотя-бы и непосредственное общее счастье человѣчества. Подобные софизмы поработаютъ философію вымыслу, Не позволимъ же осквернять источники моральнаго знанія!»

Нравственное поведеніе, социальная технологія, зависитъ отъ открытій въ области отвлеченныхъ социальныхъ наукъ настолько же, насколько, хотя бы на прим., примененія промышленныя или успѣхи гигиены и медицины зависятъ отъ открытій въ области физико-химическихъ или біологическихъ наукъ. Такимъ образомъ не удивительно, что мы въ настоящее время во всѣхъ областяхъ социальной жизни находимся въ борьбѣ съ совершенно неудовлетворительнымъ нравственнымъ ученіемъ и системой политики. Наша семейная и половая нравственность совершенно такъ-же эмпирична, пропитана произволомъ и не основана на разумѣ, какъ и наши нравственныя идеи экономическаго, юридическаго и административнаго характера. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ ежедневное по истинѣ ужасное (если вдуматься въ это хорошенько) проявленіе бессознательной дикости: социальная терапевтика, искусство залъчивать общественныя болѣзни и послѣдствія нравственной безпорядочности,

порожденной въ индивидахъ общими причинами, заключается въ искусствѣ наказывать, повторять зло вторичнымъ совершеніемъ преступления или проступка уже всѣмъ обществомъ, т.-е. некорректно.

При настоящихъ обстоятельствахъ терапевты души едѣлали бы, безъ сомнѣнія, очень хорошо, если-бы послѣдовали примѣру врачей: медицина, доведенная до постыднаго банкротства, искала и нашла спасеніе въ физиологіи, въ отвлеченной біологіи, возведенной на прочномъ фундаментѣ великихъ открытій химіи. Наука о жизни показала наиболѣе слѣпымъ, что она способна и возобновить медицинскія теоріи, и создать новые методы леченія, болѣе раціональные и болѣе вѣрные, чѣмъ старыя средства эмпирической медицины. Съ практической нравственностью случится то же самое. Подъ опасеніемъ непосредственнаго, громкаго банкротства нравственность должна будетъ обратиться къ отвлеченной социологіи, опирающейся на біологическій фундаментъ, съ просьбою влить свѣжую струю крови въ древнія ученія, въ умирающія правила религіознаго и метафизическаго свойства. И здѣсь еще разъ придутъ къ убѣжденію, что между высшими принципами нравственности и основными истинами социологіи существуетъ постоянное, внутреннее и необходимое соотвѣтствіе.

Всѣ наши споры и всѣ разногласія въ ученіяхъ относятся къ этому будущему измѣненію, къ неиз-

бѣжному обновленію экспериментальныхъ системъ. Съ одной стороны мы сталкиваемся съ приверженцами старины, со старыми привычками, съ предразсудками, всосанными съ молокомъ матери, съ простыми, наивными умами, которые, ползая по землѣ, думаютъ, что витаютъ въ небесахъ; а съ другой встрѣчаемъ ихъ противниковъ, которые призываютъ царство разума и которые борются противъ заповѣдей, идей, чувствъ, «всего сквернаго богатства» здраваго смысла толпы.

По крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нравственность будетъ ограничиваться изученіемъ неясныхъ эмпирическихъ законовъ общественной жизни, до тѣхъ поръ мы будемъ неправы, упрекая политику въ непостоянствѣ или отсутствіи принциповъ. Въ сущности она не болѣе и не менѣе безнравственна, чѣмъ сама мораль. Сказать, что человѣкъ есть средство политики въ то время, какъ онъ есть цѣль для нравственности, значитъ устанавливать напрасное, мнимое различіе. Политика и нравственность преслѣдуютъ одну и ту же цѣль.

Настанетъ время, когда ученіе о нравственности, освобожденное отъ вораха метафизики и превращенное въ точную науку, будетъ править человѣческимъ обществомъ при помощи политики, покоящейся на двухъ факторахъ: философіи и искусствѣ; до того времени мы должны довольствоваться поученіемъ, заключающимся въ слѣдующихъ словахъ Тэна:

«Мы обладаемъ наукой. Наши дѣти, счастливые, чѣмъ мы, будутъ пользоваться двумя благами сразу: наукой и свободой. Нужно выждать время, работать, писать... Какъ говорилъ Сократъ, мы, только мы занимаемся настоящей политикою, такъ какъ она есть наука. Остальные — только практики и ремесленники».

СПбГУ

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Д-ръ Э. Дельбэ.	Стр.
Позитивная нравственность	3
II. А. Дарлю.	
Общественныя и нравственныя идеи.	28
III. Пасторъ Вагнеръ.	
Въ чемъ искать разрѣшенія нрав- ственного кризиса?	55
IV. В. Момю.	
Справедливость и право	91
V. Ж. Бело.	
Состраданіе и естественный подборъ.	107
VI. Шарль Жидъ.	
Справедливость и милосердіе	151
VII. Л. Бруншви́гъ.	
Радости жизни, какъ основа морали.	184
VIII. Е. де-Роберти.	
Нравственность и политика	209

